

ЛУИ НИЛЬСОН

Золотая тень
особняка

Луи Нильсон

Золотая тень особняка

<https://litres.ru/74040049>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мира — бывшая гимнастка, привыкшая доверять только мышечной памяти и законам физики.

Но когда наследство приводит её в мрачный особняк, реальность начинает крошиться. Загадочный Кай, хозяин дома, превращает её жизнь в выверенный до секунды график, где каждый шаг — это танец на грани безумия.

Здесь стены дышат, а призраки прошлого требуют своей доли. Мире предстоит узнать, почему её руки излучают странный свет и какую цену потребует живой камень за право обладания. В этом доме нет места свободе — только тишина, золото и пугающая вечность.

Сможет ли она остаться человеком или станет лишь частью мрачной архитектуры?

История о том, как легко потерять душу в стенах древнего дома.

Содержание

ГЛАВА 1: Гости́я поневоле	4
Глава 2: Территория контроля	22
Глава 3: Запертые горизонты	40
Глава 4: Музей потерянных вещей	58
Глава 5. Попытка номер ноль	73
Глава 6: Правила игры	91
Глава 7: Стук в стенах	109
Глава 8: Обед с призраком	126
Глава 9: Гимнастика выживания	145
Глава 10: Комната номер ноль	161
Глава 11: Удушье тишиной	177
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Золотая тень особняка

ГЛАВА 1: Гостья поневоле

Дождь за окном такси превращал мир в размытое акварельное пятно, где серый асфальт сливался с таким же серым небом. Я смотрела на счетчик, и цифры на нем вызывали у меня зуд в кончиках пальцев. Это была цена моей свободы, выраженная в помятых купюрах, которые я сжимала в кармане старого тренча. Водитель молчал всю дорогу, и я была ему за это благодарна. Когда машина остановилась перед массивными железными воротами, я почувствовала, как мышцы спины привычно задеревенели. Это была профессиональная деформация - готовность к прыжку, даже если прыгать некуда.

Ворота выглядели так, будто их отливали в аду для охраны особо ценных грешников. Черное железо, острые пики, переплетения, напоминающие застывшие в агонии змеиные тела. Я оценила их высоту. Около четырех метров. Если зацепиться за выступ в нижней трети, можно подтянуться, перебросить корпус и уйти переверотом назад, но мокрый металл не даст сцепления. Я останусь висеть там, как подбитая птица, пока охрана не снимет меня или пока я не сорвусь вниз, ломая лодыжки. Моя мышечная память никогда не предлагала мне просто стоять и смотреть. Она всегда искала выход,

траекторию, точку опоры.

Ворота дрогнули. Без скрипа, без всякого предупреждения они начали расходиться в стороны, открывая вид на длинную аллею, засаженную деревьями, чьи ветви под тяжестью воды склонялись к самой земле. Таксист не двинулся с места.

- Дальше я не поеду, - буркнул он, не оборачиваясь.

- Почему? - я выгащила деньги. - Здесь еще полмили до самого дома.

- Не положено. Там частная территория. Выходите, де-вушка.

Он взял деньги, едва коснувшись моих пальцев, как будто я была заразной. Я вышла, и ливень тут же обрушился на меня, пробивая ткань тренча до самых костей. Чемодан на колесиках застрял в гравии еще на первых метрах. Я дернула его, чувствуя, как плечо отозвалось резкой болью - старая травма, привет из большого спорта, когда я думала, что брусся - это центр вселенной. Теперь моей вселенной был этот кусок земли, на который меня вышвырнули по праву наследования, хотя я никогда не видела тех, кто этот дом строил.

Я шла по аллее, и мне казалось, что деревья за моей спиной смыкаются, отрезая путь назад. Особняк возник внезапно. Огромная, тяжелая туша из серого камня, которая, казалось, не стояла на земле, а вдавливалась ее в преисподнюю. Архитектура в стиле "мы ненавидим солнечный свет" - узкие окна, крутая крыша, бесконечные выступы. Я остановилась

перед парадным входом. Дверь была дубовой, толщиной с мою талию. Я не успела поднять руку к звонку, как она открылась.

На пороге стоял человек. Он не был похож на дворецкого из старых фильмов. На нем был черный костюм, сшитый так безупречно, что казался второй кожей. Ни одной складки, ни одной лишней детали. Его лицо было симметричным до пугающего - правильный нос, четкая линия челюсти, глаза цвета застывшего озерного льда. Я почувствовала, как изменилось давление воздуха вокруг него. Это было похоже на то, как если бы я вошла в зону высокого напряжения.

- Добро пожаловать домой, Мира, - произнес он.

Его голос был негромким, но он перекрывал шум дождя. Каждое слово было выверено, как шаг по канату. Безэмоционально. Констатация факта.

- Мы знакомы? - я постаралась придать голосу ироничный оттенок, но зубы предательски клацнули друг о друга. Я промокла до нитки, и моя гордость сейчас весила не больше, чем этот мокрый тренч.

- Я Кай, - он не протянул руки. Вместо этого он шагнул вперед и легко, почти невесомо, забрал у меня чемодан. - Проходите внутрь. Вы простудитесь, а у нас плотный график.

- Плотный график чего? Моих похорон? - я переступила порог.

Холл был огромным. Я сразу задрала голову вверх. Тридцать футов. Может, чуть больше. Потолок терялся в тени,

украшенный лепниной, которая сверху напоминала переплетенные внутренности. Если я упаду оттуда, я умру мгновенно. Девять целых восемь десятых метра на секунду в квадрате - физика не оставляет шансов на импровизацию. Я зафиксировала лопатки, выпрямляя спину. Привычка. Даже если ты чувствуешь себя раздавленным насекомым, ты должна держать линию.

- Вы любите высоту, - заметил Кай. Он поставил мой чемодан у подножия массивной лестницы.

- Я люблю понимать, насколько глубоко мне придется падать, если что-то пойдет не так, - ответила я, оглядываясь. - Где все? Горничные, лакеи, призраки бывших владельцев?

- Здесь только я. И теперь вы.

Он смотрел на меня так, будто я была экспонатом в музее, который внезапно начал двигаться. Его взгляд не скользил по лицу, он сканировал. Я чувствовала, как он отмечает мои дрожащие пальцы, пятно от кофе на воротнике, то, как я переносу вес тела на левую ногу, чтобы разгрузить травмированное колено.

- Вы опоздали на четырнадцать минут, - сказал он, глядя на свои часы. - Это создает определенные неудобства для кухни.

- Извините, я не знала, что у шторма есть расписание. Кай - это фамилия или имя?

- Для вас это не имеет значения. Снимите пальто. Оно портит паркет.

Я замерла. Его вежливость была похожа на лезвие бритвы - тонкая, блестящая и способная пустить кровь при малейшем неосторожном движении. Я растегнула пуговицы. Руки слушались плохо. Он подошел ближе, и я невольно задержала дыхание. От него пахло холодным металлом и чем-то неуловимо древесным. Он помог мне снять мокрый тренч, и его пальцы на долю секунды коснулись моих плеч. Это не было прикосновением мужчины к женщине. Так механик касается детали, проверяя ее целостность.

- Вы очень худая, Мира, - констатировал он. - Мы это исправим.

- Я не собираюсь здесь задерживаться, - я обхватила себя руками. Под свитером кожа пошла мурашками. - Я приехала только для того, чтобы подписать бумаги и продать это место к чертовой матери. Мой адвокат сказал, что это формальность.

- Ваш адвокат - оптимист. А этот дом не любит, когда его пытаются продать.

Он развернулся и пошел вглубь холла. Его походка была бесшумной. Я пошла следом, стараясь не поскользнуться на гладком мраморе. Мои ботинки издавали противный хлюпающий звук. Я чувствовала себя грязным пятном на стерильной поверхности этого особняка. В родительской квартире я всегда была такой - лишним предметом мебели, который постоянно мешает под ногами. Здесь это чувство усилилось в стократ.

Мы вошли в небольшую комнату, которая, судя по всему, служила малой столовой. Здесь горел камин, и тепло ударило мне в лицо, вызывая легкое головокружение. Кай указал на стул с высокой спинкой.

- Садитесь. Я принесу воду.

- Я не хочу воды, я хочу объяснений. Что значит - дом не любит? Это же просто кирпичи и раствор.

- Этот дом - это история, - он остановился в дверях. - А история всегда требует участия. Подождите здесь.

Он вышел, и я осталась одна. Я не села. Вместо этого я подошла к камину и протянула руки к огню. Мои суставы ныли. Каждое утро я начинала с растяжки, чтобы просто иметь возможность ходить, не хромя, но сегодня я пропустила ритуал, и тело мстило мне. Я осмотрела комнату. На стенах висели портреты людей с такими же холодными лицами, как у Кая. Они смотрели на меня с осуждением. Гостья поневоле. Невидимая девочка, которая случайно получила ключи от замка.

Я подошла к окну. Дождь не утихал. Стекло было толстым, двойным. Я приложила к нему лоб. Холод немного утихомирил пульсацию в висках. Я пыталась интеллектуализировать страх, разложить его на составляющие. Почему я боюсь? Потому что я в незнакомом месте. Потому что Кай ведет себя странно. Потому что особняк кажется слишком живым. Это просто химия, Мира. Адреналин, кортизол. Ничего сверхъестественного.

Дверь тихо открылась. Кай вошел, неся поднос. На нем стоял один единственный стакан. Он подошел ко мне и протянул его.

- Пейте.

Я взяла стакан. Мои пальцы коснулись стекла, и я замерла. Я ожидала почувствовать ледяной холод или обжигающий жар чая. Но вода была... теплой. Ровно восемнадцать градусов. Та самая температура, которую я всегда требовала в кафе и ресторанах, потому что от ледяной у меня сводило зубы, а теплая не утоляла жажду. Я никогда не говорила ему об этом. Я вообще никому об этом не говорила последние пять лет.

Я сделала глоток. Идеально. Мой желудок сжался.

- Откуда ты знаешь? - спросила я, глядя ему прямо в глаза.

- О чем именно? - его лицо оставалось непроницаемым.

- О температуре воды.

- Я знаю о вас многое, Мира. Это часть моей работы. Управлять не только домом, но и комфортом его обитателей.

- Это не комфорт. Это слежка. Ты читал мое досье? Или, может, копался в моих соцсетях? Хотя я там ничего не пишу про свои привычки пить воду.

- Соцсети - это мусор, - он слегка поморщился. - Там люди показывают то, кем они хотят быть. Меня же интересует то, кто вы есть на самом деле. Ваше тело говорит гораздо громче ваших слов. Например, сейчас вы стоите в четвертой позиции, хотя на вас тяжелые ботинки. Вы все еще гимнастка,

даже если не выступали десять лет.

Я почувствовала, как по позвоночнику пробежал холод. Я действительно стояла, развернув стопы, как учили в школе олимпийского резерва. Это было на уровне рефлексов.

- Ты меня пугаешь, - честно сказала я.

- Страх - это полезное чувство. Он заставляет быть внимательной. А внимание - это то, что вам здесь понадобится больше всего.

Он забрал у меня пустой стакан. Его движения были экономичными, ни одного лишнего жеста. Кай был похож на идеально отлаженный механизм, в котором нет места для сбоев.

- Ваша комната готова на втором этаже, - продолжил он.

- Я принес туда ваши вещи. Ужин будет подан в восемь. Не опаздывайте. Я не люблю холодную еду.

- А если я захочу уйти? Прямо сейчас? Пешком под дождем. Ты меня остановишь?

- Зачем? - он чуть приподнял бровь. - Вы свободный человек, Мира. Но до ближайшей станции десять миль. Такси сюда больше не приедет. А идти по лесу в такую погоду... Я бы не советовал. Там легко сбиться с тропы.

Он говорил это так спокойно, будто обсуждал прогноз погоды, но я слышала скрытый подтекст. Ты никуда не уйдешь. Не потому, что я запер дверь, а потому, что мир снаружи перестал для тебя существовать в ту секунду, когда ты вошла в этот холл.

- Кто ты такой на самом деле? - я сделала шаг к нему, вторгаясь в его личное пространство. Это был вызов. Я хотела увидеть хоть какую-то реакцию, блеск в глазах, подергивание мышц на щеке.

Кай не отстранился. Напротив, он наклонился ко мне, так что я почувствовала его дыхание на своем лице. Оно было ровным и спокойным.

- Я тот, кто будет следить за тем, чтобы вы не разбились, пока будете изучать высоту этих потолков, - прошептал он. - Идите наверх, Мира. Вам нужно согреться.

Я развернулась и вышла из столовой, стараясь идти твердо, не оборачиваясь. Мое тело горело там, где он был близко. Это не было влечением. Это было чувство опасности, смешанное с каким-то извращенным облегчением. Впервые за долгие годы кто-то смотрел на меня. Не сквозь меня, не мимо меня, а прямо в центр моей сути. Даже если этот кто-то был моим тюремщиком.

Лестница на второй этаж была широкой, с дубовыми перилами, отполированными до блеска. Я провела по ним рукой. Гладкие. Идеальная опора. Я поднималась, считая ступени. Двадцать две до пролета. Еще пятнадцать до площадки. Мой мозг автоматически выстраивал карту пространства.

На втором этаже было темно, только тусклые светильники на стенах отбрасывали длинные, дрожащие тени. Я нашла свою комнату по открытой двери. Мой чемодан уже сто-

ял внутри, сиротливо примостившись у огромной кровати с балдахином. Комната была выдержана в темно-синих и серебристых тонах. Окно выходило на сад, где в сумерках белели статуи, похожие на привидений.

Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Я закрыла глаза и попыталась выровнять дыхание. Вдох на четыре счета, задержка на два, выдох на шесть. Гимнастика научила меня контролировать панику через тело. Если ты можешь управлять своим дыханием, ты можешь управлять миром. Но этот дом не входил в список вещей, подвластных моему контролю.

Я подошла к чемодану и открыла его. Сверху лежал мой старый дневник и пара тренировочных легинсов. Все, что осталось от моей прошлой жизни. Я вытащила сменную одежду и пошла в ванную, которая оказалась целым залом с мраморной купелью посередине.

Я разделась, бросив мокрую одежду на пол. В зеркале я увидела свое отражение. Бледная кожа, выступающие ключицы, шрам на колене - память о неудачном приземлении, которое поставило крест на моей карьере. Я выглядела хрупкой, но я знала, что это обман. Мои мышцы были как стальные тросы, скрытые под тонким слоем шелка. Я привыкла терпеть боль. Я привыкла к тому, что мое тело - это инструмент, который должен работать безупречно.

Я включила воду. Она была горячей, почти обжигающей.

Я встала под струи, позволяя теплу проникать под кожу. Мысли путались. Почему Кай ведет себя так, будто он владеет мной? Почему особняк кажется таким знакомым, хотя я никогда здесь не была? В голове всплывали обрывки разговоров с адвокатом. "Ваша двоюродная бабка была странной женщиной, Мира. Она оставила дом вам с одним условием - вы должны прожить в нем три месяца, прежде чем вступите в права наследования".

Три месяца. Девяносто дней. Две тысячи сто шестьдесят часов. В этом огромном склепе с человеком, который знает температуру моей воды.

Я вышла из душа и завернулась в пушистое полотенце. На туалетном столике я заметила небольшой флакон. Без этикетки, просто прозрачное стекло. Я откупорила его. Масло для тела с ароматом миндаля и горького апельсина. Мое любимое сочетание.

Я замерла, прижимая флакон к груди. Это уже не было просто совпадением. Это было целенаправленное психологическое давление. Кай создавал вокруг меня кокон из моих собственных предпочтений, лишая меня возможности протестовать. Как можно злиться на того, кто дает тебе именно то, что ты любишь?

Я оделась в сухие джинсы и свитер и вышла в комнату. Было почти восемь. Я не хотела опаздывать. Не из страха, а из любопытства. Я хотела увидеть, что еще он приготовил для меня.

Я спустилась вниз. В холле было тихо, только шум дождя за стенами создавал монотонный фон. Я нашла столовую. Стол был накрыт на двоих. Кай уже сидел во главе стола, читая какую-то книгу в кожаном переплете. При моем появлении он закрыл ее и встал.

- Вы вовремя. Садитесь.

- Ты всегда такой пунктуальный? - я села напротив него.
- Это не утомляет?

- Дисциплина - это то, что отличает человека от животного, - ответил он, разливая вино по бокалам. - Ваше вино. Красное, сухое, из региона Риоха. Урожай две тысячи двенадцатого года.

- Конечно, - я усмехнулась, хотя внутри все сжалось в тугой узел. - Ты ведь знаешь, что я предпочитаю именно двенадцатый год из-за повышенной кислотности?

- Я знаю, что в двенадцатом году вы выиграли свой последний чемпионат, - он посмотрел на меня поверх бокала. - И в тот вечер вы пили именно это вино, празднуя победу в маленьком ресторанчике на окраине города. Официант разлил немного на вашу скатерть, и вы тогда сказали, что это добрый знак.

Я поставила бокал на стол так резко, что вино плеснуло на белую скатерть. Пятно медленно расплывалось, напоминая свежую кровь.

- Откуда у тебя эта информация? Это не досье, Кай. Это... это уже за гранью. Ты следил за мной? Все эти годы?

- Я не следил, Мира. Я готовился.

- К чему? К моему приезду в этот склеп? Я тебе не принадлежу. И этот дом мне не нужен.

- Вы так думаете, потому что еще не почувствовали его, - он начал резать мясо на своей тарелке. Движения были точными, почти хирургическими. - Этот дом - не просто строение. Это обязательство. Он ждал вас долгое время. И теперь, когда вы здесь, он начнет меняться.

Я посмотрела на него, пытаюсь найти признаки безумия в его глазах. Но Кай был пугающе вменяем. Его уверенность была такой плотной, что ее можно было потрогать руками.

- Ты сумасшедший, - прошептала я. - Я уеду завтра же. Мне плевать на наследство.

- Вы не сможете уехать, Мира. Не потому, что я вас запру. А потому, что вы уже начали прирастать к этому месту. Посмотрите на свои руки.

Я опустила взгляд. Мои пальцы, судорожно сжимавшие край стола, казались необычно бледными. На одном из них я заметила тонкую, едва видную царапину, которой не было еще десять минут назад.

- Это просто царапина, - я спрятала руки под стол.

- Это знак того, что дом вас принял, - Кай улыбнулся. Это была первая улыбка, которую я увидела на его лице, и от нее мне захотелось закричать. В ней не было тепла, только холодное торжество охотника, чей капкан наконец сработал. - Ешьте, Мира. Вам нужны силы. Завтра мы начнем ваше обу-

чение.

- Обучение чему?

- Жизни здесь. Пониманию того, кто вы есть на самом деле, а не той тени, которой вы притворялись последние десять лет.

Я смотрела на него и понимала, что попала в ловушку, о которой даже не подозревала. Особняк вокруг нас будто вздохнул, и я почувствовала, как по полу прошла легкая вибрация. Или это просто дрожали мои колени?

Я взяла вилку. Рука была тяжелой, как будто на запястье нацепили свинцовый напульсник.

- Почему ты это делаешь? - спросила я, глядя на пятно вина на скатерти.

- Потому что я страж, Мира. Моя работа - беречь залог.

- А я, значит, залог?

- Самый ценный из всех, что когда-либо были у этого дома.

Мы ели в тишине. Слышно было только, как нож Кая касается тарелки. Дзынь. Дзынь. Дзынь. Это был ритм моей новой жизни. Ритм, от которого нельзя было убежать, даже если бы я была в своей лучшей спортивной форме.

После ужина Кай проводил меня до лестницы.

- Спите крепко, Мира. В этом доме сны часто становятся реальностью. Постарайтесь не думать о падении.

- Я никогда не думаю о падении, когда я на высоте, - огрызнулась я. - Я думаю о приземлении.

- Хороший навык, - он слегка склонил голову. - Он вам пригодится.

Я поднялась в свою комнату и заперла дверь на ключ. Я знала, что для него это не препятствие, но мне нужно было создать иллюзию безопасности. Я легла в кровать, не раздеваясь. Темнота комнаты была густой, почти осязаемой.

Я закрыла глаза и вдруг почувствовала то, о чем говорил Кай. Дом дышал. Медленно, тяжело, в унисон с моим собственным сердцем. Стены вибрировали от далекого, едва слышного гула. Это не был шум ветра или старых труб. Это был голос. Шепот тысяч людей, которые жили здесь до меня и которые теперь ждали моего хода.

Я свернулась калачиком, прижимая колени к груди. Моя мышечная память рисовала мне сложные акробатические связки, прыжки, сальто, полеты. Но здесь, в этой темноте, я понимала, что самый сложный трюк мне еще только предстоит выполнить. И ценой ошибки будет не сломанная нога, а моя душа, которую этот дом уже начал медленно переваривать.

Где-то в глубине особняка послышался звук закрывающейся двери. Или это просто захлопнулась ловушка? Я не знала. Я только чувствовала, как холодная вода в моем стакане на прикроватной тумбочке медленно остывает, стремясь к идеальным восемнадцати градусам.

Кай был прав. Он знал обо мне все. И это было самое страшное. Он не просто читал мою историю - он собирался

написать ее продолжение, используя меня вместо пера.

Я лежала и смотрела в потолок, считая секунды до рассвета. Один. Два. Три. Четыре.

Дом слушал мой счет. И он улыбался мне из каждого угла. Я заснула только под утро, когда дождь превратился в мелкую изморось. Мне снилось, что я стою на самом краю крыши особняка. Кай стоит позади и мягко подталкивает меня в спину.

- Прыгай, - шепчет он. - Я поймаю.

И я прыгаю. Не потому, что верю ему. А потому, что падение - это единственный способ узнать, есть ли у меня все еще крылья или я окончательно превратилась в камень, из которого сложены эти стены.

Я проснулась от того, что в комнату вошел солнечный луч. Он был тонким и острым, как скальпель. На тумбочке лежал свежий конверт. Без марки, без адреса. Просто мое имя, написанное каллиграфическим почерком Кая.

Я открыла его, чувствуя, как мелко дрожат пальцы.

- Первая тренировка в девять. Форма одежды - спортивная. Не заставляй меня ждать, Мира. Мы только начали.

Я смяла письмо и отшвырнула его в угол. Но тело уже отреагировало. Мышцы напряглись, готовясь к работе. Я была гостьей в собственной жизни, но в этом доме я становилась чем-то большим. Функциональным объектом. Инструментом. Залогом.

Я встала и подошла к окну. Кай стоял внизу, в саду, и

смотрел прямо на мое окно. Он не махал мне рукой, не улыбался. Он просто фиксировал мое присутствие.

Игра началась. И я знала, что правила в ней устанавливаю не я. Но я всегда была плохой ученицей, когда дело касалось послушания. Если он хочет тренировку - он ее получит. Но я не обещаю, что она пройдет по его сценарию.

Я натянула легинсы и кроссовки. Мое колено почти не болело. Дом давал мне силы, чтобы потом забрать их с процентами. Я это понимала. Но сейчас мне нужна была эта энергия.

Я вышла из комнаты и направилась к лестнице. Двадцать две ступени вниз. Пятнадцать до пролета. Я не шла. Я летела, едва касаясь перила. Кай ждал меня внизу.

- Ты готова? - спросил он, когда я спрыгнула с последней ступени.

- Я родилась готовой, Кай. Вопрос в том, готов ли ты к тому, что я не собираюсь проигрывать.

- В этом доме нет проигравших, Мира, - он открыл передо мной тяжелую дверь, ведущую в сад. - Есть только те, кто стал частью фундамента. Пойдем. У нас много работы.

Я вышла на улицу. Воздух был чистым и холодным. Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как легкие наполняются силой. Я не знала, что ждет меня впереди, но я знала одно: я больше не была невидимой. Для этого дома и для этого человека я была центром мира. И это пугало меня больше, чем любая высота.

Мы шли по влажной траве, и я чувствовала, как за нами наблюдают сотни глаз из окон особняка. Это была моя новая реальность. Моя клетка. Моя сцена.

И я собиралась выступить так, чтобы этот дом запомнил меня навсегда. Даже если это будет мое последнее выступление.

Глава 2: Территория контроля

Столовая встретила меня запахом старого дерева и едва уловимым ароматом розмарина. Это был не тот уютный запах домашней кухни, к которому привыкаешь в нормальных домах, где на плите свистит чайник, а на столе крошки от вчерашнего хлеба. Здесь пахло стерильностью операционной, замаскированной под антикварную роскошь. Шаг за шагом я измеряла пространство. Десять метров в длину, семь в ширину. Высота потолков - около пяти. Если зацепиться за край лепнины, можно было бы сделать выход силой, но гипс под пальцами наверняка рассыплется, превратив мой триумф в нелепое падение на паркет шестнадцатого века. Я чувствовала, как икроножные мышцы непроизвольно напряглись, готовые к амортизации. Привычка, вбитая годами тренировок: никогда не доверяй поверхности, пока не проверишь ее на прочность.

Кай шел чуть позади. Я не слышала его шагов, но знала, что он там. Изменение давления воздуха за моей спиной, легкое смещение центра тяжести в комнате - он двигался как хищник, который уже поймал добычу и теперь просто наслаждается тем, как она барахтается в сетях. Он указал на массивный стул с высокой спинкой. Тяжелый дуб, обтянутый кожей, которая на ощупь напоминала человеческую плоть.

- Садись, Мира, - его голос прозвучал как щелчок хлыста,

хотя тон оставался безупречно вежливым. - Ужин не должен остыть. Правильный температурный режим - залог усвоения нутриентов.

Я опустилась на стул, чувствуя, как позвоночник автоматически выпрямляется в идеальную вертикаль. Макушка тянется вверх, лопатки сведены, подбородок параллельно полу. Тренер бы гордилась мной, если бы не была мертва или не забыла мое имя через неделю после того, как я вылетела из сборной из-за травмы колена. Кай подошел вплотную. Его близость ощущалась кожей предплечий. Он не прикасался ко мне, но я чувствовала жар, исходящий от его тела, и это злило. Я не хотела чувствовать в нем человека. Мне было проще воспринимать его как деталь интерьера, как этот чертов стул или канделябр.

- Твоя левая рука, - произнес он, наклоняясь к моему уху. - Слишком напряжена. Расслабь кисть. Ты не на бревне, Мира. Ты дома.

- Я в гостях, Кай, - поправила я, глядя прямо собой на пустую тарелку из тончайшего фарфора. - В гостях, которые затянулись. И я не помню, чтобы приглашала тебя давать мне советы по этикету.

- Этот дом не терпит суеты, - он проигнорировал мою колкость, плавно перемещаясь к сервировочному столику. - Каждое движение должно быть оправданным. Ты ешь так, будто ждешь нападения. Это портит метаболизм.

Он поставил передо мной тарелку. Запеченная дорада с

лимоном и спаржей. Никаких соусов на основе сливок, никаких специй, вызывающих изжогу. Все именно так, как я заказывала бы сама, если бы у меня еще осталась воля выбирать. Кай знал. Он знал, что у меня аллергия на кедровые орехи и что я терпеть не могу кинзу. Это знание ощущалось как инвазия, как будто он залез мне под черепную коробку и перебрал там все мои детские страхи и взрослые предпочтения.

- Откуда ты знаешь меню? - я взяла вилку, чувствуя ее вес. Серебро. Старое, тяжелое, с гравировкой, которую я не могла рассмотреть без очков. - В моем досье было указано, что я предпочитаю рыбу на пару?

- В твоём досье было указано гораздо больше, чем ты можешь себе представить, - Кай встал за моей спиной. Он не сел. Он превратился в статую, в немого свидетеля моего поглощения пищи. - Я знаю твой индекс массы тела за последние пять лет. Я знаю, что ты начинаешь дрожать, если уровень сахара в крови падает ниже четырех миллимоль. Я здесь для того, чтобы ты функционировала идеально.

- Я не машина, Кай. И не проект по восстановлению разрушенного памятника архитектуры.

- Пока что ты именно проект, - его голос был лишен эмоций. - Ешь. Тебе нужны силы для того, что последует дальше.

Я отправила в рот кусочек рыбы. Идеально. Сочно, но не жирно. Я жевала медленно, считая движения челюстью. Раз, два, три... На тридцать втором я проглотила. Мышечная па-

мать требовала контроля даже в таких мелочах. Я чувствовала его взгляд на своей шее. Он смотрел на то, как работают мои мышцы при глотании, как пульсирует жилка на виске. Это было физически невыносимо. Как будто я была под микроскопом, и каждое мое сокращение волокон оценивалось по десятибалльной шкале.

- Почему ты не ешь? - спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. - Или управляющим не положено делить трапезу с живыми залогами?

- Мои потребности вторичны, - ответил он, и я почти услышала в этой фразе лязг металла. - Моя задача - обеспечить твое присутствие. В полном объеме.

- Твое присутствие меня душит, - я отложила вилку. Звук удара металла о фарфор показался оглушительным в гробовой тишине столовой. - Давай поговорим о завещании. В первой главе нашего маленького триллера ты упомянул, что я здесь не просто так. Особняк, контракт, фундамент. Звучит как бред сумасшедшего сектанта. Что в бумагах, Кай? Каковы условия моего... освобождения?

Он сделал шаг в сторону, выходя в зону моего периферического зрения. Его лицо оставалось непроницаемым маской. Высокие скулы, жесткая линия челюсти, глаза, в которых отражались свечи, но не было ни капли тепла.

- У тебя отличная осанка, Мира, - сказал он, полностью игнорируя мой вопрос. - Но ты слишком сильно вжимаешь стопы в пол. Расслабь пальцы ног. Ты пытаешься зацепиться

за реальность, которой больше не существует.

- Не смей переводить тему, - я резко развернулась на стуле, чувствуя, как хрустнул позвонок в поясничном отделе. - Я хочу видеть документы. Я хочу знать, почему мой отец, который не вспоминал обо мне десять лет, вдруг решил оставить мне этот склеп. И почему ты ведешь себя так, будто купил меня на аукционе вместе с этой мебелью.

Кай медленно наклонился ко мне. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего. Я видела каждую пору на его коже, каждую мелкую морщинку у глаз, которые говорили о том, что он спит гораздо меньше, чем положено человеку. Его дыхание пахло мятой и чем-то горьким, как полынь.

- Твой отец был лишь передаточным звеном, - прошептал он. - Он не владел этим местом. Место владело им. А теперь оно выбрало тебя. Документы - это всего лишь бумага. Они сгорят, если дом того захочет. Ты здесь не из-за юридических тонкостей, Мира. Ты здесь из-за крови.

- О боже, только не надо этой готической чепухи про зов предков, - я попыталась рассмеяться, но звук получился сухим и ломким. - Мы в двадцать первом веке. Есть суды, есть право собственности. Если ты думаешь, что можешь держать меня здесь силой, используя сказки о живых домах, то ты сильно ошибаешься.

- Сила - это то, что ты чувствуешь сейчас, - он протянул руку и едва коснулся кончиками пальцев моего плеча. Я вздрогнула, как от удара током. Мои мышцы мгновенно со-

кратились, выстраивая защитный барьер. - Твое тело знает правду. Ты не боишься меня, Мира. Ты боишься того, что ты начинаешь чувствовать себя здесь на своем месте.

- Мое место - в спортзале, на мате, в движении, - я сбросила его руку. - А не в этом пыльном мавзолее.

- Ты не была в зале три года, - констатировал он, выпрямляясь. - Твое колено больше не выдержит приземления с двойного сальто. Твоя карьера закончилась в тот момент, когда ты услышала хруст собственных связок. Ты была никем. Тенью в массовке жизни. Здесь ты - центр. Здесь ты - жизнь.

Я замолчала. Он ударил в самое больное место с хирургической точностью. Моя невидимость. Моя ненужность. После травмы я превратилась в функциональный мусор. Родители вздохнули с облегчением - больше не нужно было тратить деньги на мои сборы и врачей. Друзья испарились вместе с моими шансами на олимпийское золото. Я жила в съемной конуре, работая баристой и стараясь не смотреть в зеркало, потому что видела там лишь обломки того, чем должна была стать. И вот теперь этот человек, этот странный, пугающий Кай, говорит мне, что я важна. Что я - центр мира. Это была самая изощренная форма пытки - дать надежду на значимость тому, кто привык быть фоном.

- Ешь, - повторил он тише. - Тебе нужно набрать вес. Ты слишком прозрачная.

Я снова взяла вилку. Руки были ледяными. Чтобы успокоиться, я начала считать узоры на скатерти. Переплетения

нитей, симметрия, логика. В хаосе моей нынешней жизни мне нужна была хоть какая-то структура.

- Где здесь камеры? - спросила я, вонзая вилку в спаржу.
- В лепнине? В глазах тех жутких портретов в коридоре? Ты ведь следишь за каждым моим шагом.

- В этом нет необходимости, - Кай прошелся по комнате, его движения были текучими, как ртуть. - Я чувствую твое присутствие в каждой комнате. Твой пульс вибрирует в стенах. Твое дыхание меняет влажность воздуха. Зачем мне оптика, если я связан с тобой через этот фундамент?

- Ты псих, - я сказала это почти с облегчением. Психи - это понятно. С ними можно иметь дело. Психиатрия - это наука. А магия и живые дома - это бред. - Тебе нужно лечиться, Кай. И мне тоже, раз я до сих пор сижу здесь и слушаю это.

- Возможно, - он остановился у окна, глядя в темноту сада. - Но наше безумие общее. Ты ведь тоже это чувствуешь, верно? Как пол под твоими ногами подстраивается под твой шаг? Как двери открываются чуть раньше, чем ты успеваешь к ним прикоснуться? Дом узнает тебя. Он долго ждал.

Я ничего не ответила. Я сосредоточилась на еде, стараясь не думать о том, что он прав. Двери действительно открывались слишком легко. Воздух в комнате всегда был именно той температуры, которая мне нравилась. Но я убеждала себя, что это просто работа Кая. Он - идеальный дворецкий, маньяк контроля, который продумал все до мелочей.

Когда тарелка опустела, Кай подошел, чтобы забрать ее.

Его пальцы на мгновение задержались рядом с моими. Я почувствовала запах его кожи - холодный, лесной, с ноткой металла.

- Ты закончила? - спросил он.

- Да. Теперь я могу идти в свою комнату? Или у нас по плану еще сеанс гипноза?

- Иди, Мира. Завтра будет тяжелый день. Мы начнем осмотр границ. Ты должна знать пределы своей империи.

Я встала, чувствуя странную тяжесть в животе. Еда была легкой, но ощущение было такое, будто я проглотила свинец. Я направилась к выходу, стараясь идти твердо, не оборачиваясь. Моя спина горела под его взглядом. Я знала, что он смотрит на мои бедра, на то, как я ставлю стопу, на изгиб моей шеи. Это был взгляд не мужчины, а владельца, проверяющего сохранность своего имущества.

Уже у самой двери я остановилась. Что-то было не так. Мое внимание привлек край белой бумаги, торчащий из-под моей тарелки, которую Кай еще не успел поднять. Я не видела ее раньше. Она появилась там, как будто из ниоткуда. Или я просто была слишком занята своим внутренним диалогом, чтобы заметить?

- Ты что-то забыла? - голос Кая раздался совсем рядом. Он двигался быстрее, чем позволяла физика.

- Нет, - я быстро вернулась к столу, делая вид, что проверяю, не оставила ли я там свой телефон, которого у меня, к слову, не было с момента приезда.

Я ловким движением, которое отработывала годами, когда нужно было незаметно поправить магнезию на ладонях, выхватила клочок бумаги и зажала его в кулаке. Кай сузил глаза. Он видел мое движение, я была в этом уверена. Но он промолчал. Лишь уголок его губ едва заметно дернулся - не то в усмешке, не то в предвкушении.

- Доброй ночи, Мира, - сказал он, делая шаг назад и освобождая мне путь.

- Сомневаюсь, что она будет доброй в этом склепе, - бросила я и почти выбежала из столовой.

Я неслась по коридорам, считая повороты. Налево, направо, мимо рыцарских доспехов, которые в полумраке казались застывшими стражами, вверх по лестнице. Мое сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Это не был страх. Это был адреналин. Тот самый, который я чувствовала перед выходом на помост. Предвкушение борьбы.

Захлопнув дверь своей комнаты, я первым делом повернула ключ в замке. Щелчок принес призрачное чувство безопасности. Я знала, что для Кая этот замок - лишь формальность, но мне нужно было это символическое действие. Я подошла к окну. Луна заливала сад холодным, мертвенным светом. Деревья казались скрюченными пальцами, тянущимися к небу.

Я разжала кулак. Клочок бумаги был помятым и влажным от пота моих ладоней. Я медленно развернула его.

Мое дыхание остановилось. Мышцы лица онемели, как

после инъекции новокаина.

На бумаге была всего одна фраза, написанная моим собственным почерком. Тем самым почерком, с характерным наклоном влево и слишком длинными хвостиками у буквы "у", который я пыталась исправить в школе.

"Беги, пока они не заставили тебя забыть, как дышать".

Под фразой стояла дата. Пять лет назад.

Это было невозможно. Пять лет назад я была на пике своей карьеры. Я жила в другом городе, я тренировалась по двенадцать часов в день, я даже не знала о существовании этого особняка. Мой отец тогда еще был жив, и я видела его раз в год на Рождество. Я никогда не была здесь. Я не могла написать эту записку.

Но я узнала бумагу. Это был обрывок из моего старого блокнота с логотипом спортивного клуба, который я потеряла во время сборов в Сочи. Я помнила, как плакала из-за его потери, потому что там были записаны мои личные графики нагрузок и замеры пульса.

Я прижала записку к груди. Бумага была реальной. Мой почерк был реальным. Но реальность, в которой я находилась, начала трещать по швам.

Где-то в глубине дома раздался глухой удар, как будто закрылась тяжелая крышка люка. А затем наступила тишина, такая плотная, что я слышала, как кровь шумит в моих ушах, отсчитывая секунды моего пребывания в этом месте.

Я подошла к зеркалу. Из темноты на меня смотрело ли-

цо девушки, которую я едва узнавала. Бледная кожа, огромные глаза, в которых застыл немой вопрос. Я дотронулась до своего горла. Мышцы были напряжены так сильно, что мне действительно стало трудно дышать.

- Они не заставят, - прошептала я своему отражению. - Я не забуду.

Я начала считать. Один. Два. Три. На вдохе. Четыре. Пять. Шесть. На выдохе. Дыхательная гимнастика для успокоения нервной системы. Контроль. Мне нужен контроль.

Я села на кровать, не снимая одежды. Спать было нельзя. В этом доме сон был формой капитуляции. Я должна была понять, как моя записка пятилетней давности оказалась здесь, под тарелкой в столовой, которую охраняет человек-машина по имени Кай.

Я начала восстанавливать в памяти события пятилетней давности. Сочи. База "Юг-Спорт". Я тогда была в лучшей форме в своей жизни. Тренер говорила, что я летаю, а не прыгаю. Мое тело было совершенным инструментом, отлаженным и точным. И именно тогда я потеряла тот блокнот. Я думала, его украла кто-то из девчонок по команде. Конкуренция была бешеной, каждая мелочь имела значение. Но как он мог оказаться у Кая? Или у моего отца?

Отец... Он всегда был странным. Инженер, который вечно пропадал в командировках. Он никогда не смотрел мои выступления. Он говорил, что гимнастика - это "бесполезная трата кинетической энергии". Он ценил только то, что имело

структуру и функцию. Как этот дом.

Может быть, он всегда готовил меня к этому? Все эти бесконечные тренировки, на которых он настаивал, все эти врачи, которые проверяли мою выносливость... Это было не ради спорта. Это была подготовка залога.

Я почувствовала тошноту. Если моя жизнь была лишь длинным инкубационным периодом для того, чтобы я стала "частью фундамента", то Кай - это не просто управляющий. Он - мой надсмотрщик, который ждал, когда плод созреет.

Я снова посмотрела на записку. "Беги".

Куда? Вокруг особняка лес, который кажется бесконечным. У меня нет денег, нет телефона, нет никого, кому я могла бы доверять. И, что самое страшное, у меня нет сил. Мое колено предательски ныло, напоминая о том, что я больше не та девочка, которая могла перемахнуть через двухметровый забор.

Я легла на спину, глядя в потолок. Тени от веток деревьев плясали на лепнине, создавая причудливые узоры. Мне показалось, что я вижу в них очертания лиц. Дом наблюдал за мной. Он чувствовал мой страх, мою растерянность, мою слабость. И он питался этим.

Кай сказал, что дом питается психической энергией. Тогда, в столовой, это прозвучало как бред. Но сейчас, в тишине комнаты, это казалось единственным логичным объяснением того гнета, который я ощущала. Каждая стена здесь была пропитана чьей-то волей.

Я закрыла глаза, пытаюсь войти в состояние медитации, которому нас учили для концентрации перед выходом. "Представь, что ты - это точка в пустом пространстве. Нет тела, нет боли, нет страха. Есть только центр тяжести".

Но центра тяжести не было. Я чувствовала, как я растворяюсь. Мои границы размывались. Я уже не понимала, где заканчиваюсь я и где начинаются эти простыни, эта кровать, этот воздух.

Вдруг я услышала звук. Тонкий, едва различимый скрежет. Как будто кто-то проводил когтем по дереву. Звук шел из-за стены, со стороны соседней комнаты, которая, по словам Кая, была заперта.

Я замерла, задержав дыхание. Мышцы спины превратились в стальные тросы. Скрежет повторился. Ритмично. Раз. Два. Три.

Это был не звук старого дома. Это был сигнал.

Я медленно сползла с кровати. Мои движения были бесшумными. Я знала, как распределять вес тела так, чтобы половицы не скрипели. Пятка, внешний край стопы, носок. Я подошла к стене и прижала к ней ухо.

Холод камня просочился сквозь кожу. За стеной кто-то был. Я слышала тяжелое, прерывистое дыхание. И шепот.

- Мира... Мира...

Это был не голос Кая. Это был женский голос, хриплый, надтреснутый, как будто связки долго не использовались по назначению.

- Кто здесь? - прошептала я, почти касаясь губами холодных обоев.

- Не верь... зеркалам... - прохрипел голос. - Он... он перекраивает память...

- Кто "он"? Кай? Мой отец?

- Дом... - голос сорвался на кашель. - Мы все... здесь... в фундаменте...

Звук резко оборвался. Я услышала тяжелые шаги в коридоре. Кай. Он шел медленно, уверенно. Каждый его шаг отдавался вибрацией в полу.

Я метнулась обратно к кровати и нырнула под одеяло, стараясь выровнять дыхание. В ту же секунду дверная ручка дернулась. Один раз. Второй.

- Мира? - его голос прозвучал приглушенно. - Ты спишь?

Я не ответила. Я заставила свое тело обмякнуть, имитируя глубокий сон. Я знала, что он может войти, если захочет. Замок для него не преграда.

- Я знаю, что ты не спишь, - тихо произнес он за дверью. - Твой пульс слишком учащенный для фазы глубокого сна. Ты боишься. Это хорошо. Страх - это самая чистая форма энергии. Он помогает связям укрепиться.

Я чувствовала, как по моей спине ползет липкий холод. Он стоял там, за дверью, и буквально "считывал" мое состояние.

- Завтра мы пойдем в подвал, - продолжил он. - Тебе нужно увидеть сердце этого места. Отдыхай, Мира. Если смо-

жешь.

Его шаги удалились. Я лежала в темноте, сжимая в руке записку. Пять лет назад я написала: "Беги". Пять лет назад я знала что-то, что сейчас скрыто за пеленой амнезии или мастерски сконструированной Каем ложной реальности.

Мое тело - это все, что у меня осталось. Моя мышечная память, мои рефлексы, моя способность выносить боль. Если дом хочет поглотить меня, ему придется сначала сломать мой дух. А я была чемпионкой. Я умела терпеть, когда другие сдавались.

Я встала и подошла к окну. В саду, среди теней, я увидела фигуру. Кай стоял посреди лужайки и смотрел вверх, прямо на мое окно. Его лицо в лунном свете казалось серебряной маской. Он не шевелился. Он просто был там, как часть ландшафта, как страж моего заточения.

Я подняла руку и медленно приставила ладонь к стеклу. Он сделал то же самое в воздухе, как будто мы касались друг друга через невидимую преграду.

Это был вызов. И я его приняла.

Я не знала, кто та женщина за стеной. Я не знала, почему я писала себе записки в прошлом. Но я знала одно: территория контроля Кая заканчивается там, где начинается моя воля.

Я отошла от окна и начала делать растяжку. Медленно, вдумчиво. Складка, шпагат, мостик. Я чувствовала каждый сустав, каждую связку. Мое колено ныло, но я игнорировала боль. Боль - это просто информация.

Я буду готова. Когда он придет за мной завтра, чтобы отвести в подвал, он увидит не сломленную жертву, а спортсменку перед решающим подходом.

Я - Мира. Я не часть фундамента. Я - тот самый элемент, который разрушит эту конструкцию.

Даже если для этого мне придется разрушить саму себя.

Я легла на пол прямо на ковер, отказываясь от мягкости кровати. Твердая поверхность давала мне ощущение реальности. Я закрыла глаза и начала считать шаги. Двадцать две ступени вниз. Пятнадцать до пролета. Столовая. Сад. Лес.

Я найду выход. Даже если этот дом - живое существо, у каждого живого существа есть уязвимое место. У каждого механизма есть точка износа.

Кай думает, что он хозяин положения. Но он забыл одну простую истину: гимнастки падают чаще других. Но именно поэтому мы лучше всех умеем вставать.

Тишина дома стала тяжелой, почти осязаемой. Она давила на грудную клетку, мешая делать полные вдохи. Но я продолжала дышать. Раз. Два. Три.

Я все еще здесь. Я все еще я. И это - моя единственная победа на сегодня.

Записка в моем кулаке превратилась в крошечный комок. Я спрятала ее в шве подушки. Это была моя улика. Мой якорь. Мое доказательство того, что мир за пределами этих стен существует, и что я когда-то была его частью.

Где-то в лесу закричала ночная птица. Звук был резким,

неприятным, похожим на смех. Я улыбнулась в темноту.

- Посмотрим, Кай, - прошептала я. - Посмотрим, чья энергия окажется сильнее.

Я заснула только под утро, когда небо начало приобретать грязный, сероватый оттенок. Мой сон был полон звуков бьющегося фарфора и шепота стен. Но даже во сне я продолжала считать. Шаги, секунды, удары сердца.

Контроль. Это была моя единственная религия. И я не собиралась менять ее на поклонение этому дому.

Утром Кай постучал в дверь ровно в семь. Я уже стояла у окна, полностью одетая, с волосами, затянутыми в тугую, профессиональный пучок. Мое лицо было непроницаемым.

- Ты готова? - спросил он, когда я открыла дверь.

Его взгляд скользнул по моему лицу, ища следы ночного кошмара или слабости. Он их не нашел.

- Я родилась готовой, Кай. Вопрос в том, готов ли ты к тому, что я не собираюсь проигрывать.

- В этом доме нет проигравших, Мира, - он отступил, давая мне дорогу. - Есть только те, кто стал частью фундамента. Пойдем. У нас много работы.

Мы спускались по лестнице, и я чувствовала, как дом затаил дыхание, наблюдая за нами. Это была моя новая реальность. Моя клетка. Моя сцена.

И я собиралась выступить так, чтобы этот дом запомнил меня навсегда. Даже если это будет мое последнее выступление.

Каждый мой шаг был выверен. Каждое движение - экономично. Я больше не была гостьей. Я была вирусом в системе этого особняка. И я собиралась начать заражение прямо сейчас.

Кай шел впереди, его широкие плечи перекрывали обзор, но я знала дорогу. Мое тело уже выучило геометрию этого пространства. Мы направлялись в подвал. К сердцу. Туда, где заканчиваются слова и начинается чистая физиология владения.

Я глубоко вдохнула холодный воздух коридора. Запах розмарина сменился запахом сырой земли и старого железа.

Игра началась. И правила в ней теперь устанавливала не только принимающая сторона.

Глава 3: Запертые горизонты

Дверь за моей спиной закрылась с тем самым звуком, который издает герметичный люк самолета перед взлетом в один конец. Щелчок был сухим и окончательным, как хруст сустава при неудачном приземлении. Я осталась одна в спальне, которая пахла так, словно здесь годами выветривали саму идею присутствия живого человека. Розовое дерево, старая бумага и этот вездесущий, едва уловимый аромат розмарина, который я теперь ненавидела каждой порой своей кожи.

Я замерла в центре комнаты. Мое тело, привыкшее к командам тренера и четким траекториям, автоматически выстроило вертикаль. Пятки вместе, носки врозь, лопатки стекают к пояснице, макушка тянется вверх. Я фиксирую пространство. Высота потолка - четыре метра с копейками. Лепнина по периметру тяжелая, нависающая, как застывшие облака перед грозой. Если бы мне пришлось здесь прыгать, я бы зацепила пальцами эти гипсовые завитки. Для двойного сальто места хватит, для жизни - вряд ли.

Я начала обход. Это не было прогулкой, это была рекогносцировка. Мои ноги двигались бесшумно, как у кошки, хотя под подошвами был ворс ковра, в котором можно было утонуть по щиколотку. Первым делом - окна. Их было три, огромных, в пол, занавешенных тяжелой парчой цвета засох-

шей крови. Я отодвинула ткань, ожидая увидеть ночной сад, но увидела только собственное отражение в темном стекле.

Я коснулась поверхности. Холодное. Очень толстое. Стеклопакеты здесь были вмонтированы в рамы так, будто их ставили на века, чтобы сдерживать напор океана. Я потянулась к ручке и почувствовала, как пальцы соскальзывают по гладкому дереву. Ручки не было. На месте, где должен был находиться механизм, зияла идеально ровная, отполированная пустота. Гнездо для съемного ключа? Или просто муляж? Я перешла ко второму окну, к третьему. Тот же результат. Глухие рамы. Запертые горизонты.

Я почувствовала, как мышцы пресса непроизвольно сократились. Это был спазм мобилизации. Я - функциональный объект, я в клетке, и клетка спроектирована безупречно. Мой внутренний тренер внутри головы сухо констатировал: точка невозврата пройдена, Мира, перестань дергаться и оценивай риски. Я подошла к двери. Попробовала нажать на позолоченную ручку. Она не шелохнулась. Заперто снаружи.

Значит, я - залог. Живой контракт. Кай сказал, что дом питается энергией, и я чувствовала, как стены буквально высасывают из меня тепло. Я опустилась на пол, прямо на ковер, игнорируя кровать с ее чересчур пышными подушками. Пол казался более надежным. Я начала считать ворсинки ковра. Раз, два, три, десять, сорок восемь. Это помогало. Интеллектуализация страха - мой лучший инструмент. Если я превращу свой ужас в статистические данные, он переста-

нет меня душисть.

В родительском доме я была прозрачной. Мать проходила сквозь меня взглядом, когда я стояла на пьедестале с золотой медалью, и спрашивала, почему у меня растрепались волосы в пучке. Отец ценил только мою способность молчать за ужином. Я привыкла быть частью интерьера, удобным дополнением к престижу семьи. Но здесь, в этом особняке, моя невидимость приобрела другой оттенок. Кай видел меня. Он видел меня слишком хорошо, и это пугало сильнее, чем полное забвение. Его взгляд был скальпелем, который снимал слой за слоем мою защиту, пока не добрался до нервных окончаний.

Тишина комнаты была нарушена тихим звуком. Не стук, нет. Просто движение воздуха. Кай вошел без предупреждения. Я не услышала, как открылась дверь, я почувствовала изменение давления, как будто в комнату нагнетают кислород, смешанный с азотом. Я не поднялась с пола. Я осталась сидеть, обхватив колени, глядя на его идеально начищенные туфли.

- Ты выбрала странное место для отдыха, Мира, - его голос прозвучал ровно, без тени иронии, но в нем чувствовалась та самая тяжесть, которая заставляла меня задерживать дыхание.

Я подняла голову. Он стоял у изножья кровати, держа в руках стопку ткани. На нем все еще был тот же пиджак, ни одной складки, ни одного признака усталости. Он выглядел

как человек, который никогда не спит, потому что сон - это потеря контроля.

- Здесь надежнее, - ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. - Отсюда падать некуда.

- Ты не упадешь, пока я здесь, - Кай подошел ближе и положил принесенные вещи на покрывало. - Я принес тебе одежду. Твой любимый бренд. Шелк, без швов. Ты ведь не переносишь, когда ткань раздражает кожу во время сна?

Я посмотрела на пиджаму. Нежно-серый цвет, жемчужный блеск. Тот самый бренд, который я покупала себе только после крупных побед, как награду за содранные в кровь ладони. Откуда он узнал? Он читал мои старые отчеты? Или рылся в моих вещах в той маленькой квартирке, которую я считала своим убежищем? Это было ментальное насилие - знать такие интимные детали, превращать мою зону комфорта в инструмент давления.

- Ты следил за мной, - это был не вопрос.

- Я изучал тебя, - поправил он. - Есть разница. Слежка - это процесс накопления компромата. Изучение - это процесс понимания ценности актива. Ты - очень дорогой актив, Мира. Я не могу позволить тебе чувствовать дискомфорт.

- Актив в клетке, - я наконец встала, медленно, используя мышечную память гимнастки, чтобы движение было плавным и угрожающим одновременно. - Кай, почему здесь нет ручек на окнах? И почему дверь заперта? Это часть твоей концепции комфорта?

Он посмотрел на меня своим гипнотическим взглядом. Его зрачки были расширены, почти полностью перекрывая радужку.

- Окна не открываются ради твоей безопасности. В этом доме специфический микроклимат. Если нарушить баланс, дом может отреагировать... непредсказуемо. А дверь... я не хочу, чтобы ты заблудилась ночью. Коридоры здесь меняются.

- Коридоры меняются? - я выдавила из себя смешок, который больше походил на кашель. - Ты серьезно? Ты сейчас начнешь рассказывать мне сказки про живые стены? Кай, я реалист. Я привыкла верить силе тяжести и законам физики.

- Сила тяжести здесь работает иначе, - он сделал шаг ко мне. Я не отступила, хотя все мое тело кричало о необходимости разорвать дистанцию. - Ты скоро это почувствуешь. Твое тело уже начало адаптироваться. Я вижу, как ты фиксируешь лопатки. Ты ждешь нападения. Но я не твой враг. Я твой страж.

- Страж и тюремщик - это синонимы в твоём словаре? - я прищурилась, сканируя его лицо на предмет хотя бы тени живой эмоции. Ничего. Маска. Совершенная, холодная маска.

- Разница в намерении, - он протянул руку, словно хотел коснуться моего плеча, но остановился в сантиметре от ткани моей футболки. Я почувствовала жар, исходящий от его ладони. - Тюремщик хочет удержать. Страж хочет сохранить.

Переоденься и попытайся уснуть. Завтра нам нужно будет обсудить твою роль в этом доме.

- Мою роль? Я думала, я просто залог.

- Ты - ключ, Мира. Но чтобы ключ сработал, он должен идеально подходить к замку. Сейчас ты слишком... сопротивляешься. Это создает трение. А трение порождает огонь. Мы ведь не хотим пожара?

Он развернулся и пошел к двери. Я смотрела на его спину, на то, как уверенно он двигается, как будто пространство само расступается перед ним.

- Кай! - окликнула я его, когда он уже взялся за невидимую для меня ручку двери.

Он замер, не оборачиваясь.

- Почему я? Неужели во всем мире не нашлось кого-то более... подходящего? Кого-то, кто хотел бы жить в этом склепе?

- Потому что только ты умеешь падать и не разбиваться, - тихо сказал он. - А этому дому нужно именно это качество. Спокойной ночи, Мира.

Дверь закрылась. Я снова осталась в тишине. Пижама на кровати выглядела как вызов. Я подошла и коснулась ткани. Холодный шелк скользнул по пальцам. Кай знал мой размер, знал мои привычки, знал мою слабость к тактильным ощущениям. Он лишал меня воли через избыточную заботу. Это была самая изощренная форма контроля - окружить жертву всем, что она любит, чтобы у нее не было повода для бунта.

Я разделась, бросая свою старую одежду на пол. В этой комнате она смотрелась как мусор. Я натянула шелковую пижаму. Она села идеально, словно вторая кожа. Я чувствовала себя так, будто Кай обнимает меня, и эта мысль вызвала у меня приступ тошноты. Я подошла к высокому зеркалу в золоченой раме, встроенному в дверцу массивного шкафа.

В зеркале отражалась бледная девушка с лихорадочно блестящими глазами. Мои ключицы выпирали сильнее обычного, на шее билась жилка. Я выглядела как человек, который стоит на краю обрыва и высчитывает угол наклона.

Я начала расчесывать волосы, глядя на свое отражение. Движения были механическими. Раз, два, три. Мой внутренний критик шептал: ты сдаешься, Мира. Ты надела его подарок. Ты ешь из его рук. Ты становишься частью фундамента.

- Нет, - прошептала я своему отражению. - Я просто выживаю. Это маскировка.

Я отложила расческу и на мгновение закрыла глаза. Мышечная память подсказала мне, что за спиной кто-то есть. Это было не звуковое восприятие, а то самое изменение давления воздуха, о котором я думала раньше. Я резко открыла глаза и посмотрела в зеркало.

В отражении, прямо за моим правым плечом, стоял Кай. Он не двигался. Его лицо было бледным, почти прозрачным в полумраке комнаты. Он смотрел на меня не как на женщину, а как на редкий экспонат в музее, который вот-вот рассыплется в прах от одного прикосновения. Его глаза были

полны какой-то древней, нечеловеческой тоски.

Я задохнулась. Мое тело среагировало мгновенно - я развернулась на пятках, принимая защитную стойку, готовая к рывку, к удару, к чему угодно.

- Уходи! - крикнула я, и мой голос сорвался на хрип.

Но в комнате никого не было.

Я стояла одна посреди огромного пространства. Кровать, парчовые шторы, запертые окна. Пустота. Я снова медленно повернулась к зеркалу. В нем отражалась только я - в серой шелковой пижаме, с растрепанными волосами и расширенными от ужаса зрачками. За моей спиной была только пустая комната.

Я подошла к зеркалу вплотную и коснулась поверхности стекла. Оно было ледяным. Мои пальцы оставили на нем мутные следы.

- Галлюцинация, - сказала я вслух. Мой голос прозвучал чужим. - Просто стресс. Недостаток сна. Мозг дорисовывает образы из-за страха.

Я отошла от зеркала и попятилась к кровати. Мои ноги подкашивались. Я не верила в призраков. Я верила в биомеханику и химические процессы в мозгу. Но то, что я видела, было слишком реальным. Тень его щетины, узел галстука, даже то, как свет падал на его скулы.

Я залезла под тяжелое одеяло, натягивая его до самого подбородка. Кровать была слишком мягкой, она поглощала меня, лишая опоры. Я закрыла глаза и начала считать. Не

ворсинки ковра, а секунды между ударами сердца.

Раз. Два. Три.

Дом вокруг меня жил своей жизнью. Я слышала, как в стенах течет вода - или что-то, имитирующее воду. Я слышала, как поскрипывают перекрытия, словно огромный зверь ворочается во сне. Где-то далеко, на нижних этажах, что-то упало с глухим стуком.

Я представила Кая. Где он сейчас? Сидит в своем кабинете, окруженный мониторами и старыми книгами? Или он стоит за дверью моей спальни, прижавшись лбом к дереву, слушая мое дыхание? Его потребность во владении была патологической. Он не просто хотел, чтобы я была здесь. Он хотел, чтобы я стала им. Чтобы каждое мое решение было продиктовано его волей.

Я вспомнила его слова: "Ты - ключ". К какому замку? Особняк казался мне огромным механизмом, и я была деталью, которую вставили в паз, чтобы запустить процесс. Кай был оператором этого механизма. Но кто был конструктором?

Мои мысли начали путаться. Сон накатывал тяжелыми волнами, но я сопротивлялась. Гимнастки умеют контролировать сознание даже при крайнем утомлении. Я вспоминала свои тренировки. Зал, запах магнезии, жесткий мат. Тренер кричит: "Еще раз! Мира, ты бревно! Сожми булки и держи горизонт!". Я держала. Я всегда держала.

Но здесь горизонт был заперт. Здесь не было судей, только

один зритель, который уже выставил мне высший балл за мое поражение.

Я почувствовала, как по руке пополз холод. Я открыла глаза. В комнате стало ощутимо холоднее. Мое дыхание превращалось в едва заметный пар. Это было невозможно - в доме работало отопление. Я приподнялась на локтях.

Зеркало в шкафу светилось слабым, флуоресцирующим светом. Оно притягивало взгляд, как открытая рана. Я не хотела смотреть, но мое тело, мой функциональный аппарат, заставило меня это сделать.

В зеркале снова был Кай. На этот раз он не просто стоял. Он медленно протягивал руку к поверхности стекла с той стороны. Его пальцы коснулись амальгамы, и по зеркалу пошли круги, как по воде.

- Мира, - услышала я шепот. Это не был звук, достигший моих ушей. Это была вибрация прямо внутри моего черепа.
- Не бойся. Это просто процесс слияния.

Я вскочила с кровати. Мое сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Я подбежала к окну и начала бить кулаками по толстому стеклу.

- Выпусти меня! Кай! Хватит этой хрени! Открой дверь!
Тишина. Только мой собственный пульс в ушах. Я обернулась к зеркалу. Оно было обычным. Темным, неподвижным. Никакого свечения. Никакого Кая.

Я прижалась лбом к холодному стеклу окна. За ним была темнота, такая густая, что казалась осязаемой. Я была запер-

та в пространстве, где реальность имела текучую форму. Где мой враг мог быть одновременно везде и нигде.

Я поняла, что Кай не лгал. Коридоры действительно могли меняться, если само восприятие этого дома было искажено. Я была для особняка не жильцом, а донором. Психическая энергия, о которой он говорил... Она вырабатывается через страх, через сопротивление, через это постоянное напряжение мышц.

Я заставила себя сделать глубокий вдох. "Выдох на четыре счета, задержка на два", - приказал внутренний тренер. Я должна успокоиться. Если этот дом питается моими эмоциями, я стану эмоциональной пустыней. Я превращусь в лед.

Я вернулась к кровати. Села на самый край. Мои пальцы впились в шелк пижамы. Кай хотел, чтобы я сломалась. Чтобы я прибежала к нему, умоляя о защите от этого зеркального кошмара. Он создавал угрозу, чтобы потом стать спасителем. Классическая схема манипуляции, возведенная в абсолют с помощью архитектурных и, возможно, паранормальных фокусов.

- Ты не получишь этого, - сказала я пустоте. - Я была в невидимости двадцать лет. Я умею исчезать, даже оставаясь в комнате.

Я легла на спину, вытянувшись в струну. Мое тело было моим единственным союзником. Я начала перечислять все свои травмы. Растяжение связок на левом голеностопе в тринадцать лет. Трещина в лучевой кости в пятнадцать. Сотря-

сение мозга в семнадцать. Каждая боль была реальной. Каждая боль возвращала меня в материальный мир.

Я заснула только под утро, когда серый свет начал просачиваться сквозь щели в тяжелых шторах. Мой сон был лишен образов, это было просто тяжелое забытие, похожее на обморок.

Меня разбудил звук открываемой двери. Я мгновенно села, принимая вертикаль. Спина прямая, взгляд сфокусирован. Кай стоял в дверном проеме. На нем был новый костюм, темно-синий, почти черный. В руках он держал поднос с завтраком.

- Доброе утро, Мира, - сказал он, проходя в комнату. - Ты выглядишь бледной. Надеюсь, ты хорошо отдохнула.

Он поставил поднос на столик у окна. Запах свежего кофе и поджаренного хлеба ударил мне в нос, вызвав спазм в желудке. Я не ела вечность.

- Я видела тебя в зеркале, - сказала я, глядя ему прямо в глаза. - Это был дешевый трюк. Голограммы? Проекторы? Что ты используешь, чтобы пугать своих... гостей?

Кай остановился и медленно повернулся ко мне. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глубине глаз что-то шевельнулось. Удивление? Одобрение?

- В этом доме нет проекторов, Мира. Здесь есть только резонанс. Если ты видела меня, значит, твоя связь с особняком устанавливается быстрее, чем я ожидал. Это хороший знак для контракта, но плохой для твоего спокойствия.

Он подошел к зеркалу, о котором я говорила, и коснулся рамы.

- Зеркала - это слабые места. Места, где реальность истончается. Я не хотел напугать тебя. Я просто... наблюдал.

- Наблюдал изнутри зеркала? - я встала с кровати, чувствуя, как гнев вытесняет страх. Это было лучше. Гнев давал энергию. - Ты больной псих, Кай. Ты запер меня здесь, ты устраиваешь этот цирк с привидениями. Чего ты хочешь? Чтобы я сошла с ума?

- Напротив, - он подошел ко мне вплотную. Я почувствовала запах его парфюма - можжевельник и холодная сталь. - Я хочу, чтобы ты стала абсолютно ясной. Чтобы ты отбросила все лишнее. Свой страх, свои воспоминания о мире за этими стенами. Ты должна стать частью этого места. Только тогда ты будешь в безопасности.

- Безопасность в рабстве?

- Безопасность в принадлежности, - поправил он. - Поешь. Нам нужно спуститься в библиотеку. Там хранятся документы, которые ты должна подписать. Твое присутствие в качестве залога должно быть зафиксировано не только в стенах дома, но и на бумаге.

Он направился к выходу, но у самой двери обернулся.

- И еще одно. Не пытайся разбить стекла. Они прочнее, чем ты думаешь. Ты только повредишь свои руки, а они тебе еще понадобятся.

Он ушел, и я услышала, как замок снова щелкнул. Я по-

дошла к подносу. Кофе был горячим. Я сделала глоток, чувствуя, как кофеин начинает разгонять кровь. Мой мозг заработал четче.

Если он хочет, чтобы я подписала бумаги, значит, у меня есть рычаг. Залог, который не хочет сотрудничать - это проблема. Я не буду играть по его правилам. Я буду играть в свою игру.

Я подошла к шкафу, открыла его. Там висели десятки платьев, костюмов, спортивной одежды. Все моего размера. Все подобрано с пугающей точностью. Я выбрала черные легинсы и обтягивающую майку. Моя рабочая форма. Если мне придется бежать или сражаться, я должна быть готова.

Я переоделась, чувствуя, как ткань облегает мышцы. Я сделала несколько махов ногами, проверяя амплитуду. Тело работало идеально. Мышечная память была моим якорем.

Я подошла к зеркалу. На этот раз я не искала в нем Кая. Я смотрела на себя.

- Ты не ключ, Мира, - прошептала я. - Ты лом. И ты разнесешь этот замок к чертям собачьим.

Я села за стол и начала есть завтрак. Омлет был идеальным. Тосты - хрустящими. Кай создавал для меня золотую клетку, но он забыл одну вещь. Гимнасток учат не только гибкости, но и выносливости. Мы умеем терпеть боль и ждать подходящего момента для прыжка.

Когда через час дверь снова открылась, я была готова. Кай стоял на пороге, ожидая увидеть испуганную девочку, но я

стояла посреди комнаты в стойке ожидания, с холодом в глазах, который мог посоперничать с его собственным.

- Я готова, - сказала я. - Веди в свою библиотеку. Но не надейся, что я подпишу что-то, не прочитав мелкий шрифт.

Кай едва заметно улыбнулся. Это была первая тень улыбки на его лице, и она была страшнее его безразличия.

- Мелкий шрифт в этом доме написан кровью, Мира. Но я ценю твой энтузиазм. Пойдем.

Мы вышли в коридор. Он действительно казался другим. Свет падал иначе, ковры сменили оттенок с темно-красного на почти черный. Я фиксировала каждый поворот, каждую деталь. Мой мозг составлял карту.

Мы спускались по широкой лестнице. Перила под моей рукой казались живыми, я чувствовала под пальцами едва заметную пульсацию. Дом дышал. Я чувствовала это через подошвы кроссовок.

Библиотека была огромной. Стеллажи уходили в бесконечную высоту, теряясь в тени. Запах старой кожи и пыли был таким плотным, что казалось, его можно резать ножом. В центре стоял массивный дубовый стол, на котором лежала стопка пергаментов. Не бумаги, а именно пергамента, пожелтевшего и тяжелого.

Кай жестом пригласил меня сесть.

- Это контракт владения. Ты подтверждаешь, что добровольно становишься хранителем этого места в обмен на... определенные привилегии.

- Добровольно? - я хмыкнула. - Под дулом пистолета или под угрозой запертых окон?

- Добровольность - это вопрос перспективы, - Кай наклонился над столом. Его лицо оказалось в круге света от настольной лампы. - Ты ведь всегда хотела быть незаменимой, Мира. Хотела, чтобы твое отсутствие стало катастрофой. Этот контракт дает тебе именно это. Если ты уйдешь, этот дом рухнет. И все, кто с ним связан, погибнут. Ты станешь центром мира. Разве это не то, о чем ты мечтала, стоя на пьедесталах, которые никому не были важны?

Его слова попали точно в цель. Моя ядерная травма заняла, как старый перелом перед дождем. Синдром невидимости. Голод по значимости. Он знал всё. Он использовал мою душу как партитуру, играя на самых болезненных струнах.

Я посмотрела на пергамент. Текст был написан каллиграфическим почерком, но буквы казались живыми, они шевелились под моим взглядом.

- Что будет, если я откажусь? - спросила я, беря в руки перьевую ручку, лежавшую рядом. Она была тяжелой, из черного дерева.

- Тогда дом начнет забирать то, что ему причитается, напрямую, - голос Кая стал тихим, почти нежным. - Сначала твои сны. Потом твою память. Потом твою способность двигаться. Он превратит тебя в часть интерьера буквально. Ты ведь видела статуи в саду? Это те, кто считал, что могут обмануть систему.

Я посмотрела на него. Он не лгал. В его мире это была простая констатация фактов.

- А ты, Кай? Ты тоже часть интерьера?

- Я - управляющий, - он выпрямился. - Моя задача - следить, чтобы механизм работал. Но иногда... иногда управляющий начинает интересоваться деталями больше, чем следовало бы.

Он подошел к окну библиотеки. Здесь тоже не было ручек.

- Подписывай, Мира. Не ради дома. Ради себя. Это даст тебе легальный статус. Это даст тебе право голоса в этом странстве.

Я посмотрела на пустую строку внизу страницы. Мое имя. Мирабель Ардова. Девочка-невидимка. Гимнастка, которая умела летать, но всегда приземлялась в пустоту.

Я занесла ручку над пергаментом. Мои пальцы не дрожали. Я фиксировала центр тяжести.

В этот момент в библиотеке погас свет. Абсолютная, густая темнота накрыла нас. Я замерла, не дыша. Мои чувства обострились до предела. Я чувствовала присутствие Кая в паре метров от себя. Но я чувствовала и что-то еще.

Холодный шепот пронесся по комнате, перелистывая страницы книг на полках.

- Подпиши... - выдохнула пустота.

Я почувствовала, как чья-то ледяная рука легла на мою кисть, сжимая пальцы на ручке. Это была не рука Кая. Это было что-то, не имеющее плоти, но обладающее огромной

силой.

- Нет! - выкрикнула я и резко дернула руку на себя, используя силу плеча и корпуса.

Свет вспыхнул так же внезапно, как и погас. Я стояла, тяжело дыша, прижимая ручку к груди. Кай смотрел на меня с выражением, которое я не могла расшифровать. Страх? Сострадание? Или научный интерес?

- Он уже не может ждать, - тихо сказал Кай. - Дом почувствовал твою силу. Он хочет тебя сейчас.

- Пошел он к черту, твой дом! - я бросила ручку на стол. Она покатилась и упала на ковер. - Я не буду подписывать это в темноте под давлением твоих спецэффектов.

Я развернулась и пошла к выходу. Мои ноги были ватными, но я держала спину.

- Мира! - его голос ударил мне в спину. - Ты не можешь просто уйти. Ты уже внутри.

Я не обернулась. Я вышла в коридор, который теперь казался бесконечным туннелем. Я бежала, ориентируясь на мышечную память. Лестница, поворот, еще один поворот. Где моя комната? Где моя клетка?

Я влетела в спальню и захлопнула дверь. На этот раз я не стала проверять замки. Я подбежала к зеркалу.

Оно было разбито.

Огромная трещина пересе

Глава 4: Музей потерянных вещей

Трещина в зеркале напоминала карту неизвестной страны, где все дороги вели в тупик. Мое лицо развалилось на три неравные части: левый глаз уехал к виску, рот искривился, будто я только что проглотила лимонную кислоту, а лоб пересекла глубокая черная вена разлома. Я коснулась пальцами холодного стекла. Гладкое, острое, честное. Физика никогда не врет - если на объект воздействует сила, превышающая его предел прочности, он ломается. Вопрос лишь в том, что именно в этом доме ударило по амальгаме. Я не слышала звона. Я вообще ничего не слышала, кроме собственного хриплого дыхания, которое сбилось, как ритм у плохого барабанщика.

Мои плечи были зафиксированы в верхнем положении - привычка, вбитая годами тренировок. Тренер всегда говорила: Мира, если ты не контролируешь свои лопатки, ты не контролируешь свою жизнь. Сейчас мои лопатки буквально впились в позвоночник, создавая жесткий корсет, который не давал мне рассыпаться. Я заставила себя опустить руки. Мышцы протестовали, ощущая накопленную молочную кислоту. Страх - это тоже физическая нагрузка, причем изматывающая похлеще двухчасового сета на брусьях.

Я не останусь здесь. Не в этой комнате, где мебель смотрит на меня с осуждением, а зеркала разлетаются от одного

моего присутствия. Я вышла в коридор, стараясь наступать на пятки мягко, как делают гимнастки на ковре, чтобы не передавать вибрацию в коленные суставы. Пол под ногами ощущался слишком плотным, почти живым. Казалось, если я задержусь на одном месте дольше десяти секунд, доски обхватят мои щиколотки и начнут медленно втягивать меня внутрь, в фундамент, в переплетение корней и камней.

Дом не просто стоял. Он функционировал. Я чувствовала это через подошвы домашних тапочек - легкий гул, едва уловимый резонанс, как будто где-то в подвале работало огромное, обросшее тиной сердце. Это не были трубы или вентиляция. Это была гравитация самого места, которая тянула меня вглубь.

Я шла, считая шаги. Раз, два, три, поворот на девяносто градусов. Четыре, пять, шесть. Высота потолков здесь была около пяти метров - идеальное пространство для полета, если бы у меня были магnezия на руках и перекладина над головой. Но вместо перекладин здесь были тяжелые люстры с хрустальными каплями, похожими на застывшие слезы великанов. Я оценивала каждый выступ, каждый карниз. Моя мышечная память рисовала траектории: если оттолкнуться от этого комода, можно достать до выступа, а оттуда - к окну. Тело искало выходы, пока мозг пытался не сойти с ума.

Я оказалась перед двустворчатой дверью, обитой темной кожей. Она была приоткрыта - приглашение, которое выглядело как ловушка. За дверью пахло старой бумагой, сухим

клеем и чем-то еще, что я не могла сразу идентифицировать. Запах старой школы? Запах пыльного актового зала?

Это была библиотека. Но не такая, какие показывают в фильмах про английских лордов, с каминами и уютными креслами. Здесь полки уходили в бесконечную темноту наверху, а лестницы на колесиках казались скелетами доисторических птиц. Свет падал из узких окон, разрезая пространство на четкие геометрические сегменты. Я вошла внутрь, и тишина тут же облепила мои уши, как плотная вата.

Я гостя в своей жизни, повторила я про себя любимую мантру. Просто проходящая. Это не мой дом, не мои книги, не мои проблемы. Я просто смотрю.

Я шла вдоль стеллажей, проводя кончиками пальцев по корешкам. Кожа, коленкор, грубый картон. Шероховатость бумаги отзывалась зудом в подушечках пальцев. И вдруг я остановилась. Моя правая рука замерла, будто наткнулась на невидимую стену. Тело среагировало раньше, чем я успела осознать увиденное. Колени слегка подогнулись, центр тяжести сместился вниз - стойка перед прыжком.

На уровне моих глаз стояла книга в дешевом синем переплете. Края были обтрепаны так сильно, что картон проглядывал наружу, как обнаженная кость. Нижний уголок был заломлен - дважды, как я всегда делала, когда у меня не было под рукой закладки.

Я медленно, почти боясь обжечься, вытянула книгу с пол-

ки. "Мифы Древней Греции" в издании для школьников среднего возраста. На титульном листе, в самом углу, была крошечная клякса от чернильной ручки, которую я поставила в шестом классе, когда пыталась одновременно делать до-машку и есть яблоко.

Мои пальцы дрожали. Это была не просто похожая книга. Это была МОЯ книга. Та самая, которую я сдала в школьную библиотеку десять лет назад и больше никогда не видела.

Я перелистала страницы. На полях пятьдесят четвертой страницы красовался мой рисунок - схематичное изображение гимнастки на бревне, у которой одна нога была заметно длиннее другой. Рядом была надпись моим тогдашним, еще не сформировавшимся почерком: "Никогда не сдаваться. Даже если гравитация против".

У меня внутри что-то оборвалось. Это не было чувством ностальгии. Это было чувство абсолютного, дикого ужаса. Как если бы я нашла собственную прядь волос в запертом сейфе незнакомца. Как будто кто-то вырезал куски из моего прошлого и вклеил их в этот особняк, превращая его в музей моей жизни. Жизни, которую я считала серой, незаметной и никому не интересной.

- На странице сто двенадцатой ты написала, что Икар был дураком не потому, что взлетел слишком высоко, а потому, что забыл проверить крепления, - произнес голос из темноты между стеллажами.

Я не вздрогнула. Мое тело просто окаменело, превратив-

шись в стацию из напряженных мышц. Кай стоял в тени массивного шкафа, прислонившись плечом к полкам с энциклопедиями. Он не двигался, но я чувствовала его присутствие всем объемом кожи. Воздух в библиотеке стал гуще, давление подскочило, заставляя барабанные перепонки слегка ныть.

- Ты любила эту книгу, - продолжал он. Голос его был ровным, лишенным всякой окраски, как лекция по сопромату. - Ты брала ее в библиотеке четыре раза. На пятый библиотекарь сказала, что книгу пора списать, потому что она разваливается. Она не знала, что книгу просто забрали.

Я медленно повернулась к нему, прижимая синий томик к груди. Книга была холодной, но мне казалось, что она пульсирует в такт моему сердцу.

- Зачем ты это сделал? - мой голос прозвучал суше, чем я планировала. Никаких слез, Мира. Тренер смотрит. - Зачем тебе школьный учебник девчонки, которую ты даже не знал?

Кай сделал шаг вперед, выходя на полосу света. Его лицо было безупречной маской спокойствия. Ни единой лишней морщинки, ни одного лишнего движения. Он двигался с грацией хищника, который точно знает, что добыча никуда не денется, потому что она уже в вольере.

- Я знал тебя всегда, Мира, - сказал он, и в этом не было романтики. Это звучало как констатация технического факта, вроде "вода кипит при ста градусах". - Пока твои родители выбирали новые шторы, не замечая, что ты не ешь уже

вторые сутки, чтобы пройти взвешивание, я читал твои пометки на полях. Пока ты тренировалась до кровавых мозолей в пустом зале, я знал, о чем ты думаешь, когда смотришь в окно на проезжающие машины.

Он подошел ближе. Расстояние между нами сократилось до двух метров - зона поражения. Я чувствовала запах его парфюма: холодный кедр и что-то металлическое, напоминающее запах озона перед грозой.

- Ты думала, что ты невидимка, - он почти шептал, но каждое слово ввинчивалось в мой мозг, как саморез. - Тебе казалось, что если ты будешь идеальной, функциональной и тихой, мир оставит тебя в покое. Но особняку не нужны тихие. Ему нужны те, кто умеет выживать в пустоте.

Я сжала книгу сильнее. Углы переплета врезались в ладони. Боль была полезной - она возвращала меня в реальность, не давая утонуть в его гипнотическом ритме.

- Ты следил за мной? - я прищурилась, сканируя его лицо. Ищу слабость. Ищу хоть малейшее проявление стыда или азарта. Но там не было ничего, кроме бездонного, выверенного спокойствия. - Десять лет? Ты серьезно хочешь, чтобы я поверила, что взрослый мужчина занимался коллекционированием старых книжек и наблюдением за ребенком из окна машины? Это не просто странно, Кай. Это диагноз.

Он слегка наклонил голову набок. Этот жест был почти человеческим, если бы не его глаза - холодные, как линзы микроскопа.

- Ты не была ребенком, - отрезал он. - Ты была залогом. Частью контракта, который был подписан задолго до твоего рождения. Твое существование - это единственная причина, по которой этот дом еще стоит, а не превратился в кучу гнилых досок и битого кирпича. Я не следил за тобой. Я охранял свои инвестиции.

Инвестиции. Слово ударило под дых. Все мое детство, все мои старания, все мои тайные мысли - все это было просто строчкой в чьем-то бухгалтерском отчете. Я почувствовала, как внутри закипает холодная, расчетливая ярость. Это была та самая ярость, которая помогала мне выполнять четверное сальто, когда ноги подкашивались от усталости.

- И что теперь? - я сделала шаг ему навстречу, нарушая его дистанцию. - Теперь инвестиция прибыла на место назначения? Ты хочешь, чтобы я сказала "спасибо" за то, что ты украл мою книгу и мою приватность?

Кай не отступил. Напротив, он подался вперед, так что я могла видеть отражение библиотечных полок в его зрачках.

- Я хочу, чтобы ты поняла одну вещь, Мира. Здесь нет ничего случайного. Каждая трещина в зеркале, каждая книга на этой полке, каждый вдох, который ты делаешь - все это часть системы. Ты можешь злиться, можешь пытаться сбежать, можешь ненавидеть меня. Это не имеет значения. Ты - сердце этого дома. А я - его иммунная система.

Он протянул руку, и на мгновение я подумала, что он хочет коснуться моего лица. Мои мышцы мгновенно мобили-

зовались, готовые к рывку назад или удару. Но он просто вытащил другую книгу с полки, стоявшую прямо за моей спиной. Это был мой дневник за девятый класс. С замочком, который я когда-то считала верхом надежности. Замок был аккуратно вскрыт.

- Ты писала здесь, что хочешь принадлежать месту, из которого тебя невозможно будет выгнать, - Кай пролистал страницы, даже не глядя на них, будто знал текст наизусть. - Ты хотела быть неизбежной. Что ж, поздравляю. Твое желание исполнилось в самой радикальной форме. Ты теперь настолько неизбежна, что если ты решишь уйти, этот дом обрушится на всех нас. Буквально.

- Ты лжешь, - я покачала головой, хотя мой внутренний критик уже начал соглашаться с ним. - Дома не рушатся из-за того, что кто-то выходит за порог. Это физика, Кай. Кирпичи и раствор.

- Это не физика, Мира. Это метафизика, подкрепленная кровью трех поколений, - он закрыл мой дневник с негромким хлопком. Звук эхом разнесся по библиотеке. - Твои родители не просто так игнорировали тебя. Они боялись. Они знали, что ты им не принадлежишь. Ты была взята в долг у этого особняка, и срок возврата наступил.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод. Это была не метафора. Это было физиологическое ощущение - как будто кто-то приложил лед к моему позвоночнику. Я посмотрела на свои руки. Они казались чужими, слишком бледны-

ми в этом приглушенном свете.

- Зачем ты мне это говоришь? - я прищурилась. - Чтобы напугать? Чтобы я сидела в углу и не высывалась?

- Чтобы ты перестала тратить силы на сопротивление там, где оно бесполезно, - Кай сделал паузу, и в этой тишине я услышала, как где-то в недрах дома что-то тяжело сдвинулось. Глухой, утробный звук. - Направь свою энергию на то, чтобы освоиться. Дом пробуждается. Он чувствует твой страх, и этот страх его возбуждает. Он будет провоцировать тебя, пока ты не примешь правила игры.

Он развернулся, собираясь уходить, но остановился и посмотрел на книгу в моих руках.

- Кстати, - его голос стал чуть мягче, что напугало меня больше, чем его угрозы. - Ты так и не закончила читать ту главу про Персефону. Ту, где она понимает, что гранатовые зерна были не ловушкой, а способом обрести власть над собственным адом.

Он ушел, бесшумно растворившись в тени коридора. Я осталась стоять одна, прижимая к себе обрывок своего прошлого. В библиотеке стало заметно холоднее. Я чувствовала, как мои пальцы на ногах начинают неметь - верный признак того, что кровообращение сосредоточилось в жизненно важных органах. Мое тело готовилось к долгой обороне.

Я снова посмотрела на книгу. Что-то было не так. Между страниц, там, где я оставила свой рисунок с кривоногой гимнасткой, что-то торчало. Маленький, ярко-красный край.

Я осторожно открыла книгу на пятьдесят четвертой странице.

На моем старом рисунке лежал лепесток. Свежий, влажный, источающий тяжелый, почти дурманящий аромат. Это был лепесток какого-то экзотического цветка, который явно не мог расти в этой пыльной библиотеке. Цвет был настолько насыщенным, что казался почти черным в тени полок.

Я коснулась его. Лепесток был теплым. У него была температура человеческого тела.

Я быстро захлопнула книгу. В голове пульсировала одна и та же мысль: он знал. Он знал меня все эти годы. Пока я падала с бревна, пока я плакала в раздевалке от боли в растянутых связках, пока я пыталась докричаться до матери, которая смотрела сквозь меня, он был там. Он собирал мои вещи, мои слова, мои вдохи.

Я не была залогом. Я была дичью, которую загоняли в эту ловушку десятилетиями.

Я посмотрела на лепесток, который теперь лежал на ковре, выпав из книги. Он выглядел как капля крови на серой пыли. В саду этого дома росли такие цветы - я видела их из окна, когда мы подъезжали. Они распускались прямо в сумерках, раскрывая свои тяжелые бутоны навстречу ночи.

Кай сказал, что дом чувствует мой страх. Но он ошибся в одном. Кроме страха, во мне было еще кое-что. То самое качество, которое заставляло меня вставать после каждого падения, даже когда колено было разбито в кровь, а тренер

орал, что я бездарность.

Упрямство. Чистое, дистиллированное упрямство.

Если этот дом хочет меня съесть, ему придется сначала подавиться.

Я подняла лепесток. Он обжег мне пальцы, но я не отпустила. Я аккуратно вложила его обратно в книгу и поставила ее на полку. Не на то место, где она стояла, а на самое видное, в секцию классической литературы. Прямо между Толстым и Достоевским. Пусть Кай видит, что я не собираюсь прятать свое прошлое по углам.

Я вышла из библиотеки, стараясь сохранять ритм дыхания. Четыре счета вдох, четыре - выдох. Мои мышцы постепенно расслаблялись, переходя из режима паники в режим функциональной готовности. Я оценивала высоту дверных проемов, прочность перил, углы поворотов.

Дом был огромным тренировочным снарядом. Сложным, опасным, непредсказуемым. Но я была гимнасткой высшей лиги. Я умела работать с любым снарядом, даже если он пытался меня убить.

Я шла по коридору, и мне казалось, что стены слегка вибрируют в такт моим шагам. Или это я вибрировала в такт дому? Грань между "мной" и "здесь" становилась пугающе тонкой.

Когда я дошла до своей комнаты, зеркало все еще было разбито. Но теперь трещины не пугали меня. Они выглядели как узор. Как сетка, которая удерживает реальность от окон-

чательного распада.

Я легла на кровать, не раздеваясь. Мои лопатки наконец коснулись матраса. Я закрыла глаза и представила себе Кая. Его спокойствие, его короткие фразы, его манеру владеть пространством. Он не был просто управляющим. Он был частью этого механизма, его главной шестеренкой. И если я хочу выжить, мне нужно понять, как эта шестеренка работает.

Где-то в глубине дома снова раздался стон. На этот раз он был похож на вздох облегчения. Дом получил то, что хотел - я перестала бегать. Я начала изучать.

Я заснула мгновенно, как засыпают солдаты перед боем. Мне снилось бревно, бесконечно длинное, уходящее в туман. Я шла по нему, и под моими ногами расцветали красные цветы с теплыми лепестками. А в конце бревна стоял Кай и держал в руках мой школьный дневник, вычеркивая из него слова "свобода" и "одинокчество".

Я проснулась от того, что в комнате стало слишком тихо. Тишина была такой плотной, что ее можно было потрогать. Я села на кровати, прислушиваясь.

На тумбочке лежал свежий цветок. Тот самый, чей лепесток я нашла в книге. Он был целым, тяжелым, с каплями росы, которые подозрительно напоминали пот.

Я не стала его выбрасывать. Я просто смотрела на него, понимая, что игра перешла на новый уровень. Кай не просто следил за мной. Он приглашал меня к соавторству в этом кошмаре.

- Ну что ж, Кай, - прошептала я в пустоту комнаты. - Давай проверим твой предел прочности.

Я встала, подошла к разбитому зеркалу и улыбнулась своему расколотому отражению. В глазах моей левой половины, той, что уехала к виску, горел огонек, который я не видела в себе уже очень давно.

Огонек хищника, который понял, что за ним охотятся, и решил сменить роль.

Я вышла из комнаты, и на этот раз мои шаги не были мягкими. Я чеканила шаг, как на параде. Если этот дом питается моей энергией, пусть готовится к передозировке. У меня ее было достаточно, чтобы осветить небольшой город или сжечь этот особняк до основания.

Я нашла Кая на кухне. Он пил кофе, глядя в окно на серый утренний сад. Он даже не обернулся, когда я вошла.

- Кофе? - спросил он, и в его голосе я услышала новую нотку. Едва заметное напряжение.

- Нет, - я подошла к столу и села напротив него. - Я хочу знать про контракт. Настоящий контракт. Без метафор про Икара и Персефону.

Кай медленно поставил чашку на стол. Его пальцы на мгновение сжались слишком сильно, побелев в костяшках. Это длилось доли секунды, но я заметила. Мой первый балл в этом раунде.

- Контракт простой, Мира, - он поднял на меня взгляд. - Ты остаешься здесь. Дом живет. Мы все живем.

- А если я умру? - я задала вопрос, который крутился у меня в голове с момента нахождения книги. - Если "инвестиция" придет в негодность?

Кай замолчал. Пауза затянулась. Он использовал тишину как оружие, но я просто сидела, расслабив плечи и глядя ему прямо в глаза. Я не собиралась заполнять эту пустоту оправданиями или страхом.

- Тогда, - наконец произнес он, и его голос прозвучал как шелест сухих листьев. - Тогда особняк выберет себе новую жертву. Но тебе это уже будет неважно.

- Понятно, - я кивнула. - Значит, я - батарейка. А ты - контроллер заряда.

Я встала, взяла его чашку с кофе и сделала глоток. Кофе был горьким, холодным и чертовски вкусным.

- Знаешь, Кай, в гимнастике есть такое понятие - "мертвая точка". Это момент, когда ты уже не летишь вверх, но еще не начала падать. Ты как будто зависишь в воздухе вопреки всем законам физики.

Я поставила чашку обратно.

- Так вот. Мы сейчас в этой точке. И я не советую тебе моргать. Потому что когда я начну падать, я потяну тебя за собой. И поверь мне, твой дом не успеет нас поймать.

Я развернулась и вышла, чувствуя его взгляд на своей спине. Это был не взгляд охранника. Это был взгляд человека, который впервые увидел, как его идеальный алгоритм выдает ошибку.

Я шла по коридору, и в моем сознании библиотека больше не была кладбищем. Она была арсеналом. Моим арсеналом. Каждая книга, каждая моя пометка, каждый лепесток - все это были мои союзники.

Я гостя в своей жизни? Больше нет. Теперь я здесь хозяйка. Даже если эта власть пахнет пылью, старой бумагой и кровью трех поколений.

Я дошла до лестницы и посмотрела вверх, в темноту верхних этажей. Там, где-то в тених, дом продолжал свою бесконечную работу. Но теперь я знала его ритм. Я чувствовала его пульс. И этот пульс был моим.

Я сделала первый шаг вверх. Мышцы бедер работали безупречно. Баланс был идеальным.

Игра только начиналась. И Кай еще не знал, что самая опасная гимнастка - это та, которой больше нечего терять, кроме своих цепей. И своих старых школьных учебников.

Глава 5. Попытка номер ноль

Тишина в особняке никогда не бывает абсолютной. Она состоит из слоев, как слоеное тесто, которое мама пыталась печь по воскресеньям, пока не сдалась и не перешла на покупные эклеры. Первый слой - это гул вентиляции, глубокий, утробный, похожий на дыхание спящего великана. Второй - треск старого дерева, которое расширяется и сужается, подстраиваясь под ночную прохладу. Третий - это шум моей собственной крови в ушах. Мой личный метроном. Раз-два, раз-два. Пульс спокойный, шестьдесят два удара в минуту. Хороший показатель для атлета в состоянии покоя. Но я не в покое. Я сижу на краю кровати, вцепившись пальцами в край матраса так сильно, что костяшки побелели. Мои руки помнят магнезию, помнят холодную сталь брусьев, помнят, что такое держать вес собственного тела, когда мир вокруг вращается в безумном салто.

Я гостя в собственной жизни, так я себе говорила. Но гости не сбегают через окно в три часа утра. Гости допивают свой чай, вежливо улыбаются и вызывают такси. У меня нет такси. У меня есть только эта комната, этот дом, который, кажется, высасывает из меня кислород, и Кай, который знает о моих привычках больше, чем я сама. Он думает, что запер меня в золотой клетке, но он забыл одну маленькую деталь: гимнастки умеют пролезать в такие щели, которые

кажутся невозможными для нормального человека. Мы - существа без костей, состоящие из чистой воли и страха провалить выступление.

Я встаю. Ковер под босыми ногами кажется слишком мягким, почти липким. Мои мышцы реагируют мгновенно: спина выпрямляется, лопатки сводятся к позвоночнику, центр тяжести смещается чуть вперед. Это профессиональное. Мое тело - это идеально настроенный инструмент, который я не использовала по назначению слишком долго. Я подхожу к окну. Высота - примерно четыре с половиной метра до выступа террасы первого этажа. Для обычного человека - риск сломать щиколотку. Для меня - просто контролируемый сход.

Я открываю створку. В лицо бьет сырой, тяжелый воздух сада. Он пахнет прелой листвой, мокрым камнем и чем-то еще, сладковато-тревожным, как духи на похоронах. Дом за моей спиной словно затаил дыхание. Я чувствую его массивность каждой клеткой кожи. Кай говорил, что дом не любит, когда гости уходят без предупреждения. Какая чушь. Дома - это кирпичи, известка и дерево. Они не могут любить или ненавидеть. Они могут только гнить, если за ними не следить.

Я перебрасываю ногу через подоконник. Металл водосточной трубы под рукой холодный и скользкий от росы. Это плохо. Сцепление будет минимальным. Мой внутренний тренер, тот самый сухой и злой голос в голове, который не

давал мне плакать, когда я срывала кожу на ладонях в кровь, сейчас шипит: локти внутрь, хват закрытый, не смотри вниз, смотри на точку опоры. Я подчиняюсь. Я всегда подчиняюсь командам, даже если отдаю их сама себе.

Спуск оказывается тяжелее, чем я рассчитывала. Водосточная труба вибрирует под моим весом, издавая тихий, предательский скрежет. Каждое движение отдается в трицепсах. Я фиксирую положение, замирая на секунду, когда слышу какой-то звук из глубины сада. Ничего. Просто ветер в ветвях старых дубов. Я продолжаю спускаться. Мои пальцы нащупывают стыки между кирпичами. Фактура камня грубая, она царапает кожу, но это дает необходимую опору. Я чувствую себя пауком, нелепым и хрупким на фоне этой монументальной стены.

Когда мои ноги наконец касаются земли, я не чувствую облегчения. Наоборот, тревога усиливается. Земля кажется слишком зыбкой, словно под слоем дерна нет ничего, кроме пустоты. Я оглядываюсь на особняк. В темноте он выглядит как огромный черный монолит, вырезанный из самой ночи. Окна - пустые глазницы. Ни одного огонька. Кай спит? Кай никогда не спит, мне так кажется. Он просто переходит в режим ожидания, как сложный компьютер, готовый включиться от малейшего движения в системе. А я сейчас - самая большая ошибка в его системе.

Я бегу. Не так, как бегают в фильмах ужасов, спотыкаясь на каждом шагу. Я бегу экономно, на носочках, гася шум

шагов. Мои легкие работают четко, ритмично. Сад вокруг меня изменился. Днем это были аккуратные дорожки, подстриженные кусты и статуи, которые выглядели просто безвкусным украшением. Сейчас это лабиринт. Тени кажутся плотными, почти осязаемыми. Ветки деревьев переплетаются над головой, закрывая лунный свет. Я ориентируюсь по памяти: триста метров до северных ворот, там забор ниже, и есть дерево, по которому можно перемахнуть через ограду.

Но что-то не так. Пространство словно растягивается. Я бегу уже пять минут, хотя должна была достичь цели за две. Мое дыхание начинает сбиваться. Это невозможно. Я знаю свою скорость, я знаю длину своего шага. Мои мышцы начинают гореть от молочной кислоты, но забор все еще где-то впереди, скрытый туманом, который внезапно поднялся от земли. Туман густой, как кисель, он липнет к лицу, забивается в нос. Я останавливаюсь, чтобы перевести дух.

Где я? Вокруг меня стоят незнакомые деревья. Их стволы искривлены, а кора покрыта странными наростами, похожими на застывшие гримасы боли. Это не те дубы, что я видела днем. Я поворачиваюсь вокруг своей оси, пытаюсь найти ориентир. Особняк исчез. Просто растворился в серой хмари. Я одна в лесу, которого не должно быть на территории поместья.

- Мира, ты заблудилась? - голос Кая раздается совсем рядом, хотя я не слышала шагов.

Я вздрагиваю, и мое тело мгновенно переходит в защит-

ную стойку. Ноги на ширине плеч, колени чуть согнуты, руки подняты. Кай стоит в пяти шагах от меня. Он одет в длинное черное пальто, которое делает его фигуру еще более внушительной. В руках он держит что-то тяжелое и серое. Плед. Шерстяной плед, такой уютный и домашний, что в этом лесу он выглядит как самое страшное оружие.

- Я просто гуляю, - мой голос звучит хрипло. Я пытаюсь придать ему ироничный тон, но получается плохо. - У тебя в саду отвратительная навигация, Кай. Нужно поставить указатели.

Он делает шаг вперед. Медленно. Так подходят к раненому зверю или к сумасшедшему. Его лицо абсолютно спокойно. Ни гнева, ни раздражения. Только эта его вежливая, ледяная внимательность, от которой хочется содрать с себя кожу.

- Ночью в саду легко потерять чувство направления, - говорит он своим негромким, гипнотическим голосом. - Геометрия пространства здесь... специфическая. Ты замерзла. Твои плечи дрожат.

- Это адреналин, - огрызаюсь я. - А не холод. Уходи с дороги, Кай. Я не вернусь в тот дом.

- Ты не можешь уйти, Мира. Не потому, что я тебе запрещаю. А потому, что ты еще не поняла правила. Дом - это не здание. Это контракт. Твое тело уже начало подстраиваться под него. Разве ты не чувствуешь? Твоя легкость, твоя сила - они питаются этой землей.

- Что за бред ты несешь? - я делаю попытку обойти его справа, но он снова оказывается на моем пути. Его движения нечеловечески быстрые и плавные. Как у хищника, который играет с добычей. - Какие контракты? Какая земля? Я просто хочу домой. В свою маленькую квартиру, где нет говорящих стен и маньяков с пледами.

- Твоей квартиры больше нет, - он произносит это как констатацию факта, без тени сочувствия. - Как и твоей старой жизни. Ты сама отказалась от нее, когда вошла в те двери. Ты искала место, где ты будешь неизбежной. Где твое отсутствие станет катастрофой. Ты нашла его. Если ты уйдешь сейчас, баланс будет нарушен.

Он набрасывает плед мне на плечи. Я хочу сбросить его, ударить Кая, вцепиться ему в лицо, но мои руки вдруг отказываются повиноваться. Тепло шерсти проникает сквозь тонкую ткань моей футболки, и мои мышцы предательски расслабляются. Это физиологическая реакция, которую я не могу контролировать. Мое тело, измученное стрессом и холодом, жадно впитывает это тепло. Я ненавижу себя за эту слабость. Я ненавижу его за то, что он знает, как эта слабость работает.

- Посмотри туда, - он указывает рукой в сторону, где туман немного рассеивается.

Я смотрю. И чувствую, как внутри меня что-то обрывается. Ограда. Она здесь, всего в десяти метрах. Но это не тот забор, который я видела днем. Те кованые прутья высотой в

два метра, которые я планировала перелезть, превратились в чудовищную стену. Она уходит ввысь метров на шесть, не меньше. Прутья стали толще, они покрыты острыми шипами, а наверху вьется колючая проволока, которая кажется живой. Она шевелится, изгибаясь, как змея.

- Этого не может быть, - шепчу я. - Днем он был... нормальным.

- Днем дом спит, - Кай подходит ближе, и я чувствую запах его одеколона - сандал, табак и что-то металлическое. - Он показывает тебе то, что ты хочешь видеть. Но ночью он просыпается. Он чувствует твой страх, твоё желание сбежать. И он защищается. Он не хочет тебя отпускать, Мира. Ты для него - новая кровь. Новое сердце.

- Я не сердце, я человек! - я кричу, и мой крик тонет в густом тумане. - Пусти меня! Это все фокусы, галлюцинации. Ты что-то подмешал мне в чай?

Я бросаюсь к забору. Плевать на шипы, плевать на высоту. Мои пальцы впиваются в холодный металл. Но как только я пытаюсь подтянуться, забор словно вздрагивает. Металл под моими руками становится горячим, почти обжигающим. Я вскрикиваю и отскакиваю назад.

- Он не любит, когда гости уходят без предупреждения, - повторяет Кай те же слова, что и в библиотеке. Но теперь в них звучит не предупреждение, а угроза.

- Ты сумасшедший, - я пячусь, прижимая обожженные ладони к груди. - Вы все здесь сумасшедшие. Это какой-то

культ? Секта? Что вам от меня нужно?

Кай вздыхает. В этом вздохе столько усталости, словно он объясняет элементарные вещи непонятливому ребенку.

- Мне нужно, чтобы ты выжила. А для этого ты должна перестать бороться с тем, что сильнее тебя. Ты думаешь, что твоя воля - это стальной стержень. Но сталь ломается. А ива гнется. Будь ивой, Мира. Позволь дому принять тебя.

- Никогда, - я разворачиваюсь и бегу в другую сторону, прочь от него, прочь от этого забора.

Я не смотрю, куда бегу. Ветки хлещут меня по лицу, корни цепляются за ноги. Мой внутренний тренер орет: сбавь темп, ты выдохнешься! Но я не слушаю. Я слышу только топот своих ног и какой-то странный, нарастающий гул. Сад вокруг меня начинает двигаться. Это не ветер. Это сама земля приходит в движение. Кусты перестраиваются, создавая новые преграды. Деревья наклоняются, преграждая путь.

Я прыгаю через поваленное дерево, выполняю безупречный кувырок, группируюсь и снова вскакиваю на ноги. Мышечная память работает на автопилоте. Но когда я приземляюсь, я чувствую, что земля под ногами не твердая. Она мягкая, податливая, как плоть. Я смотрю вниз и вижу, что стою на ковре из странного черного мха, который пульсирует в такт моему сердцу.

- Хватит, - голос Кая звучит прямо над ухом, хотя он все еще стоит там, у забора. - Ты только злишь его.

- Пошел ты! - я задыхаюсь. - Пошел ты со своим домом!

Я вижу просвет между деревьями. Там, кажется, старая беседка. Я помню ее по плану, который видела в кабинете Кая. Если я доберусь до нее, возможно, там есть какой-то подвал или выход в дренажную систему. Я бросаюсь вперед, игнорируя боль в обожженных руках.

Но я не успеваю сделать и трех шагов. Что-то резкое, сильное обвивается вокруг моей лодыжки. Я не успеваю среагировать, не успеваю сгруппироваться. Рывок - и я лечу на землю, больно ударяясь плечом. Мой локтевой сустав отзывается резкой болью, но я тут же пытаюсь перевернуться и освободиться.

Это ветка. Толстая, гибкая ветка старого тиса, которая вылезла из земли, как щупальце. Она не просто держит меня. Она сжимается. Я чувствую, как кора впивается в кожу, как дерево давит на кость. Это не может быть реальностью. Деревья не хватают людей за ноги.

- Помоги мне! - этот крик вырывается из меня прежде, чем я успеваю его осознать. Мой запрет на слабость рушится. Страх, настоящий, первобытный страх перед чем-то, что нарушает законы физики, парализует мой разум.

Кай появляется из тумана. Он не бежит. Он идет спокойным шагом, и туман расступается перед ним. Он опускается на колени рядом со мной. Его руки ложатся на ветку.

- Тихо, - шепчет он, и я не понимаю, кому он это говорит - мне или дереву. - Тихо. Она просто напугана. Она своя. Отпусти.

Ветка медленно, неохотно разжимает хватку. Она скользит по моей ноге, оставляя глубокие царапины, и уходит обратно в землю, скрываясь под слоем черного мха. Я лежу на земле, тяжело дыша, и смотрю в серое небо, где нет ни звезд, ни луны. Только бесконечная, давящая пустота.

Кай снова накрывает меня пледом. На этот раз я не сопротивляюсь. У меня нет сил. Мое тело, мой идеальный инструмент, подвело меня. Оно не приспособлено к борьбе с лесом, который оживает. Оно не знает, как группироваться при падении в кошмар.

- Пойдем в дом, Мира, - он берет меня под локоть и помогает подняться. Его хватка стальная, но в ней нет грубости. Только неоспоримая власть. - Ты совершила свою первую ошибку. Это нормально. Все совершают ошибки в начале.

- Ты знал, что это произойдет, - я опираюсь на него, потому что мои ноги дрожат и не держат вес. - Ты ждал меня там. С этим чертовым пледом.

- Я знал, что ты попробуешь, - он ведет меня обратно к особняку, и теперь дорога кажется короткой и прямой. Туман рассеивается, открывая знакомые очертания фасада. - Твой психотип не предполагает пассивного ожидания. Ты должна была проверить границы своей клетки. Теперь ты их знаешь. Они не там, где ты думала.

- Где они, Кай? - я смотрю на него, пытаюсь разглядеть хоть что-то за его маской спокойствия. - Где заканчивается этот дом и начинаюсь я?

Он останавливается у парадного входа. Массивные дубовые двери открываются сами собой, без скрипа, приглашая нас внутрь. Кай поворачивается ко мне. В свете фонарей у входа его глаза кажутся абсолютно черными, лишенными зрачков.

- В этом-то и вся интрига, Мира, - его голос становится совсем тихим, почти неразличимым. - Границы больше нет. Ты и есть этот дом. Просто ты еще не научилась управлять своими новыми конечностями. Теми, что растут в саду. Теми, что держат крышу.

Я вхожу в холл. Тепло дома окутывает меня, но теперь оно кажется мне не уютным, а пищеварительным. Словно я попала в желудок огромного зверя, который медленно, со вкусом начинает меня переваривать.

- Я хочу в свою комнату, - говорю я, глядя в пол. Я не хочу видеть его лицо. Я не хочу видеть этот дом.

- Конечно. Я принесу тебе мазь для рук. И чай. На этот раз без добавок, обещаю. Тебе нужно поспать. Завтра будет сложный день.

Я поднимаюсь по лестнице. Каждая ступенька кажется мне знакомой, родной. Мои ноги сами находят опору, даже не глядя. Моя мышечная память уже начала записывать ритм этого дома. И это пугает меня больше, чем живые ветки в саду.

Зайдя в комнату, я не включаю свет. Я подхожу к зеркалу и смотрю на свое отражение в полумраке. Бледная кожа,

растрепанные волосы, лихорадочный блеск в глазах. Я выгляжу как человек, который пережил катастрофу. Но когда я поднимаю руку, чтобы убрать прядь волос с лица, я замечаю нечто странное.

Царапины на моей ладони, те самые, что я получила, хватаясь за забор, затягиваются прямо на глазах. Тонкие красные линии бледнеют, кожа срастается, не оставляя даже шрамов. Это происходит быстро, ритмично, в такт тому самому пульсу, который я слышала в саду.

Я отдергиваю руку и прижимаю ее к груди. Сердце колотится в горле.

Я гостя в своей жизни? Нет. Я залог. Я часть механизма, который я не понимаю. И самое страшное - мне начинает казаться, что я всегда принадлежала этому месту. Что все мои годы в гимнастике, все мои тренировки, все мои падения были лишь подготовкой к тому, чтобы стать идеальным элементом этого особняка.

Я ложусь в кровать, не раздеваясь. Плед Кая все еще на моих плечах. Он пахнет им. Он пахнет безопасностью, которая на самом деле является высшей формой обладания. Я закрываю глаза и слышу, как дом затихает. Он доволен. Добыча вернулась в нору.

Где-то внизу Кай закрывает дверь библиотеки. Я слышу щелчок замка. Этот звук отдается в моем позвоночнике. Раз-два, раз-два. Мой пульс синхронизируется с пульсом дома. Мы дышим вместе. Мы одно целое.

И в этот момент я понимаю, что мой побег не просто провалился. Он был невозможен с самого начала. Нельзя убежать от собственного скелета. Нельзя убежать от стен, которые стали твоей кожей.

Я засыпаю, и мне снится, что я стою на брусках посреди огромного, бесконечного сада. Бруска сделаны из костей, а подо мной - бездна, заполненная черным туманом. Я должна прыгнуть. Я должна сделать это сальто, чтобы доказать, что я еще жива. Но когда я отталкиваюсь, я понимаю, что у меня нет ног. Вместо них - корни, которые уходят глубоко в землю, в самый фундамент этого проклятого дома.

Я просыпаюсь от собственного крика, но он не звучит в комнате. Он остается внутри меня, запертый в клетке из ребер и кирпича. За окном начинает сереть рассвет. Новый день в моей новой тюрьме. И я знаю, что сегодня я не буду пытаться бежать. Сегодня я буду учиться быть хозяйкой этого кошмара. Потому что это единственный способ не сойти в нем с ума.

Я встаю и подхожу к окну. Сад выглядит мирным, почти невинным в утреннем тумане. Ограда кажется обычной, невысокой. Но я знаю правду. Я видела ее ночью. И это знание - мое единственное оружие.

Кай ждет меня внизу. Я чувствую его присутствие. Он стоит у подножия лестницы, глядя вверх. Он ждет, когда его идеальный алгоритм снова придет в движение. И я дам ему это. Я спущусь к нему, я буду пить его чай, я буду слушать

его вежливые речи. Но внутри меня, за слоями кирпича и известки, будет зреть что-то другое. Что-то, что дом еще не научился контролировать.

Моя ненависть. Она - единственное, что в этом доме принадлежит только мне. И я буду беречь ее, как самую дорогую ценность. Я буду кормить ее своим страхом, своей болью, своей памятью о другой жизни. И когда придет время, я сожгу этот дом изнутри. Вместе с Каем. Вместе с собой.

Но пока я просто делаю первый шаг по лестнице. Мышцы бедер работают безупречно. Баланс идеальный. Я - лучшая версия себя. Я - живой залог. И игра, которую Кай начал так давно, только сейчас обретает свои истинные правила.

Я спускаюсь вниз, и каждая ступенька приветствует меня тихим, едва слышным стоном удовлетворения. Дом рад. Дом счастлив. А я... я просто гостья, которая решила задержаться на неопределенный срок. До самой финальной катастрофы.

Кай поднимает голову, когда я оказываюсь на последнем пролете. На его губах играет едва заметная улыбка. Он доволен. Он думает, что победил.

- Доброе утро, Мира, - говорит он, и в его голосе слышится тепло, которое могло бы обмануть кого угодно, но не меня.
- Как спалось?

- Как в могиле, Кай, - отвечаю я, проходя мимо него в столовую. - Тишина была просто гробовая.

Я сажусь за стол, и он уже накрыт. Мой любимый сорт чая, тосты с авокадо, именно так, как я люблю - с капелькой

лимонного сока и щепоткой чили. Он знает все. Но он не знает главного.

Я больше не боюсь этого дома. Я начинаю его понимать. И это понимание - начало его конца. Мышечная память гимнастки говорит мне, что любой снаряд можно покорить, если найти его слабое место. У этого дома оно есть. И я его найду. Даже если мне придется стать его частью, чтобы почувствовать, где именно бьется его уязвимое сердце.

- Тебе идет этот плед, - замечает Кай, садясь напротив. - Он подчеркивает цвет твоих глаз.

- Это цвет плесени, Кай. Очень символично для этого места.

Он смеется. Этот смех звучит так искренне, что на мгновение мне становится не по себе. В нем нет цинизма, нет угрозы. В нем слышится облегчение человека, который наконец-то нашел то, что искал всю жизнь.

- Ты удивительная, Мира. Ты сопротивляешься там, где другие бы уже сдались. Ты ищешь лазейки там, где их нет. Именно поэтому ты здесь. Ты - единственная, кто может выдержать давление этого места.

- Или единственная, кто достаточно глупа, чтобы пытаться, - я откусываю тост. Он чертовски вкусный. Мое тело жадно принимает пищу, восстанавливая силы после ночного забега.

Мы сидим в тишине, нарушаемой только звоном столовых приборов. Это странная, неудобная близость. Мы как два гла-

диатора, которые взяли перерыв между раундами. Мы знаем, что скоро снова придется убивать, но сейчас мы просто едим.

- Кай, - говорю я, допивая чай. - Расскажи мне про контракт. Ты сказал, что я - его часть. Что это значит?

Он отставляет чашку и смотрит на меня долгим, немигающим взглядом. Его вежливость снова становится его броней.

- Есть вещи, которые нельзя объяснить словами. Их нужно пережить. Дом сам покажет тебе. Скоро. Когда ты будешь готова.

- А если я никогда не буду готова?

- У тебя нет выбора, Мира. Ты уже в процессе. Ты почувствовала это ночью. Твое тело уже начало меняться. Твои раны заживают быстрее. Твои чувства обостряются. Ты начинаешь слышать то, что не слышат другие.

Я вспоминаю свои ладони в зеркале. И пульсацию мха в саду. Он прав. Я становлюсь чем-то другим. Чем-то, что пугает меня больше, чем сам Кай.

- И что будет в конце? - мой голос дрожит, несмотря на все мои усилия. - Когда процесс завершится? Я стану статуей в саду? Одной из тех, что смотрят в пустоту?

- Нет, - он делает паузу, и его лицо на мгновение становится почти человеческим. - Ты станешь хозяйкой. По-настоящему. Ты будешь управлять этим местом так же легко, как ты управляешь своим телом на брусках. Ты будешь неизбежной. Никто и никогда больше не сможет тебя игнорировать.

Ты будешь центром этого мира.

- Ценой своей свободы? - я усмехаюсь. - Это плохая сделка, Кай.

- Свобода - это иллюзия, Мира. Мы все от чего-то зависим. От гравитации, от кислорода, от чужого мнения. Здесь ты будешь зависеть только от самой себя. И от дома, который станет твоим продолжением.

Он встает, давая понять, что разговор окончен.

- Сегодня мы пойдем в подвалы. Там хранятся архивы первой владелицы. Тебе нужно их увидеть. Чтобы понять, кто ты такая на самом деле.

Я молча киваю. У меня нет сил спорить. Я чувствую, как усталость накатывает на меня тяжелой волной. Ночной побег забрал больше, чем я думала.

Кай уходит, оставляя меня одну в столовой. Я смотрю на свои руки. Кожа гладкая, чистая. Никаких следов от ожогов или царапин. Я сжимаю кулаки, чувствуя невероятную силу в мышцах.

Я встаю и подхожу к окну. В саду, на том самом месте, где меня схватила ветка, теперь растет куст прекрасных белых роз. Они распустились всего за несколько часов. Их лепестки кажутся фарфоровыми, идеально белыми.

Я открываю окно и протягиваю руку к одной из роз. Но как только мои пальцы касаются лепестка, я чувствую укол. Острый шип пронзает кожу. Капля крови падает на белый лепесток, и он мгновенно впитывает ее, становясь яр-

ко-алым.

Ветка дерева за окном едва заметно качается, словно в приветствии. Или в предупреждении.

- Я поняла, - шепчу я, глядя на розу, которая на глазах становится все краснее и краснее. - Я все поняла.

Дом не просто питается моей энергией. Он питается моей жизнью. И Кай - его верный жрец, который следит за тем, чтобы жертва была свежей и красивой.

Я закрываю окно и возвращаюсь в центр комнаты. Мой внутренний критик молчит

Глава 6: Правила игры

Дверь кабинета Кая открывается с тем самым вкрадчивым звуком, который издает хорошо смазанный капкан. Я вхожу, стараясь держать спину так, как учила старая ведьма Антонина Васильевна в зале олимпийского резерва: лопатки сведены, подбородок параллельно полу, живот втянут до состояния вогнутой линзы. Моя мышечная память - это единственное, что мне еще принадлежит. Тело помнит, как группироваться перед падением, даже если разум уже летит в бездну. В кабинете пахнет озоном и старой кожей, как в библиотеке, где книги не читали лет сто, но исправно протирали с них пыль. Кай сидит за массивным столом из темного дерева, которое выглядит так, будто оно все еще живое и просто затаило дыхание. Он не поднимает глаз. Он пишет что-то перьевой ручкой, и этот сухой скрип металла о бумагу царапает мне затылок. Я стою в центре комнаты, оценивая высоту потолков. Пять метров. Если я сейчас решу сделать сальто назад, у меня будет достаточно воздуха, чтобы провернуть двойную крутку, но приземление на этот лакированный паркет раздробит мне голеностопы. Я фиксирую стопы, распределяя вес по внешнему ребра. Статика - это тоже движение, просто очень медленное.

Проходи, Мира. Кай произносит это, не меняя наклона головы. Его голос звучит ровно, на одной частоте, как гул

трансформаторной будки. В нем нет приглашения, только констатация факта моего присутствия. Я делаю три шага. Ковер съедает звук моих шагов, и это меня бесит. Я хочу, чтобы дом меня слышал. Я хочу, чтобы каждый мой шаг оставлял вмятину, но я здесь - гостья, которую едва терпят, или, что вернее, ценный экспонат, который боятся поцарапать. Я сажусь в кресло напротив него. Оно слишком глубокое, спроектированное так, чтобы человек чувствовал себя в нем ребенком. Я не откидываюсь на спинку. Я сижу на самом краю, удерживая равновесие за счет мышц кора. Мой внутренний тренер одобряет: хорошая база, Мира, не давай ему увидеть, что ты устала.

Ты выглядишь лучше, - говорит он, наконец откладывая ручку. Его взгляд сканирует мое лицо, задерживается на ключицах, спускается к кистям рук. Я знаю, что он ищет. Он ищет следы того, что произошло в саду. Но моя кожа теперь как новый виниловый чехол - ни царапины, ни пятнышка. Это пугает меня больше, чем если бы я была покрыта шрамами. Шрамы - это история, а чистота - это отсутствие прошлого.

Я чувствую себя как манекен, Кай. Ты ведь этого добивался? Безупречности? - я стараюсь, чтобы мой голос звучал иронично, но в горле сухо, как в магnezии. Я облизываю губы и тут же жалею об этом. Это жест слабости.

Я добиваюсь функциональности, - он пододвигает ко мне папку из плотной серой бумаги. На ней нет никаких надпи-

сей. - В этом доме все имеет свою функцию. Сад, стены, я. И ты. Чтобы система работала без сбоев, нужны протоколы. Здесь устав. Прочти и подпиши.

Я смотрю на папку. Она кажется тяжелой, хотя в ней всего несколько листов. Мои пальцы касаются края бумаги. Она холодная. Я открываю ее и начинаю читать. Мои глаза цепляются за пункты, которые больше похожи на приговор, чем на правила проживания.

Пункт первый: Перемещение по особняку в ночное время (с 22:00 до 06:00) строго запрещено без сопровождения управляющего.

Пункт второй: Посещение Восточного крыла и подвальных помещений исключено.

Пункт третий: Любые изменения в рационе питания и режиме сна должны быть согласованы.

Пункт четвертый: Контакты с внешним миром осуществляются только через терминал в кабинете управляющего.

Я дохожу до середины страницы и чувствую, как в груди начинает нарастать мелкая дрожь. Это не страх, это ярость спортсмена, которому запретили выходить на снаряд. Кай просто вычеркивает меня из списка живых людей и переводит в разряд домашнего оборудования.

Это шутка? - я поднимаю на него глаза. - Пункт восемь: Присутствие на ужине обязательно, одежда должна соответствовать дресс-коду. Ты серьезно? Ты хочешь, чтобы я спрашивала разрешения, прежде чем пойти в туалет или съесть

яблоко? Кай, я не твоя собственность. Я согласилась остаться, потому что у меня не было выбора, но я не подписывалась на тюремное заключение.

Он молчит. Он просто смотрит на меня своими серыми, как предгрозовое небо, глазами. В его взгляде нет агрессии, там вообще ничего нет, кроме бесконечного, вакуумного спокойствия. Это его главный инструмент. Он ждет, пока я выплесну всю свою кинетическую энергию, пока я задохнусь в собственном возмущении. Он знает, что тишина давит сильнее любых слов. Я пытаюсь выдержать эту паузу. Один, два, три, четыре... на счет десять я чувствую, как мои плечи произвольно опускаются на миллиметр. Это поражение.

Ты не понимаешь структуры этого места, Мира, - наконец произносит он. Его голос обволакивает, как туман. - Это не ограничения ради ограничений. Это техника безопасности. Если ты выйдешь в коридор ночью, дом может тебя не узнать. Ты для него - новая переменная. Он еще не привык к твоему ритму. Эти правила защищают тебя от него. И его от тебя.

От дома? - я усмехаюсь, хотя внутри все сжимается. - Ты говоришь о нем так, будто у него есть зубы. Я видела розы, Кай. Я видела, как они пили мою кровь. И я видела, как ты смотрел на это. Ты не защищаешь меня. Ты дрессируешь меня. Ты хочешь, чтобы я стала такой же предсказуемой, как эти твои дурацкие часы на стене.

Я хочу, чтобы ты выжила, - он наклоняется вперед. Теперь

я чувствую запах его парфюма - что-то древесное, горькое, с нотками металла. Давление воздуха в комнате меняется. Оно становится плотным, тяжелым, как будто мы находимся на большой глубине. - Подпиши. Это формальность, которая легализует твоё присутствие в экосистеме особняка. Без этого ты - инородное тело. А инородные тела организм отторгает. Болезненно и быстро.

Я смотрю на ручку, лежащую перед ним. Она выглядит как стилет. Мой внутренний критик, этот сухой и злой тренер, шепчет мне на ухо: Соглашайся. Если не можешь победить в лоб, используй инерцию противника. Притворись, что ты сдалась. Изучи их тактику. Найди слабые места в этом их уставе. Стань идеальной, чтобы они потеряли бдительность. Ты ведь всегда была отличницей, Мира. Самая тихая девочка в классе, которая втайне ненавидела всех вокруг. Сейчас самое время вспомнить этот навык.

Я беру ручку. Она неожиданно тяжелая, из холодного серебра. Мои пальцы дрожат, но я сжимаю их так сильно, что костяшки белеют. Я подписываю каждый лист. Мира Коваль. Мира Коваль. Мое имя на бумаге выглядит чужим, как будто я пишу его на чужом языке. С каждым росчерком я чувствую, как невидимая нить натягивается где-то в районе солнечного сплетения. Дом довольно вздыхает - мне кажется, я слышу этот звук в скрипе половиц под ковром.

Хорошо, - Кай забирает папку. Он не улыбается, но я вижу, как расслабляются его плечи. Он победил в этом раун-

де. - Теперь вторая часть. Нам нужно синхронизировать твои показатели.

Что это значит? - я напрягаюсь. Любое слово, связанное с медицинскими или техническими терминами, в его устах звучит зловеще.

Это значит, что я должен знать, как твое тело реагирует на дом, - он встает и обходит стол. Он движется бесшумно, как крупный хищник, который привык к своей территории. Он останавливается рядом со мной. Я не двигаюсь, хотя все мои инстинкты кричат о том, что нужно вскочить и отбежать к окну. Но гимнастки не бегают. Мы замираем в финальной позе, даже если у нас разорваны связки.

Дай мне руку, - приказывает он.

Я медленно поднимаю правую руку. Он берет ее за запястье. Его пальцы холодные, но там, где они касаются моей кожи, вспыхивает жар. Это не тот жар, о котором пишут в дешевых романах. Это электрический разряд, статика, которая бьет в нервные окончания. Он прижимает большой палец к моей артерии.

Я чувствую, как мой пульс пускается вскачь. Тук-тук, тук-тук. Мое сердце колотится о ребра, как пойманная птица. Я пытаюсь дышать ровно, используя технику квадрата, которую нам давали для борьбы с предстартовым мандражом. Вдох на четыре счета, задержка на четыре, выдох на четыре, задержка на четыре. Но ритм не слушается. Кай стоит слишком близко. Я чувствую исходящий от него холод, который

контрастирует с жаром его прикосновения.

Слишком быстро, - тихо говорит он. Он не смотрит на меня, его взгляд прикован к моим часам, которых на мне нет, или он просто считает в уме. - Ты боишься. Это лишнее. Страх создает помехи в поле.

Я не боюсь, - вру я, глядя в стену за его плечом. Там висит картина - какой-то мрачный пейзаж с болотом. - Это просто физиологическая реакция на нарушение личного пространства. Ты стоишь слишком близко, Кай. В моем мире так делают только те, кто хочет ударить или...

Или что? - он поднимает глаза. В них мелькает что-то похожее на интерес, но оно тут же гаснет, сменяясь привычной ледяной маской. - Я не собираюсь тебя бить. И я не собираюсь тебя утешать. Я просто фиксирую данные. Твой пульс - это частота, на которой ты вибрируешь. Если она будет слишком высокой, дом начнет резонировать. Ты ведь не хочешь, чтобы люстры начали падать тебе на голову?

Я хочу домой, - говорю я, и мой голос внезапно срывается. Это звучит жалко. Я ненавижу себя за эту ноту в голосе. - Я хочу в свою маленькую квартиру, где из крана течет ржавая вода, а соседи за стенкой слушают плохую попсу. Я хочу быть невидимой, Кай. Я всю жизнь пыталась стать невидимой, чтобы меня оставили в покое. А ты... ты вытащил меня под прожекторы.

Ты никогда не была невидимой, Мира, - он сжимает мое запястье чуть сильнее. Не больно, но властно. - Ты просто

пряталась в тени. Но тень - это тоже часть света. Ты была рождена для этого места. Твоя мать знала это. Твой отец знал это. Они просто ждали, когда ты созреешь. Как плод, который должен упасть в правильную корзину.

Не смей говорить о моих родителях, - я пытаюсь вырвать руку, но он держит крепко. Его пальцы как стальные обручи. - Они ничего не знали. Им было плевать. Я была для них удобным мебельным гарнитуром. Мира поела? Мира потренировалась? Отлично, поставьте Миру в угол до следующего выступления.

Именно поэтому ты здесь идеальна, - он наконец отпускает мою руку, но не отходит. - Тебе не нужно быть личностью здесь. Тебе нужно быть частью целого. Дом даст тебе то, чего у тебя никогда не было - значимость. Без тебя это здание просто груда камня и дерева. С тобой это живой организм. Разве ты не этого хотела? Перестать быть заменяемой?

Я хочу, чтобы меня любили просто так, а не потому, что я служу батареей для старого особняка! - я вскакиваю с кресла. Равновесие нарушено, я чувствую, как центр тяжести смещается. Я стою слишком близко к нему, и моя грудь почти касается его пиджака.

Любовь - это химический сбой, - Кай произносит это так, будто читает лекцию о вреде курения. - Это форма владения, замаскированная под альтруизм. Тебе не нужна любовь, Мира. Тебе нужна структура. И я тебе ее дам. А теперь иди. Твой ужин будет подан в семь. И не забудь про дресс-код. В

шкафу есть то, что тебе подойдет.

Я смотрю на него, и мне хочется плюнуть в это красивое, симметричное, абсолютно неживое лицо. Но я только сжимаю зубы. Я разворачиваюсь и иду к выходу. Мои мышцы напряжены, я готова к прыжку, к рывку, к тому, что он окликнет меня. Но он молчит.

Я выхожу в коридор и прислоняюсь спиной к закрытой двери. Она холодная и твердая. Я прикладываю ладонь к груди. Сердце все еще колотится. Но что-то не так. Я закрываю глаза и начинаю считать удары. Раз, два, три...

И тут я понимаю. Ритм.

Я все еще чувствую фантомное прикосновение его пальцев на своем запястье. И я вспоминаю, как пульсировала жилка на его собственной шее, когда он стоял так близко. Я не обращала на это внимания тогда, сосредоточенная на своем страхе. Но сейчас, в тишине коридора, я осознаю ужасающую вещь.

Мой пульс. Его пульс.

Они не просто были похожи. Они совпадали до доли секунды. Как будто у нас на двоих было одно сердце, которое билось в этом пустом, огромном доме. Тук-тук. Тук-тук. Идеальный синхрон. В гимнастике это называется абсолютной связкой. Когда двое работают как один механизм, без задержек, без люфта.

Я отгалкиваюсь от двери и почти бегу в свою комнату. Мои ноги кажутся мне чужими. Я чувствую, как дом наблю-

дает за мной через каждый узор на обоях, через каждую трещинку в лепнине. Я - залог. Я - часть контракта. И Кай - не просто мой тюремщик. Он мой метроном.

Я влетаю в свою спальню и захлопываю дверь. Я не запираю ее - какой смысл запираить дверь в доме, который сам является твоей кожей? Я подхожу к зеркалу. На меня смотрит бледная девушка с огромными глазами. Я выгляжу так, будто меня только что вытащили из воды. Мои волосы слегка влажные от пота, хотя в кабинете было прохладно.

Я смотрю на свои руки. Они чистые. Безупречные. Я ненавижу эту чистоту. Я хочу, чтобы на мне остались следы борьбы. Я хочу чувствовать боль, потому что боль - это доказательство того, что я еще существую отдельно от этого места.

Я подхожу к шкафу, о котором говорил Кай. Я дергаю за ручку. Внутри висят платья. Много платьев. Все они темных, глубоких цветов: винный, изумрудный, полночно-синий. Ткани тяжелые, дорогие. Шелк, бархат, кашемир. Никакой синтетики, никаких ярких принтов. Это гардероб для женщины, которая не должна выделяться, но должна выглядеть как часть дорогого интерьера.

Я выбираю темно-синее платье из плотного шелка. Оно холодное на ощупь. Я сбрасываю свою старую футболку и джинсы - мою последнюю связь с миром, где я была просто Мирой, неудачливой гимнасткой, подрабатывающей в кофейне. Теперь эта одежда кажется мне лохмотьями нищего. Я надеваю платье. Оно садится идеально, как вторая ко-

жа. Лиф плотно облегает грудь, юбка тяжелыми складками падает до пола. Я чувствую, как ткань ограничивает мои движения. В этом платье я не смогу сделать даже простое колесо, не говоря уже о чем-то более сложном. Оно диктует мне походку: медленную, величественную, скованную.

Это тоже правило, - шепчу я своему отражению. - Пункт номер девять: Твое тело больше не принадлежит тебе для движения. Оно принадлежит дому для созерцания.

Я сажусь на кровать и смотрю на часы. Шесть тридцать. У меня есть тридцать минут, чтобы собраться с духом. Мой внутренний критик молчит. Он затаился, как зверь перед охотой. Я знаю, что он делает. Он анализирует ситуацию. Кай хочет покорности? Хорошо, он ее получит. Я буду самой послушной версией себя. Я буду подписывать все бумаги, носить все платья и есть все, что мне дадут. Я стану настолько идеальной частью этого дома, что он перестанет меня замечать. И тогда я найду выход.

Но мысль о пульсе не дает мне покоя. Как это возможно? Биологически это необъяснимо. Два разных человека не могут иметь идентичный ритм сердца в состоянии стресса. Если только...

Если только мы не подключены к одному источнику питания.

Я снова прикладываю пальцы к запястью. Пульс замедлился, стал ровным и глубоким. Я закрываю глаза и пытаюсь почувствовать дом. Я концентрируюсь на мышечном чув-

стве, как перед выходом на ковер. И я чувствую. Глубоко под полом, где-то в самом фундаменте, что-то пульсирует. Это тяжелый, низкочастотный звук, который не слышен ухом, но ощущается всем телом.

Тук... тук... тук...

Это ритм особняка. И мой пульс подстраивается под него. Я - часть этой машины. Я - деталь, которую Кай вставил в пазы и затянул болты.

Я встаю и подхожу к окну. Смеркается. Сад внизу превращается в море теней. Белые розы светятся в темноте, как маленькие призраки. Они кажутся неестественными, слишком правильными. Я знаю, что если я сейчас спущусь туда и коснусь их, они снова выпьют мою кровь. И мне почему-то не страшно. Это кажется логичным обменом. Кровь за красоту. Жизнь за безопасность.

Я смотрю на свои руки в свете луны. Они кажутся прозрачными. Я начинаю понимать, почему Кай так спокоен. Ему не нужно применять силу. Ему не нужно меня запирать. Дом сделает все за него. Он прорастает в меня через эти правила, через эту одежду, через этот ритм.

Я выхожу из комнаты и направляюсь к лестнице. Семь часов. Пора на ужин. Я иду медленно, чувствуя, как шелк платья шуршит о мои ноги. Каждый шаг - это преодоление сопротивления. Воздух в коридоре кажется густым, как сироп.

Кай уже в столовой. Он переоделся в смокинг. Он выглядит безупречно и пугающе. На столе стоят две тарелки, се-

ребряные приборы, хрустальные бокалы. Все симметрично. Все по линейке.

Садись, Мира, - говорит он, отодвигая для меня стул.

Я сажусь. Он садится напротив. Мы молчим. Слуга, которого я раньше не видела - бледный мужчина с отсутствующим взглядом - разливает вино. Оно темное, почти черное.

За правила? - я поднимаю бокал, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

За понимание, - отвечает Кай.

Мы пьем. Вино на вкус как кровь и ежевика. Оно мгновенно ударяет в голову, разливаясь теплом по венам. Я чувствую, как мое тело расслабляется. Сопротивление уходит. Мой внутренний критик засыпает, убаюканный этим теплом.

Кай смотрит на меня. В его взгляде появляется что-то новое. Не нежность, нет. Это удовлетворение мастера, который видит, что его инструмент наконец-то настроен правильно.

Ты быстро учишься, - говорит он. - Это хорошее качество. В этом доме выживают только те, кто умеет адаптироваться.

А те, кто не умеет? - спрашиваю я, ковыряя вилкой в тарелке. Там что-то изысканное, но я не чувствую вкуса.

Они становятся частью фундамента, - просто отвечает он. - В буквальном смысле.

Я замираю. Его слова звучат не как метафора. Я вспоминаю о подвале, в который мне запрещено заходить. Я вспоминаю о Восточном крыле.

Ты хочешь сказать, что здесь есть другие? До меня?

Дом всегда требует присутствия, Мира. Ты не первая и не последняя. Но ты особенная. У тебя есть то, чего не было у других. Воля. Ты пытаешься бороться даже тогда, когда исход предрешен. Это делает процесс... интереснее.

Интереснее для кого? Для тебя или для дома?

Для нас обоих, - он кладет свою руку на стол, ладонью вверх. - Мы с ним давно стали одним целым. И скоро ты тоже это почувствуешь. Ты уже начала чувствовать, не так ли? Пульс.

Я замираю. Откуда он знает? Хотя, глупый вопрос. Он знает все. Он жрец этого места.

Это просто совпадение, - шепчу я. - Статистическая погрешность.

В этом доме нет совпадений, Мира. Есть только причины и следствия. Твое сердце бьется в ритме дома, потому что ты начинаешь в нем растворяться. Это не больно. Это как засыпать в теплой воде. Просто перестань сопротивляться.

Я смотрю на его ладонь. Мне хочется протянуть руку и коснуться его. Не из симпатии. Я хочу проверить, живой ли он. Я хочу почувствовать этот синхронный пульс снова, чтобы убедиться, что я не сошла с ума.

Я медленно протягиваю руку. Мои пальцы касаются его ладони. И в этот момент мир вокруг меня взрывается.

Стены столовой начинают вибрировать. Хрусталь в шкафах звенит. Я чувствую, как сквозь меня проходит мощный

разряд энергии. Это не просто пульс. Это гул огромного, древнего механизма, который пришел в движение.

Кай не убирает руку. Его глаза светятся в полумраке. Он смотрит на меня с каким-то странным, торжественным восторгом.

Слышишь? - шепчет он. - Он приветствует тебя. Ты подписала устав, Мира. Ты добровольно вошла в систему. Теперь ты не просто гостя. Ты - сердце этого дома.

Я пытаюсь отдернуть руку, но не могу. Мои пальцы словно приросли к его коже. Я чувствую, как наши ритмы окончательно сливаются в один. Один удар. Одна пауза. Один удар. Одна пауза.

Я смотрю на окно. Там, в саду, белые розы начинают стремительно краснеть. Цвет ползет по лепесткам, как чернила по промокашке. Весь сад окрашивается в кроваво-красный цвет.

Я поняла, - шепчу я, и мой голос звучит в унисон с гулом стен. - Я все поняла.

Я не просто залог. Я - пища. И Кай - тот, кто разделяет эту пищу, чтобы дом не остался голодным. Но он тоже раб. Он такой же узник, как и я, просто его цепь длиннее.

Я смотрю ему в глаза и вижу в них свое отражение. Я вижу девушку в синем платье, которая больше не хочет бежать. Я вижу часть особняка.

Ну что же, Кай, - говорю я, и моя ирония возвращается, но теперь она горькая и острая, как бритва. - Раз уж я те-

перь сердце этого места, постарайся, чтобы у меня не было инфаркта. Мне кажется, дом этого не переживет.

Он наконец отпускает мою руку. Вибрация затихает, но гул остается где-то на периферии сознания. Кай берет бокал и делает глоток.

Я сделаю все, чтобы ты была в порядке, Мира, - говорит он. - Это моя работа. И моя привилегия.

Я смотрю на него и понимаю, что это правда. Он будет защищать меня до последнего вздоха. Не потому, что любит. А потому, что без меня его мир рухнет. И эта зависимость - самое страшное, что я когда-либо встречала.

Я допиваю свое вино. Оно больше не кажется мне вкусным. Оно кажется мне необходимым. Как бензин для машины. Как масло для петель.

Я встаю из-за стола. Мое тело движется легко, почти невесомо. Я больше не чувствую тяжести платья. Я чувствую силу.

Я пойду к себе, Кай, - говорю я. - У меня был длинный день. И мне нужно изучить остальные пункты устава. Вдруг я пропустила что-то важное? Например, время, когда мне разрешено кричать.

Кричать не запрещено, - отвечает он, не глядя на меня. - Но это не имеет смысла. Стены здесь слишком толстые. Тебя никто не услышит, кроме меня.

Я знаю, - бросаю я через плечо. - Именно поэтому я буду молчать.

Я выхожу из столовой и иду по коридору. Дом больше не кажется мне враждебным. Он кажется мне знакомым. Я знаю каждый поворот, каждую нишу, хотя никогда здесь не была. Моя мышечная память гимнастки перестраивается. Теперь мой снаряд - это все это здание. И я собираюсь выполнить свою программу безупречно.

Я захожу в свою комнату и ложусь на кровать, не раздеваясь. Я закрываю глаза и слушаю.

Тук... тук... тук...

Это мой пульс. Это его пульс. Это пульс дома.

Мы - одно целое. И это самое жуткое открытие в моей жизни. Но в этом открытии есть и сила. Если я - сердце, значит, я могу управлять кровотоком. Я могу заставить этот дом подчиняться мне, если пойму, как нажимать на нужные рычаги.

Кай думает, что он приручил меня. Он думает, что я сдаюсь, подписав его бумажки. Он забыл одно важное правило из мира большого спорта: самая опасная соперница - та, которая умеет падать так, чтобы это выглядело как часть выступления.

Я засыпаю с этой мыслью. И мне снится сад. Белые розы, которые становятся красными, когда я прохожу мимо. И Кай, который стоит в центре этого кровавого моря и ждет, когда я протяну ему руку.

Во сне я протягиваю. Но вместо того, чтобы коснуться его, я сжимаю его горло. И его пульс под моими пальцами зати-

хает.

Я просыпаюсь от собственного смеха. В комнате темно, только лунный свет падает на ковер. Я лежу неподвижно, прислушиваясь к тишине.

Гул никуда не исчез. Он стал тише, перейдя в режим ожидания.

Я встаю и подхожу к зеркалу. Мое отражение кажется мне более четким, более реальным, чем раньше. Я касаюсь своего запястья. Пульс ровный. Идеальный.

Игра началась, Кай, - шепчу я в темноту. - Посмотрим, кто из нас в итоге станет фундаментом.

Я ложусь обратно и на этот раз засыпаю по-настоящему. Без снов. Без страха. Только ритм. Только статика. Только ожидание момента для рывка.

Я больше не гостя в собственной жизни. Я - ее владелица, даже если моя жизнь теперь ограничена стенами этого особняка. И я заставлю эти стены дрожать.

Глава 7: Стук в стенах

Утро начинается не с кофе и даже не с осознания собственного имени, а с проверки суставов. Я лежу на спине, глядя в высокий потолок, расписанный бледными, едва различимыми в рассветных сумерках купидонами. Мои голенистопопы совершают привычный круг: раз, два, три, четыре. Щелчок в левой лодыжке - старая травма после неудачного соскока в тринадцатом году. Колени подтянуты, квадрицепсы напряжены, спина плотно прижата к матрасу. Я проверяю себя как сложный механизм, который должен быть готов к эксплуатации, прежде чем оператор нажмет кнопку пуск. Тренер в моей голове одобрительно молчит. Пока ты чувствуешь свои кости, ты контролируешь пространство. Если пространство начинает контролировать тебя, значит, ты проиграла.

Я сажусь на кровати, и дом немедленно откликается скрипом половиц где-то в углу. Этот особняк - не просто нагромождение камня и дерева, это огромный резонатор. Каждое мое движение вызывает волну, которая уходит вглубь стен и возвращается обратно в виде едва уловимой вибрации под пятками. Я спускаю ноги на ковер. Ворс мягкий, но под ним - жесткая основа, которая не прощает ошибок. Я оцениваю высоту потолка: пять метров. Здесь можно было бы крутить двойное сальто, если бы не эти тяжелые люстры, похожие на

перевернутые клетки для птиц.

Гул, который преследовал меня во сне, затих, но тишина в этой комнате никогда не бывает абсолютной. Она плотная, как вата в ушах. Я встаю и иду к окну, фиксируя, как смещается центр тяжести. Мое тело - это гироскоп. Я гостя в этом теле, гостя в этом доме, гостя в этой жизни. Кай говорит, что я владелица, но это его обычная манера называть вещи именами, которые им не принадлежат. Рабство он называет преданностью, одержимость - заботой, а эту клетку - наследием.

Внезапно звук меняется. Это не гул и не скрип старого дерева.

Тук. Тук-тук. Тук.

Звук идет из-за стены, справа от изголовья кровати. Там находится узкий технический коридор, который, по словам Кая, заколочен уже лет сорок. Я замираю в полушаге, правая нога на носке, левая плотно прижата к полу. Баланс. Я не дышу. Секунды растягиваются, превращаясь в вязкий сироп.

Тук. Тук-тук. Тук.

Ритм четкий. Это не случайное падение штукатурки и не крысы, бегающие по перекрытиям. Животные не соблюдают тактовую частоту. Я подхожу к стене, чувствуя, как холод обоев просачивается сквозь кончики пальцев. Обои здесь шелковые, с тиснением в виде лилий. Я провожу по ним ладонью, изучая рельеф. Стена кажется монолитной, но звук шел именно отсюда, на уровне моей груди.

Мне нужен инструмент. Я оглядываюсь. На прикроватной тумбочке стоит пустой стакан из тяжелого хрусталя. Грани режут ладонь, когда я беру его. Это старое средство, способ услышать то, что не предназначено для чужих ушей. Я прикладываю дно стакана к стене, а ободок - к правому уху. Холод стекла обжигает кожу, заставляя мышцы шеи напрячься.

Внутри стены что-то живет.

Я слышу не просто стук. Я слышу шелест, похожий на трение сухой кожи о камень. И снова этот ритм. Теперь он звучит отчетливее, резонируя в хрустальной чаше.

Ти-ти-та-ти. Та-та-та. Ти-ти-ти.

Я невольно начинаю отбивать этот ритм пальцами по стеклу. Мышечная память - странная штука. В спортивной школе нас заставляли учить азбуку Морзе во время летних сборов - якобы для развития когнитивных способностей и дисциплины. На самом деле тренеру просто нравилось смотреть, как мы мучаемся, пытаюсь запомнить комбинации точек и тире, пока наши мышцы горели от молочной кислоты после десятичасовых тренировок.

Стук прекращается так же внезапно, как начался. Я стою неподвижно, прижатая к стене, как энтомологический образец. Мое сердце бьется в другом ритме, оно не совпадает с домом, и это вызывает тошноту. В этот момент дверь в спальню открывается без стука.

Я не вздрагиваю. Прыжок, группировка, приземление - это база. Я просто медленно отнимаю стакан от стены и по-

ворачиваюсь к вошедшему, удерживая спину идеально прямой. Лопатки сведены, подбородок чуть приподнят.

- Доброе утро, Мира. Ты уже нашла себе занятие по душе? - Кай стоит в дверном проеме, и свет из коридора обрисовывает его силуэт, превращая его в темное пятно на фоне яркого мира.

Он одет в серый костюм, который сидит на нем так идеально, что кажется продолжением его кожи. Ни одной складки, ни одной лишней детали. Его голос ровный, как линия горизонта на море в штиль. Этот голос предназначен для того, чтобы усыплять бдительность, чтобы заставлять тебя верить, что все под контролем. Его контроль.

- Здесь за стеной что-то есть, Кай, - говорю я, глядя прямо в его глаза. У него радужка цвета грозового неба, холодная и непроницаемая. - И это что-то очень хочет, чтобы его услышали.

Я не спрашиваю. Я констатирую факт. В нашей игре вопросы - это признак слабости, признак того, что ты не владеешь информацией. Кай делает шаг в комнату. Я чувствую, как меняется давление воздуха. Температура в помещении как будто падает на пару градусов. Это его суперспособность - вытеснять собой жизнь из любого пространства.

- Старые трубы, - произносит он, подходя ближе. Он не смотрит на стену, он смотрит на меня. - Этот особняк строился в те времена, когда инженерия была скорее искусством, чем наукой. Вода в системе отопления иногда создает воз-

душные пробки. Это вызывает гидравлические удары. Обычная физика, Мира. Не ищи мистику там, где есть только износ материалов.

Он протягивает руку, чтобы забрать у меня стакан. Его пальцы длинные, с аккуратно подстриженными ногтями. Я не отдаю стакан сразу. Я держу его, заставляя Кая сократить дистанцию еще больше. Когда его рука оказывается в нескольких сантиметрах от моей, я замечаю это.

Его пальцы дрожат. Едва заметно, микроскопическая амплитуда, которую не увидит обычный человек. Но я не обычный человек. Я годами ловила малейшие колебания брусьев, я чувствовала дрожь в мышцах партнерш по команде до того, как они срывались с высоты. Его рука вибрирует так, словно через нее пропускают слабый ток.

Он боится.

Этот холодный, расчетливый кукловод, который знает каждый мой шаг, который читает мои мысли раньше, чем я успеваю их оформить, напуган звуками в стене. Эта мысль вспыхивает в моем мозгу яркой вспышкой магния. Если он боится, значит, трубы здесь ни при чем. Значит, дом ведет свою игру, в которой Кай - такой же заложник, как и я.

- У труб очень странное чувство ритма, - замечаю я, разжимая пальцы.

Кай забирает стакан и ставит его на тумбочку. Его движение подчеркнуто медленное, он пытается стабилизировать руку, но я вижу, как напряжены его предплечья под дорогой

тканью пиджака. Он как гимнаст, который сорвал элемент и теперь пытается сделать вид, что это была часть хореографии.

- Ритм - это то, что мы привносим в окружающий хаос сами, - говорит он, снова обретая свою пугающую монотонность. - Человеческий мозг склонен искать закономерности там, где их нет. Ты устала. Переезд, новая обстановка, груз ответственности. Это нормально, что тебе слышится то, чего не существует.

- Не делай из меня сумасшедшую, Кай. Это дешевый прием. Ты же выше этого, правда? - я улыбаюсь, и это самая холодная улыбка, на которую я способна. - Ты сам сказал, что этот дом - живой. А живые существа обычно не ограничиваются гидравлическими ударами.

Он молчит несколько секунд, заполняя пространство тишиной, которая должна была бы меня подавить. Но сегодня его тишина не работает. Я вижу трещину в его броне, и эта трещина - его дрожащие руки. Он подходит к окну и задерживает штору, хотя солнце еще даже не взошло полностью.

- Завтрак будет подан через пятнадцать минут, - говорит он, направляясь к выходу. - Надень то синее платье. Оно подчеркивает твою... неизбежность.

- Мою что? - я вскидываю брови.

- Твою роль в этом доме, - бросает он через плечо и выходит, закрывая за собой дверь.

Я остаюсь одна. Мышечное напряжение не проходит. Я

подхожу к стене снова, без стакана, просто прикладываю ухо к лилиям на обоях. Тишина. Но это тишина затаившегося хищника. Я знаю этот режим. Когда ты стоишь на краю ковра перед началом программы, и весь зал замирает. Ты слышишь собственное сердцебиение, и оно кажется оглушительным.

Я иду в ванную. Холодная вода должна привести меня в чувство. Я умываюсь, глядя в зеркало. Мое лицо кажется мне чужим. Слишком бледное, слишком заострившееся. Глаза лихорадочно блестят. Коуч в моей голове говорит: дыши глубже, насыщай кровь кислородом, не давай панике съесть твой ресурс. Я делаю глубокий вдох, задерживаю дыхание на четыре счета, выдох.

Синее платье висит в шкафу, как привидение. Кай сам его выбрал. Он выбирает всё: мою еду, мой распорядок дня, мою одежду. Он создает вокруг меня кокон из избыточной заботы, который на самом деле является смирительной рубашкой. Он хочет, чтобы я чувствовала себя в безопасности, потому что только в безопасности человек перестает бороться. Но он забыл одну вещь: я никогда не была в безопасности. Мое детство прошло в залах, где падение было нормой, а боль - единственным доказательством того, что ты еще жива.

Я надеваю платье. Шелк холодит кожу, он скользит по телу, подчеркивая каждый изгиб, каждую натренированную мышцу. Я застегиваю молнию на спине. Для этого нужна гибкость, которой у обычных женщин нет. Я выворачиваю руки под неестественным углом, и замок послушно взлетает

вверх.

Я готова.

Выходя из комнаты, я снова слышу стук. На этот раз он громче. Он доносится не из стены моей спальни, а откуда-то сверху, из перекрытий потолка коридора.

Тук. Тук-тук. Тук.

Я иду по коридору, стараясь наступать бесшумно. Пятка-носок, пережат стопы, колено мягкое. Это походка кошки или человека, который не хочет быть обнаруженным. Стук следует за мной. Он перемещается вместе со мной, словно там, в пустотах между этажами, кто-то идет параллельным курсом.

Я останавливаюсь. Стук замирает.

Я делаю два шага. Стук отзывается двумя ударами.

Это не трубы. Трубы не умеют играть в кошки-мышки. Я чувствую, как волоски на затылке встают дыбом. Это физиологическая реакция на угрозу, которую мозг еще не успел классифицировать. Мое тело уже знает, что мы в опасности, пока мой разум пытается найти логические объяснения.

Я дохожу до лестницы. Кай ждет меня внизу, в столовой. Я вижу его макушку, он сидит за столом и читает газету. Абсурдная картина. Старинный особняк, полный призраков и непонятных звуков, и человек в дорогом костюме, читающий утренние новости. Он создает иллюзию нормальности, и эта иллюзия - самая опасная вещь в этом доме.

Я спускаюсь, рука слегка касается перил. Полированное

дерево идеально гладкое. Я оцениваю угол наклона лестницы. Если придется бежать, я смогу преодолеть этот пролет за три прыжка. Мои мышцы запоминают траекторию.

- Ты вовремя, - Кай откладывает газету. На столе стоит серебряный кофейник и тарелка с какими-то затейливыми тостами. - Садись. Нам нужно обсудить план на день.

Я сажусь напротив него. Расстояние между нами - три метра дубового стола. Это безопасная дистанция для диалога, но недостаточная для защиты.

- План на день? - я приподнимаю бровь. - Опять будем изучать родословную твоих бывших хозяев? Или ты покажешь мне еще одну запертую комнату, в которую мне нельзя входить, но в которой обязательно происходит что-то странное?

Кай игнорирует мою иронию. Он наливает мне кофе. Струя жидкости падает в чашку без единого всплеска. Ювелирная точность.

- Сегодня приедет оценщик, - говорит он. - Нам нужно зафиксировать состояние некоторых предметов интерьера. Дом требует внимания, Мира. Ты как его владелица должна присутствовать при этом процессе.

- Владелица, - повторяю я, пробуя слово на вкус. Оно горькое, как этот кофе. - Скажи мне, Кай, а прошлые владелицы тоже слышали стук в стенах? Или это эксклюзивная привилегия для меня?

Его лицо остается неподвижным, но я вижу, как на его щеке дернулась жилка. Он берет нож и начинает намазывать

масло на тост. Его движения слишком методичны, слишком правильные. Он тратит на это действие больше усилий, чем требуется.

- Стук - это симптом, - внезапно говорит он, не поднимая глаз. - Дом реагирует на нового человека. Он прощупывает тебя. Ищет резонанс. Если ты будешь спокойна, он успокоится тоже.

- Резонанс? - я усмехаюсь. - Ты говоришь о здании как о живом организме. Это метафора или диагноз?

- В этом мире мало что является просто метафорой, Мира. Ты сама это знаешь. Ты чувствуешь этот дом не глазами, а кожей. Разве нет?

Он поднимает взгляд, и на мгновение мне кажется, что я вижу в его глазах отражение бездны. Не той, что пугает, а той, что притягивает. Он не просто страж этого дома, он его часть. Его придаток. И он ненавидит это так же сильно, как и я, но у него нет воли, чтобы уйти.

- Я чувствую, что ты врешь, - говорю я прямо. - Трубы не стучат в азбуке Морзе.

Кай замирает. Нож в его руке останавливается на полпути к тарелке. На долю секунды его маска циника сползает, обнажая что-то первобытное, жалкое и страшное одновременно. Он медленно кладет нож на стол.

- Что ты слышала? - его голос звучит тише обычного. Это больше не гипнотическое давление, это шепот заговорщика.

- Ритм. Комбинации. Я не успела расшифровать всё, ты

вошел слишком вовремя. Случайность? Не думаю.

Кай встает. Он не доел свой завтрак, что для его педантичной натуры равносильно катастрофе. Он подходит к окну и смотрит на серый сад, где розы медленно наливаются тем багровым цветом, который я видела во сне.

- Тебе не стоит в это вникать, - говорит он, стоя ко мне спиной. - Есть вещи, которые лучше оставить в покое. Дом старый, у него есть свои архивы звуков. Просто игнорируй это.

- Игнорировать то, что сводит тебя с ума? Отличный совет, тренер бы оценил, - я тоже встаю. - Но я не умею игнорировать сигналы системы. Если в механизме что-то стучит, значит, он скоро сломается. Или взорвется.

- Ничего не взорвется, пока я здесь, - Кай оборачивается. Его лицо снова превратилось в холодную маску, но руки... руки он прячет за спину. - Иди в библиотеку. Оценщик будет там через час. И, Мира... не бери с собой стаканы. Это выглядит странно.

Я выхожу из столовой, чувствуя на спине его взгляд. Этот взгляд весит несколько килограммов, он давит на позвоночник, заставляя меня сутулиться. Но я не поддаюсь. Я держу ось.

Библиотека находится в другом крыле. Чтобы попасть туда, нужно пройти через длинную галерею с портретами людей, которых больше нет. Их глаза следят за мной. Я чувствую их осуждение. Я для них - чужеродный элемент, вирус,

который проник в отлаженную систему.

Я останавливаюсь посреди галереи. Стук возвращается.

На этот раз он звучит прямо под моими ногами.

Тук. Тук-тук. Тук.

Я опускаюсь на корточки. Мои колени протестуют коротким хрустом. Я прижимаюсь ухом к паркету. Дерево пахнет мастикой и вековой пылью. Здесь звук еще чище.

Ти-ти-та-ти. Та-та-та. Ти-ти-ти.

Я закрываю глаза, визуализируя знаки в своей голове.

Б-Е-Г-И.

Слово ударяет меня в лоб, как физический объект. Беги.

Кто-то или что-то внутри этих стен посылает мне самый простой и понятный сигнал. Я чувствую, как холодный пот стекает по позвоночнику. Это не трубы. И это не игра моего разума.

Беги.

Я смотрю на свои руки. Они не дрожат. Мое тело перешло в режим мобилизации. Пульс замедляется, зрение становится туннельным. Я вижу только выход в конце галереи. Но я не бегу. Пока нет. Бегство без плана - это просто ускоренная форма поражения. Тренер всегда говорил: если ты не знаешь, куда прыгаешь, ты сломаешь шею.

Я встаю и иду в библиотеку. Мои шаги звучат уверенно. Я гостья, которая решила стать хозяйкой, хотя бы на время этого раунда.

Библиотека встречает меня запахом старой бумаги и ти-

шиной, которая кажется натянутой струной. Полки уходят под самый потолок, заполненные книгами, которые никто не читал десятилетиями. Я подхожу к центральному столу, где лежат какие-то чертежи.

Стук следует за мной. Теперь он раздаётся в книжных шкафах. Книги вибрируют, корешки слегка подпрыгивают в такт ударам.

Беги. Беги. Беги.

Ритм ускоряется. Он становится агрессивным, требующим немедленного действия. Я чувствую, как дом вокруг меня начинает сжиматься. Стены словно пододвигаются ближе, потолок опускается. Это иллюзия, вызванная выбросом адреналина, но мое тело верит в нее.

Я хватаю первую попавшуюся книгу с полки. Тяжелый том в кожаном переплете. Я открываю его на середине. Страницы пустые. Вся книга - это сотни чистых листов желтоватой бумаги. Я хватаю другую - то же самое. Третью, четвертую.

Они все пустые. Огромная библиотека, полная молчания. Это декорация. Весь этот особняк - это декорация, построенная вокруг одной единственной цели. И эта цель - я.

В дверях появляется Кай. Он выглядит спокойным, но я замечаю, как он бросает быстрый взгляд на пустые книги в моих руках.

- Оценщик задерживается, - говорит он. - Мира, положи книги на место. Ты портишь порядок.

- Здесь ничего нет, Кай, - я швыряю пустой том на стол. Звук удара получается сухим и мертвым. - Здесь нет ни одного слова. Весь этот дом - пустышка. Красивая обертка для пустоты.

Кай подходит ближе. Его тень падает на стол, накрывая чертежи.

- Пустота - это то, что ты принесла с собой, - его голос становится вкрадчивым, почти нежным. - Дом заполняется тем, что есть в тебе. Если ты видишь пустые страницы, значит, ты еще не готова вписать туда свою историю.

- Хватит этой дешевой философии! - я почти кричу. Мой голос срывается, и это злит меня. - За стенами кто-то есть. И он говорит мне бежать. Ты слышишь это? Ты слышишь?!

Стук в этот момент становится оглушительным. Он раздается отовсюду: из пола, из стен, из потолка. Весь дом превращается в один огромный барабан.

БЕГИ. БЕГИ. БЕГИ.

Кай замирает. Его лицо бледнеет до восковой прозрачности. Он больше не может притворяться, что это трубы. Он смотрит на стены с таким выражением ужаса, которое невозможно сыграть. Он боится этого звука больше, чем я. Потому что он знает, кто его издает.

- Замолчи, - шепчет он, обращаясь не ко мне, а к самому дому. - Еще не время. Она еще не готова.

- Кто не готов? К чему? - я хватаю его за лацканы пиджака. Его тело под моими руками кажется сделанным из льда. -

Кай, что здесь происходит?

Он перехватывает мои запястья. Его хватка железная, пальцы впиваются в кожу, оставляя синяки. Но его руки все еще дрожат. Эта дрожь передается мне, и на мгновение мы становимся одним целым - двумя испуганными существами в утробе огромного монстра.

- Это дом, Мира, - говорит он, глядя мне прямо в глаза. В его зрачках я вижу свое отражение - маленькое, искаженное и обреченное. - Он хочет тебя. Он всегда хотел только тебя. А стук... стук - это те, кто был здесь до тебя. Те, кто не успел убежать.

Он отталкивает меня. Я отлетаю к книжному шкафу, больно ударяясь лопатками. Книги сыплются на меня, как бумажный дождь. Пустые страницы шелестят, как крылья мертвых птиц.

Стук внезапно прекращается. Наступает тишина, которая кажется еще более страшной, чем грохот.

Кай стоит посреди библиотеки, тяжело дыша. Его безупречный костюм помят, волосы в беспорядке. Он выглядит как человек, который только что вышел из драки, в которой он проиграл.

- Иди в свою комнату, - говорит он, не глядя на меня. Его голос сел, стал хриплым. - Иди и запири дверь. И не выходи, пока я не позову.

- Ты же сказал, что я здесь хозяйка, - я поднимаюсь, игнорируя боль в спине. - Хозяйки не запираются в комнатах

по приказу слуг.

- Я не слуга, Мира, - он медленно поворачивает голову ко мне. Его глаза теперь кажутся черными дырами. - Я - твоя единственная преграда перед тем, что находится по ту сторону этих стен. Если ты не будешь меня слушать, я просто отойду в сторону. И тогда ты узнаешь, почему они кричат тебе бежать.

Я смотрю на него и понимаю, что он не угрожает. Он предупреждает. В его извращенном мире это и есть высшая форма заботы. Он защищает меня от дома, который сам же мне и навязал.

Я выхожу из библиотеки, не сказав больше ни слова. Мои ноги кажутся ватными, но я заставляю себя идти ровно. Центр тяжести, дыхание, контроль.

Я возвращаюсь в свою комнату. Коридор кажется бесконечным. Портреты на стенах теперь не просто смотрят, они провожают меня взглядами, в которых читается жалость.

Я захожу в спальню и закрываю дверь на засов. Это простое действие дает мне иллюзию безопасности, хотя я знаю, что засов не поможет против того, что живет внутри самого дерева.

Я подхожу к той самой стене. Я прикладываю к ней ладонь.

Тихо.

Но в моей голове всё еще звучит этот ритм. Короткий, отрывистый, как выстрел.

Беги.

Я сажусь на пол, прислонившись спиной к лилиям на обоях. Я чувствую, как дом дышит. Это медленные, глубокие вдохи. Он не торопится. У него впереди вечность, а у меня - только моя жизнь, которая с каждой минутой кажется всё менее значимой в этих стенах.

Я - живой залог. Я поняла это сегодня. Кай не просто управляющий, он жрец, который готовит жертву. И его дрожащие руки - это единственное человеческое, что в нем осталось. Он не хочет меня убивать, он хочет, чтобы я стала частью этого места. Чтобы я растворилась в этих стенах, как растворились те, кто был до меня.

Я смотрю на свои руки. На запястьях уже начинают проявляться багровые следы от пальцев Кая. Синяки в форме человеческих рук.

Я не гостья. Я не владелица. Я - пища.

Но они забыли одну важную деталь. Гимнасток учат не только красиво двигаться. Нас учат выживать в условиях, когда гравитация пытается тебя уничтожить. Нас учат использовать силу врага против него самого.

Если этот дом хочет моей энергии, он ее получит. Но она ему не понравится. Она будет горькой, злой и полной

Глава 8: Обед с призраком

Утро началось с того, что я проверяла свои суставы. Это привычка, вбитая годами тренировок, когда ты просыпаешься и первым делом сканируешь тело на предмет новых поломок. Голеностоп - норма, колено - тянет, но терпимо, поясница - зажата. А потом я посмотрела на свои запястья. Багровые пятна от пальцев Кая выглядели как странные браслеты, которые невозможно снять. Кожа вокруг них припухла, и при каждом движении кистью я чувствовала пульсацию. Мой внутренний тренер, та самая сухая женщина с секундомером, которая живет у меня в голове, коротко бросила: работай через боль, Мира, амплитуда не должна страдать. Я встала, ощущая, как паркет холодит подошвы. Этот дом не просто здание, это огромный, неповоротливый зверь, который греется на солнце, и я сейчас нахожусь где-то в районе его пищевода.

Я оделась механически. Выбрала серый кашемировый свитер с высоким горлом, чтобы скрыть ключицы, и плотные брюки. Никакой открытой кожи. Чем меньше меня видно, тем меньше шансов, что дом захочет откусить еще кусочек. Кай ждал меня внизу. Я чувствовала его присутствие еще до того, как открыла дверь спальни. Это было как изменение атмосферного давления перед грозой. Воздух в коридоре стал плотнее, приобретая металлический привкус. Я

спускалась по лестнице, считая ступени. Двадцать четыре до пролета, еще двенадцать после. Угол наклона перил идеален для скольжения, но дерево слишком пористое, занозы неизбежны. Я фиксировала эти детали, чтобы не думать о том, что меня ждет в малой гостиной.

Малая гостиная была местом, которое Кай называл уютным, но для меня она выглядела как ловушка в викторианском стиле. Окна здесь были уже, чем в залах, а тяжелые портьеры цвета запекшейся крови съедали остатки дневного света. Когда я вошла, Кай уже стоял у стола. Он был безупречен. Темный костюм, ни одной складки, лицо - маска из дорогого фарфора. Он расставлял приборы. Тихий лязг серебра о фарфор отдавался в моих висках маленькими взрывами.

- Ты опоздала на три минуты, Мира, - произнес он, не оборачиваясь. Голос ровный, как линия горизонта в штиль. - Дисциплина - это единственное, что отделяет нас от хаоса. Садись.

Я подошла к столу. Нас было двое, но стол был накрыт на троих. Три тарелки, три набора ножей и вилок, три салфетки, сложенные сложными оригами-конусами. Третье место находилось во главе стола, между нами. Оно было пустым. Совершенно пустым.

- Мы кого-то ждем? - спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Я села на свой стул, чувствуя, как мышцы спины напряглись, фиксируя лопатки. Тело было готово к рывку,

к кувырку, к любому резкому движению, которое позволит разорвать дистанцию.

Кай проигнорировал мой вопрос. Он сел напротив и расправил салфетку на коленях. Его движения были замедленными, почти ритуальными. Он смотрел не на меня, а на пустое кресло во главе стола.

- Она сегодня в дурном расположении духа, - сказал он, обращаясь к пустоте. - Но я обещал ей, что ты присоединишься к нам. Это важно для гармонии дома.

Я почувствовала, как по затылку пополз холод. Мой мозг, обученный анализировать траектории и векторы силы, отказывался обрабатывать эту информацию. В комнате не было никого, кроме нас. Но Кай кивнул пустому месту, как будто выслушал длинное, пространное замечание.

- Да, конечно, - мягко ответил он воздуху. - Мира еще привыкает. Она пока не понимает своей ценности.

- Кай, что ты делаешь? - я подалась вперед, и стул подомной скрипнул. Этот звук показался оглушительным в тишине гостиной. - Здесь никого нет. Хватит этой театральщины.

Он наконец перевел взгляд на меня. Его глаза были пустыми. В них не было злости или безумия, только холодная констатация факта.

- Вежливость - это не театральщина, Мира. Это форма выживания. Поздоровайся с хозяйкой.

Я посмотрела на пустое кресло. Обивка из темного барха-

та была гладкой, без малейшего намека на вмятину от веса человеческого тела. Воздух над тарелкой не дрожал. Никаких призрачных очертаний, никакого тумана. Просто старое кресло и пустая тарелка с золотой каемкой.

- Ты издеваешься надо мной? - мой голос стал тише, приобретая ту самую хрипотцу, которая появляется у меня после многочасовых прогонов на бревне. - Ты хочешь, чтобы я сошла с ума? Это часть твоего плана?

- Мой план - сохранить тебя, - Кай взял нож и начал резать мясо на своей тарелке. Движения кисти были хирургически точными. - Но дом требует уважения. Ты здесь не одна, и никогда не будешь одна. Прими это как физическую константу. Гравитация существует, свет имеет скорость, а этот дом имеет волю.

Он снова повернул голову к пустому месту.

- Прошу прощения за ее резкость. Юность всегда избыточна. Она научится.

Я смотрела, как Кай подносит вилку к губам, как он жует, сохраняя идеальную осанку. Мой аппетит исчез, растворился в растущем чувстве тошноты. Я чувствовала, как пространство вокруг меня начинает сжиматься. Стены словно придвинулись на несколько сантиметров, потолок стал тяжелее. Это не была галлюцинация, это была физиологическая реакция моего тела на изменение среды. Я ощущала это кожей, волосками на предплечьях, которые встали дыбом.

- Ешь, Мира, - сказал Кай, не глядя на меня. - Тебе нужны

силы. Сегодня долгий день. Дом будет изучать тебя.

- Что это значит? - я схватила свою вилку, просто чтобы занять руки, чтобы не вцепиться в край стола. - Хватит говорить загадками. Что значит - изучать?

Кай отложил приборы и сложил руки в замок. Его длинные пальцы переплелись, образуя сложную фигуру.

- Ты - новый элемент в системе, - начал он своим гипнотическим, вкрадчивым голосом. - Ты как инородное тело, которое либо будет принято организмом и станет его частью, либо будет отторгнуто. Но отторжение в данном случае означает уничтожение. Дом пробует тебя на вкус. Твои эмоции, твой страх, твою ярость. Он питается этим. Если ты будешь сопротивляться слишком грубо, он просто сломает тебя, чтобы было удобнее переваривать.

- Я не еда, - выплюнула я. - И я не часть системы. Я человек. У меня есть имя.

- Имена здесь не имеют значения, - Кай едва заметно улыбнулся, и эта улыбка была страшнее его безразличия. - Здесь важна только функция. Твоя функция - быть здесь. Быть живой. Быть залогом. Пока ты здесь, равновесие сохраняется.

Он снова обратился к пустоте:

- Не так ли? Вы ведь согласны, что она - идеальный выбор? Такая гибкая, такая прочная. Она выдержит гораздо больше, чем ее предшественницы.

Я почувствовала, как внутри меня что-то лопнуло. Это

было похоже на то, как рвется связка - резкая, ослепляющая вспышка боли, за которой следует холодное онемение. Мой внутренний тренер замолчал. На его место пришла чистая, дистиллированная ярость. Та самая, которая помогала мне делать последний рывок в вольных упражнениях, когда легкие уже горели, а ноги были как ватные.

Я резко встала. Мой стул с грохотом повалился назад, ударившись о паркет. Звук удара разорвал вязкую тишину комнаты.

- Хватит! - крикнула я. Мой голос сорвался на хрип. - Прекрати это немедленно! Здесь. Никого. Нет.

Я подошла к пустому креслу и с силой ударила ладонями по столу прямо перед ним. Серебряные приборы подпрыгнули, издав жалобный звон.

- Смотри! - я задыхалась, чувствуя, как сердце колотится о ребра, словно пойманная птица. - Смотри, Кай! Пусто! Никого! Ты разговариваешь с воздухом, ты сумасшедший! Ты просто больной маньяк, который запер меня в этом склепе и пытается запугать!

Кай не шелохнулся. Он даже не моргнул. Он продолжал смотреть в ту точку, где, по его мнению, кто-то сидел. Но его лицо изменилось. Оно стало мертвенно-бледным, а в глазах появилось что-то похожее на искренний, первобытный ужас. Но этот ужас был направлен не на меня.

- Сядь, Мира, - прошептал он. Его голос вибрировал от напряжения. - Пожалуйста. Сядь. Ты не понимаешь, что де-

лаешь.

- Нет, я понимаю! - я схватила пустую тарелку, стоявшую во главе стола. Фарфор был ледяным, обжигающе холодным, как будто его только что вытащили из морозилки. - Я понимаю, что ты сошел с ума! И я не собираюсь в этом участвовать!

Я замахнулась, собираясь швырнуть тарелку в стену, в эти кроваво-красные шторы, в этот проклятый дом. Мои мышцы сократились, готовясь к броску. Я знала, как распределить вес, как направить инерцию. Это должно было быть идеальное движение.

Но я не смогла разжать пальцы.

Тарелка словно приросла к моей ладони. И в этот момент воздух в комнате изменился окончательно. Температура упала так резко, что из моего рта вырвалось облачко пара. Запахло озоном и старой, застоявшейся водой.

Тишина стала абсолютной. Перестал тикать маятник часов в углу. Перестал слышаться шум ветра за окном. Даже мое собственное сердце, казалось, замедлило свой бег.

И тогда я это почувствовала.

Давление. Кто-то - или что-то - смотрело на меня в упор. Это не был взгляд Кая. Это было нечто огромное, лишённое человеческих черт, но полное осознанной, древней злобы. Оно находилось прямо передо мной, в том самом пустом пространстве, которое я только что осыпала оскорблениями.

Я застыла с поднятой рукой. Мои пальцы начали неметь.

Холод от тарелки проникал сквозь кожу, забираясь под мышцы, впиваясь в кости. Я пыталась отпустить ее, но рука меня не слушалась. Мышечная память подвела меня. Мое тело, мой единственный надежный инструмент, предало меня, превратившись в статую.

- Мира, положи тарелку, - голос Кая доносился как будто из-под воды. - Просто положи ее на место. Извинись.

Я хотела закричать, что не буду извиняться перед пустотой, но мои челюсти свело судорогой. Я смотрела на пустую тарелку в своей руке и видела, как на ее белой поверхности начинают проступать пятна. Сначала они были бледными, желтоватыми, а потом стали приобретать четкие очертания.

Это были остатки еды.

Жирный блеск соуса. Кусочек пережеванного мяса. Скомканная салфетка, которая только что была чистой и лежала на столе, теперь оказалась на тарелке, перепачканная чем-то коричневым.

Я почувствовала, как мои колени подгибаются. Гравитация, на которую я всегда полагалась, внезапно стала нестабильной. Пол под ногами качнулся, словно палуба корабля в шторм.

Я разжала пальцы. На этот раз они послушались, но не потому, что я так решила, а потому, что давление исчезло. Тарелка упала на стол. Она не разбилась. Она приземлилась бесшумно, как будто ее подхватили невидимые руки.

Я попятилась, задевая опрокинутый стул. Кай быстро

встал, обошел стол и перехватил меня за плечи. Его руки были горячими, почти обжигающими по сравнению с тем ледяным коконом, в котором я только что находилась.

- Тише, тише, - шептал он, прижимая меня к себе. Его пальцы впились в мои плечи, фиксируя меня, не давая упасть. - Все хорошо. Она приняла твои извинения.

- Я... я не извинялась, - выдохнула я. Мои зубы начали выбивать дробь. - Кай, там... там появилась еда. На тарелке. Откуда она взялась?

Он ничего не ответил. Он просто держал меня, и я, вопреки здравому смыслу, вцепилась в его лацканы. В этот момент он был единственным твердым объектом в мире, который внезапно превратился в кошмар. Мой страх был осязаемым, он пах мокрой шерстью и ржавчиной.

Я посмотрела на стол через его плечо.

Тарелка была пуста. Снова идеально чистый белый фарфор с золотой каемкой. Никакого соуса, никакого мяса, никакой грязной салфетки.

- Мне показалось, - прошептала я, зажмуриваясь. - Это просто игра света. Галлюцинация из-за стресса. Мой мозг просто дорисовал детали.

- Конечно, - голос Кая был лишен всяких эмоций. Он отстранился, разрывая контакт. - Тебе показалось. Иди в свою комнату, Мира. Обед окончен.

Я не заставила себя просить дважды. Я почти бежала из гостиной, спотыкаясь о ковры, которые внезапно стали ка-

заться мне липкими. Я взлетела по лестнице, не считая ступеней, не оценивая углы. Моя техника была разрушена, моя грация исчезла. Я была просто испуганным животным, ищущим нору.

Вбежав в спальню, я захлопнула дверь и повернула ключ. Руки дрожали так сильно, что я едва попала в замочную скважину. Я прислонилась спиной к дереву, пытаюсь выровнять дыхание. Вдох на четыре счета, задержка на два, выдох на шесть. Так нас учили справляться с мандражом перед выходом на помост.

Но это не помогало. Потому что я знала, что видела.

Я видела эти объедки. Я видела, как салфетка сминается под тяжестью невидимой руки. Это не была психосоматика. Это была физика. Другая, извращенная физика этого места.

Я подошла к зеркалу. Мое лицо было бледным, глаза казались огромными на фоне впалых щек. Я выглядела как человек, который начал медленно исчезать. Ирония ситуации была в том, что я всегда боялась быть невидимой. Всю жизнь я лезла из кожи вон, чтобы меня заметили, чтобы оценили мои достижения, чтобы признали мое существование.

И вот теперь я здесь. В доме, где живет что-то по-настоящему невидимое, и оно замечает меня слишком хорошо. Оно смотрит на меня с аппетитом.

Я села на кровать, обхватив себя руками. Синяки на запястьях ныли. Я начала вспоминать все, что знала о контрактах и залогах. Кай сказал, что я - залог. Физическое воплощение

договора. Если дом питается энергией, то я - батарейка. Но батарейки со временем садятся. Что происходит с теми, кто был здесь до меня?

Кай упомянул предшественниц. Во множественном числе. Где они? Растворились в стенах? Стали частью этого тяжелого, душного воздуха?

Я посмотрела на свои руки. Пальцы длинные, сильные. Я могу подтянуться пятнадцать раз. Я могу держать равновесие на одной руке. Мое тело - это результат десятилетий дисциплины и боли. Я не могу просто сдаться.

Если этот дом - механизм, значит, у него есть рычаги управления. Если Кай - его жрец, значит, он знает правила игры. И если он хочет, чтобы я стала частью этого места, он должен дать мне что-то взамен.

Я встала и подошла к окну. Вид на сад был затуманен, деревья казались серыми тенями. Я знала, что не смогу просто выйти через парадную дверь. Дом не отпустит свою добычу. Но я могла бы попробовать изучить его правила.

Я начала ходить по комнате, оценивая ее как тренировочный зал. Высота потолка - три с половиной метра. Люстра закреплена прочно, выдержит мой вес. Подоконник широкий, можно использовать как опору. Шкаф тяжелый, сдвинуть его будет непросто, но возможно, если использовать рычаг.

Я фиксировала эти данные, чувствуя, как страх постепенно замещается холодным расчетом. Мой внутренний тренер одобрительно хмыкнул. Работаем с тем, что есть, Мира. Не

ищи оправданий, ищи возможности.

В дверь постучали. Короткие, размеренные удары. Кай.

Я не ответила. Я замерла посреди комнаты, превратившись в слух.

- Мира, я знаю, что ты там, - его голос просочился сквозь дверное полотно. - Не пытайся баррикадироваться. Это бессмысленно. Двери в этом доме открываются тогда, когда он этого хочет.

- Уходи, - сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

- Я хочу побыть одна.

- Одиночество - это иллюзия, - ответил он. - Тебе принесли чай. Выпей его. Это поможет восстановить баланс.

Я услышала, как на пол у двери что-то поставили. Затем шаги Кая начали удаляться, затихая в глубине коридора.

Я подождала несколько минут, прежде чем решиться подойти к двери. Повернула ключ, приоткрыла створку на несколько сантиметров. На полу стоял серебряный поднос с фарфоровой чашкой. От нее шел тонкий пар. Запах был странным - смесь мяты, полыни и чего-то еще, сладковатого и тревожного.

Я подняла поднос и занесла его в комнату. Мой взгляд упал на поверхность чая. Жидкость была темной, почти черной. И на ее поверхности, в самом центре, медленно вращался маленький водоворот.

Я поставила поднос на стол и отошла. Я не собиралась это пить. Я не знала, что там - снотворное, яд или что-то, что

сделает меня еще более восприимчивой к влиянию дома.

Я села в кресло напротив окна и стала ждать. Время в особняке тянулось странно, оно не было линейным. Минуты могли растягиваться в часы, а потом внезапно проваливаться в черные дыры забвения. Я смотрела, как чай остывает, как исчезает пар, как замирает водоворот в чашке.

Темнело. Сумерки вползали в комнату, закрашивая углы серым. Я не зажигала свет. В темноте я чувствовала себя в большей безопасности - как будто отсутствие фотонов делало меня менее заметной для дома.

В какой-то момент я, должно быть, задремала. Сон был беспокойным, полным образов бесконечных лестниц и лиц, скрытых за вуалью. Мне снилось, что я выполняю сальто на бревне, но бревно внезапно превращается в змею, которая обвивается вокруг моих ног и тянет вниз, в бездну.

Я проснулась от резкого звука. Как будто кто-то с силой захлопнул книгу.

В комнате было совершенно темно. Только бледный свет луны пробивался сквозь облака, рисуя на полу призрачные прямоугольники. Я сидела неподвижно, прислушиваясь к тишине.

И тогда я услышала это.

Шепот.

Это не был голос Кая. Это не был человеческий голос вообще. Это был звук, похожий на шелест сухих листьев или треск старых обоев, отклеивающихся от стен. Он доносился

отовсюду и ниоткуда одновременно.

- Помоги мне... - разобрала я среди шорохов.

Я затаила дыхание. Сердце ударило в ребра один раз, сильно и болезненно.

- Кто здесь? - спросила я шепотом. Мой собственный голос показался мне чужим.

Шепот усилился. Теперь это был целый хор тихих, надтреснутых голосов. Они накладывались друг на друга, создавая неразборчивый гул.

- Он не скажет правду... он только страж... мы все здесь... мы часть камня... часть дерева...

Я вскочила с кресла, едва не опрокинув поднос с остывшим чаем. Моя мышечная память сработала мгновенно - я отступила к стене, занимая защитную позицию. Руки подняты, ладони открыты, центр тяжести смещен вниз.

- Где вы? Покажитесь!

Но в комнате никого не было. Только тени, которые, казалось, стали гуще.

- Не пей чай... - один голос выделился из общего гула. Он был чуть четче, в нем слышались интонации молодой женщины. - Он хочет, чтобы ты забыла... чтобы ты перестала чувствовать...

Я посмотрела на чашку на подносе. В лунном свете темная жидкость казалась маслянистой.

- Кто вы? - повторила я, чувствуя, как дрожь охватывает все тело. - Что это за место?

- Мы - те, кто не смог уйти, - прошелестел голос. - Залог должен быть оплачен... кровью или временем... он выбрал твоё время... твою жизнь...

Шепот начал затихать. Я бросилась к тому месту, откуда он, как мне казалось, доносился - к стене рядом со шкафом. Я прижалась ухом к холодным обоям. Ничего. Только глухой стук моего собственного пульса.

Я начала ощупывать стену. Мои пальцы, привыкшие к текстуре магнезии и дерева, жадно впитывали информацию. Бумага была старой, под ней чувствовались неровности штукатурки. И вдруг я наткнулась на что-то твердое.

Под обоями был стык. Маленькая, едва заметная щель.

Я достала из кармана пилочку для ногтей - единственное оружие, которое у меня было - и начала аккуратно поддевать край обоев. Бумага поддавалась неохотно, она была сухой и ломкой. Я работала медленно, фиксируя каждое движение, стараясь не шуметь. Мой внутренний тренер молчал, затаив дыхание вместе со мной.

Через десять минут мне удалось отогнуть небольшой лоскут. За ним оказалась крошечная ниша, выдолбленная прямо в кирпичной кладке. В нише лежал предмет, завернутый в пожелтевшую ткань.

Я вытащила его. Ткань рассыпалась в моих руках, обнажая маленькую записную книжку в кожаном переплете. Она была совсем крошечной, размером с ладонь.

Я вернулась к окну, чтобы рассмотреть находку при лун-

ном свете. Страницы были исписаны мелким, торопливым почерком. Чернила местами выцвели, но текст все еще можно было прочитать.

- Он говорит, что любит меня, - прочитала я первую строчку. - Но он смотрит на меня так, будто я - картина, которую он собирается повесить в галерее. Он проверяет мой пульс каждые два часа. Он говорит, что дом голоден. Я боюсь засыпать. Мне кажется, что, когда я сплю, стены становятся ближе.

Я перевернула страницу.

- Сегодня я видела обед. На пустом месте появилась еда. Кай сказал, что это нормально. Что хозяйка довольна. Но я знаю, что хозяйка - это не человек. Это сам дом. Он ест нас по кусочкам. Сначала - наши сны, потом - нашу память, а потом...

Дальше текст обрывался. Несколько страниц были вырваны с корнем.

Я почувствовала, как холод, который я ощущала в гостиной, возвращается. Это было документальное подтверждение моего безумия. Или, что еще хуже, подтверждение того, что я не сумасшедшая.

Я спрятала книжку под матрас. Мое тело требовало отдыха, но мозг работал на пределе возможностей. Я понимала, что Кай вернется утром. Он будет проверять, выпила ли я чай. Он будет наблюдать за моей реакцией, искать признаки того, что я начинаю "растворяться".

Я снова села в кресло. Я не собиралась спать в этой кровати. Я буду сидеть здесь, в темноте, и слушать дом. Если он хочет моей энергии, пусть попробует ее взять. Но я не буду легкой добычей.

Гимнасток учат падать правильно. Нас учат группироваться, чтобы минимизировать ущерб. Нас учат вставать после каждого падения, даже если кости стонут от боли.

Я - Мира. Я не гостья и не владелица. Я - живой залог, который решил нарушить условия контракта.

Я посмотрела на свои запястья. Багровые пятна в лунном свете казались черными. Они были похожи на клеймо.

- Я найду выход, - прошептала я в пустоту комнаты.

И в ответ мне послышался тихий, почти неразличимый смех. Он доносился из-под пола, из самых глубин фундамента, на котором стоял этот проклятый особняк. Дом не верил мне. Дом знал, что у него в запасе вечность.

А у меня была только эта ночь.

Я закрыла глаза, концентрируюсь на своем дыхании. Вдох. Выдох. Я чувствовала каждый мускул, каждую нервную нить. Я была живой. Пока еще живой.

В какой-то момент я снова услышала шаги в коридоре. Они были легкими, почти невесомыми. Кто-то остановился у моей двери. Я замерла, боясь даже моргнуть.

Щелчок замка.

Я не запирала дверь на ключ во второй раз после того, как взяла чай. Я видела, как дверная ручка медленно, очень

медленно поворачивается вниз.

Дверь приоткрылась на несколько сантиметров. В образовавшуюся щель просочился слабый свет из коридора.

Я не видела того, кто стоит за дверью. Но я видела тень. Она была длинной и искаженной, она тянулась по полу, достигая моих ног.

- Ты не спишь, Мира, - голос Кая был тихим, почти нежным. - Это плохо. Сон - это время, когда дом чинит твои раны.

- Уходи, Кай, - сказала я, не открывая глаз. Я притворилась, что сплю сидя.

- Ты не выпила чай, - констатировал он. В его голосе не было упрека, только легкая грусть. - Ты думаешь, что сопротивление сделает тебя сильнее. Но оно только ускоряет процесс. Ты тратишь силы, которые могла бы использовать для адаптации.

- Я не хочу адаптироваться к этому кошмару.

- Это не кошмар. Это реальность, очищенная от лишнего шума. Ты здесь в безопасности, Мира. Весь мир снаружи - это хаос и случайность. Здесь же все подчинено высшему порядку.

- Порядку, который жрет людей?

Он замолчал. Тень на полу не шевелилась. Я чувствовала его взгляд, хотя мои глаза были закрыты. Это было физическое ощущение, как будто по моей коже проводили холодным лезвием.

- Мы все чем-то питаемся, - наконец произнес он. - Ты ешь мясо, чтобы твои мышцы могли сокращаться. Дом ест твою волю, чтобы его стены не рухнули. Это честный обмен. Ты получаешь бессмертие в обмен на свою субъектность.

- Мне не нужно бессмертие в виде куска штукатурки.

- У тебя нет выбора. Контракт был подписан задолго до твоего рождения. Ты просто последняя деталь в механизме, который строился столетиями.

Он закрыл дверь. Я услышала, как ключ повернулся в замке. Теперь я была заперта снаружи.

Я открыла глаза и посмотрела на дверь. На ней не было никаких следов, но я знала, что за ней стоит Кай. Он будет стоять там всю ночь, охраняя свою добычу, свой залог, свою будущую часть дома.

Глава 9: Гимнастика выживания

Я стояла перед закрытой дверью, слушая, как шаги Кая затихают в глубине коридора. Звук его подошв по паркету был сухим, ритмичным, лишенным человеческой небрежности. Так ходят люди, которые точно знают, сколько кислорода потребляют их легкие при каждом вдохе. В этом особняке тишина никогда не была пустотой - она была плотной субстанцией, которая давила на барабанные перепонки, принуждая к подчинению. Я прижалась лбом к холодному дереву двери. Мое тело, вышколенное годами тренировок, требовало действия. Когда мозг начинает плавиться от осознания того, что тебя превратили в живую батарейку для старого каменного монстра, мышцы берут управление на себя. Это простая механика: если я не буду двигаться, я срastусь с этими стенами быстрее, чем Кай успеет принести мне завтрак.

Я развернулась и пошла прочь от своей комнаты. Дом казался бесконечным лабиринтом, спроектированным садистом с архитектурным образованием. Каждый поворот, каждая ниша с пыльной вазой или тяжелой портьерой были расставлены так, чтобы лишить меня ориентации. Но у меня была карта, встроенная в стопы. Я чувствовала наклон пола, едва заметную вибрацию половиц под тяжелым ковром. Где-то здесь, в восточном крыле, воздух пах иначе - не воском и старой бумагой, а чем-то более резким, напоминающим ре-

зину и холодный металл.

Я толкнула одну из высоких дверей, и она поддалась с тихим вздохом. Зал. Огромное пространство с потолками такой высоты, что там могли бы летать птицы, если бы им хватило смелости залететь в это логово. Свет падал из узких окон-бойниц, разрезая полумрак на длинные, пыльные полосы. В центре стояли они - разновысокие брусья, конь, маты, аккуратно сложенные в углу, и даже перекладина. Это выглядело как алтарь в храме забытой религии. Все было начищено до блеска, словно Кай лично полировал каждый сантиметр снарядов, ожидая, когда я созрею для своего первого выступления перед невидимой аудиторией.

Мои пальцы непроизвольно дернулись. Ладони стали влажными, и я машинально вытерла их о бедра. Шорты и майка, которые я надела утром, казались сейчас единственно верной формой одежды. Мое тело помнило этот запах - смесь магнезии и пота, хотя здесь пахло только стерильной чистотой. Я подошла к брусьям. Дерево было гладким, холодным. Я оценила высоту: потенциал для падения составлял около двух с половиной метров. Вполне достаточно, чтобы сломать шею, если повезет, или просто выбить из себя остатки воли.

Я начала с разминки. Это был ритуал, не требующий мыслей. Наклон вперед, ладони в пол. Мышцы задней поверхности бедра натянулись, как струны, посылая в мозг привычный сигнал боли. Хорошая боль. Она была честной, в отли-

чие от тех игр, в которые играл со мной Кай. Я зафиксировала положение, чувствуя, как растягиваются позвонки. Один, второй, третий. Мой внутренний тренер, злой и требовательный старик, который жил в моей голове с пяти лет, проскрежетал: - Колени, Мира. Выпрями колени, ты не на прогулке в парке.

Я перешла к выпадам. Вес тела на правую ногу, фиксация лопаток. Я смотрела на свои руки - тонкие запястья, жилистые предплечья. Я всегда была функциональным объектом. В детстве родители гордились моими медалями так, будто это были новые детали интерьера, повышающие статус квартиры. Я была удобным дополнением к их жизни, пока была безупречной. Ошибка означала невидимость. Если ты не стоишь на пьедестале, тебя нет. Кай просто возвел эту концепцию в абсолют. Он видел во мне не женщину, а деталь, без которой его драгоценный особняк начнет осыпаться штукатуркой.

Я подошла к перекладине, подпрыгнула и ухватилась за холодную сталь. Хват был крепким, мышечная память сработала мгновенно. Я сделала подъем переворотом. Раз, два. Мир перевернулся, кровь прилила к голове, и на мгновение я почувствовала себя свободной от гравитации этого дома. Мах, еще один. Я чувствовала, как работают широчайшие мышцы спины, как трицепсы напрягаются при каждом движении. Это была моя территория. Здесь я была хозяйкой, а не гостьей, запертой в золоченой клетке.

- Твоя техника стала грязнее, - раздался голос из тени.

Я сорвалась. Не буквально - я спрыгнула на маты, приземлившись с мягким глухим звуком, но внутри меня что-то оборвалось. Кай стоял у входа, прислонившись плечом к косяку. Он был одет в свой неизменный темный костюм, который сидел на нем как вторая кожа, скрывая тот факт, что под тканью скрывается человек, а не сложный механизм. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах горел тот самый тяжелый, собственнический огонек, от которого у меня по коже шел мороз.

- Следишь за мной? - спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Я сделала глубокий вдох, контролируя диафрагму. - Тебе не положено быть здесь. Это мой личный ад на сегодня.

- Я слежу за сохранностью залога, - Кай медленно пошел в мою сторону. Его шаги по матам были бесшумными. - Ты слишком резко вошла в режим. После такого перерыва можно легко потянуть связки. Дом не любит поврежденных инструментов.

- Дом, дом, дом, - я иронично изогнула бровь, хотя сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. - Ты когда-нибудь говоришь о чем-то другом? О погоде, о пробках на дорогах, о том, что ты ел на завтрак? Или ты тоже питаешься исключительно моей волей и пылью веков?

- Я ем то же, что и ты, Мира. Но я не позволяю себе роскошь отвлекаться на пустяки. Ты делаешь мах назад слишком рано. Твой центр тяжести смещен. Ты боишься упасть,

и это делает твои движения судорожными.

Он остановился в двух шагах от меня. Я чувствовала, как изменилось давление воздуха. Он вытеснял меня из моего собственного пространства, заполняя собой каждый кубический сантиметр зала. Я ненавидела то, как он читал меня. Мои страхи, мою неуверенность, мои мелкие акты саботажа - для него это были открытые страницы дневника, который я даже не помнила, как писала.

- Я не боюсь упасть, Кай. Я боюсь, что если я упаду, ты будешь тем, кто меня поднимет, - отрезала я. - Отойди. Я хочу продолжить.

Я снова запрыгнула на брусья. На этот раз я выбрала более сложную комбинацию. Перемах, упор, переход на верхнюю жердь. Я работала на пределе, чувствуя, как пот заливает глаза. Боль в плечах становилась острой, почти невыносимой, но я приветствовала ее. Это была реальность. Это было то, что я могла контролировать. Я видела периферийным зрением темную фигуру Кая. Он не двигался. Он просто смотрел, как я кручусь в воздухе, словно я была редким насекомым, бьющимся в банке.

- Хватит, - произнес он, когда я закончила серию и замерла в стойке на руках на верхней жерди. Мои руки дрожали. Кровь стучала в висках.

- Еще нет, - прохрипела я.

- Ты сорвешься. Твои мышцы забиты молочной кислотой. Спускайся.

- Или что? Ты вызовешь полицию? Ах да, я забыла, ты и есть закон в этом месте.

Я попыталась сделать выход в упор, но рука соскользнула. Мокрая от пота ладонь потеряла сцепление с деревом. Время замедлилось, как в плохом кино. Я видела потолок, видела пылинки, танцующие в лучах света, и понимала, что лечу вниз спиной. Гимнастический рефлекс сработал - я попыталась сгруппироваться, чтобы не удариться головой.

Удара не последовало. Вместо жесткого мата я почувствовала стальные руки, которые перехватили меня в воздухе. Кай поймал меня так легко, будто я весила не больше подушки. Он прижал меня к себе, и я на мгновение замерла, парализованная близостью его тела. От него пахло свежестью, дождем и чем-то металлическим. Никакого парфюма, только холодная чистота.

- Я же сказал, хватит, - его голос прозвучал прямо над моим ухом, низкий и вибрирующий.

Он не отпускал меня. Я чувствовала его ладони на своей спине и под коленями. Его пальцы были длинными и сильными, они слегка сдавливали мою плоть, заявляя права собственности. Мой внутренний критик замолчал, оглушенный этим физическим контактом. Я должна была оттолкнуть его, ударить, закричать, но мое тело предало меня. Оно расслабилось, признавая превосходство этой силы. Это было то самое извращенное чувство безопасности, которого я боялась больше всего. Когда тебя держат так крепко, тебе больше не

нужно отвечать за себя.

- Поставь меня, - выдохнула я, глядя в его глаза. Они были серыми, как грозовое небо над особняком. В них не было сочувствия, только холодная оценка.

- Ты дрожишь, - констатировал он, игнорируя мою просьбу. - Ты довела себя до истощения. Зачем? Пытаешься доказать дому, что ты сильнее его камней?

- Пытаюсь доказать себе, что я еще существую, - я наконец нашла в себе силы упереться руками в его грудь. Его пиджак был безупречно гладким. - Для тебя я просто залог, Кай. Кусок договора. А я хочу быть неизбежной. Я хочу, чтобы, если я исчезну, этот зал рухнул, потому что в нем больше нет смысла.

Он медленно опустил меня на ноги, но не убрал рук. Он стоял так близко, что я чувствовала тепло, исходящее от его кожи, несмотря на его ледяной образ.

- Ты и так неизбежна, Мира. Ты просто не понимаешь масштаба. Если ты уйдешь, рухнет не только зал. Рухнет все. И я в том числе.

Его вежливость была броней, но в этой фразе промелькнула трещина. Это не была угроза, это была констатация факта, которая звучала страшнее любого приговора. Он был привязан к этому месту так же, как и я, но его цепи были выкованы из долга, а мои - из страха и отсутствия выбора.

- Ты мог бы просто отпустить меня, - прошептала я. - До того, как контракт вступит в полную силу. Ты ведь управля-

ющий. Найди лазейку. Ты ведь знаешь их все.

- Лазеек нет. Есть только выполнение условий.

Он внезапно протянул руку и поправил мою ногу. Я все еще стояла в полупозиции, одна стопа была слегка развернута внутрь. Его пальцы обхватили мою лодыжку, и я вздрогнула. В месте его касания кожа начала гореть. Это был не жар страсти, это был жар клейма. Я смотрела, как его длинные пальцы сжимаются на моей тонкой кости, и мне казалось, что я вижу, как сквозь его кожу проступают тени самого дома.

- Держи стопу ровно, - сказал он, его голос снова стал сухим и тренерским. - Баланс начинается с основания. Если основание гнилое, никакая грация не спасет тебя от падения.

- Мое основание всегда было гнилым, Кай. Мои родители научили меня, что я стою ровно столько, сколько стоит мое последнее выступление. Ты просто следующий в очереди тех, кто хочет использовать мои мышцы в своих целях.

Он медленно поднял руку выше, проводя пальцами по икроножной мышце. Его движение было почти клиническим, он оценивал тонус, эластичность, готовность к рывку. Но для меня это было ментальное насилие. Он вторгся в мое тело, которое всегда было моей последней крепостью.

- Твои родители были глупцами, - тихо произнес он. - Они использовали тебя, чтобы заполнить пустоту в своей гостиной. Я использую тебя, чтобы спасти мир, который ты даже не видишь. В этом есть разница.

- Спасти мир ценой моей жизни? Это плохая сделка.

- Твоя жизнь не прекратится, Мира. Она просто изменит форму. Ты станешь частью чего-то вечного. Разве не этого ты хотела? Перестать быть заменяемой? Здесь ты единственная. Здесь нет дублеров.

Он отпустил мою ногу и выпрямился. Я чувствовала себя так, будто из-под меня выдернули опору. Холод зала мгновенно заполнил пространство, которое только что занимало его тело.

- Я хочу быть человеком, а не частью фундамента, - я подошла к брускам и схватила полотенце, яростно вытирая пот. - Ты когда-нибудь задумывался, чего хочешь ты? Или ты просто выполняешь заложенную в тебя программу, как старый компьютер?

Кай промолчал. Он смотрел на перекладину, на которой я только что крутилась, и в его взгляде было что-то похожее на тоску, если бы у машин могла быть тоска. Он выглядел как узник, который полюбил свою камеру настолько, что забыл, как выглядит небо.

- Мои желания не имеют значения, - наконец сказал он. - Важна только стабильность системы. Ты закончила на сегодня. Иди в душ. Через час ужин. И надень то синее платье, которое я положил на кровать.

- Я ненавижу синий цвет, - соврала я, просто чтобы проявить пассивную агрессию.

- Тебе он идет. Он подчеркивает твою бледность. Делает тебя похожей на фарфоровую статуэтку. Дому нравится фар-

фор.

Он развернулся и пошел к выходу. Его манера отдавать приказы, не повышая голоса, доводила меня до бешенства. Он не сомневался, что я подчинюсь. И самое ужасное было в том, что он был прав. Я знала, что надену это платье. Я знала, что приду на ужин. Я была функциональным объектом, и мой новый владелец знал, на какие кнопки нажимать, чтобы механизм работал исправно.

Я осталась одна в зале. Пыльные полосы света стали длиннее, тени по углам начали шевелиться, словно дом дышал, готовясь к ночному пиршеству. Я посмотрела на свои руки. На ладонях горели свежие мозоли, сорванная кожа саднила. Это была реальная боль. Это было доказательство того, что я еще здесь, что я еще не растворилась в этих стенах.

Я подошла к зеркалу, висевшему на дальней стене. Огромное, в тяжелой раме, оно казалось окном в другой мир. В нем я выглядела маленькой, хрупкой и совершенно потерянной. Мои волосы растрепались, лицо покраснело от нагрузки. Я не была похожа на фарфоровую статуэтку. Я была живой, черт возьми.

Я начала собирать свои вещи. Магнезия рассыпалась по мату белым порошком, похожим на снег. Я представила, как этот зал выглядит сверху. Я - маленькая точка в центре огромного пространства. Кай - еще одна точка, стоящая за дверью. Мы оба были заложниками этой архитектуры, этого древнего контракта, написанного кровью и безумием.

- Я не дам тебе победить, - прошептала я своему отражению. - Я не стану частью твоих стен.

Зеркало ответило мне молчанием. Но мне показалось, что на мгновение по его поверхности прошла рябь, словно вода в пруду, в который бросили камень. Дом слушал. Дом всегда слушал.

Я вышла из зала, и тяжелые двери закрылись за мной с тем же вздохом облегчения. Коридор встретил меня полумраком и тишиной. Я шла по коврам, чувствуя, как с каждым шагом моя воля становится все тоньше, словно ее растягивали на невидимом станке. Кай ждал меня за поворотом. Он не смотрел на меня, когда я проходила мимо, но я чувствовала его взгляд на своем затылке. Это было физическое ощущение холодного лезвия, скользящего по коже.

В своей комнате я нашла синее платье. Оно лежало на кровати, расправленное с пугающей аккуратностью. Ткань была тяжелой, дорогой, цвета глубокого океана, в котором легко утонуть. Я коснулась подола. Шелк был холодным.

Я разделась, бросив спортивную одежду на пол. Мое тело ныло, мышцы требовали покоя, но разум был взвинчен до предела. Я зашла в душ, включив ледяную воду. Боль от холода была еще одним способом заземлиться. Я стояла под струями, закрыв глаза, и пыталась вспомнить свою жизнь до этого дома. Лица родителей, запах спортзала в моем родном городе, вкус дешевого кофе в автомате. Все это казалось сном, декорациями к чужому фильму. Реальностью был

только этот особняк и Кай, который знал о моих мышцах больше, чем я сама.

Я вышла из душа и надела платье. Оно село идеально, как я и ожидала. Оно облегалo мою фигуру, подчеркивая линии, которые я так долго и мучительно выстраивала на тренировках. Я посмотрела в зеркало. Синий цвет действительно делал мою кожу почти прозрачной. Я выглядела как привидение, которое еще не знает, что оно умерло.

Я вышла из комнаты и направилась к лестнице. Каждый шаг отдавался в коленях. Я оценивала высоту ступеней, гладкость перил. Если я споткнусь и упаду, Кай снова меня поймает. Эта мысль вызывала у меня приступ тошноты, смешанной со странным, извращенным облегчением.

Ужин проходил в полном молчании. Стол был накрыт на двоих в малом обеденном зале. Свечи горели ровным пламенем, не колеблясь, хотя я чувствовала сквозняк. Кай сидел напротив, его движения были экономными и точными. Он резал мясо так, будто проводил хирургическую операцию.

- Ты мало ешь, - заметил он, не поднимая глаз. - Тебе нужны калории после тренировки. Дом требует энергии, а ты истощаешь свои запасы.

- Я не голодна. Меня тошнит от твоего гостеприимства.

- Это пройдет. Тело адаптируется к новым условиям. Скоро ты перестанешь чувствовать этот дискомфорт. Он просто признак сопротивления.

- А что, если я не хочу адаптироваться? Что, если я хо-

чу сохранить этот дискомфорт как единственное, что у меня осталось своего?

Кай наконец поднял глаза. Его взгляд был тяжелым, почти осязаемым.

- Ты не можешь хранить то, что тебе не принадлежит, Мира. Твой дискомфорт - это тоже часть процесса. Дом переваривает твои эмоции, превращая их в прочность своих стен. Чем больше ты страдаешь, тем крепче становится фундамент.

- Ты монстр, Кай.

- Я - управляющий. Монстры живут в твоём воображении. Здесь только физика и метафизика.

Он отпил вина из бокала, и я увидела, как его кадык дернулся при глотке. Это было так по-человечески, что на мгновение мне стало страшно. Если он человек, то почему он делает это со мной? Если он не машина, то где его жалость?

- Почему я? - спросила я, отодвигая тарелку. - В мире тысячи гимнасток, тысячи женщин, которые могли бы стать твоим залогом. Почему ты выбрал именно меня?

Кай поставил бокал на стол. Звук стекла о дерево был резким, как выстрел.

- Потому что ты привыкла быть невидимой, Мира. Ты привыкла, что тебя оценивают только по твоим достижениям. Ты была идеальной заготовкой. Другие женщины слишком цепляются за свою индивидуальность. Они создают шум. Ты - это тишина, облеченная в совершенную форму.

Тебе не нужно было ломать волю, ее у тебя никогда не было. Ты всегда делала то, что тебе говорили тренеры, родители, судьи. Я просто последний в этом списке.

Слова ударили меня сильнее, чем если бы он дал мне пощечину. Это была правда, которую я так тщательно скрывала от самой себя под слоями иронии и цинизма. Я была функциональным объектом всю свою жизнь. Кай не ломал меня, он просто использовал уже готовую структуру.

Я встала из-за стола, чувствуя, как внутри закипает холодная, расчетливая ярость.

- Ты ошибаешься, Кай. У меня есть воля. И она не в том, чтобы подчиняться или бунтовать. Она в том, чтобы выбрать момент, когда твой идеальный механизм даст сбой.

- Я буду ждать этого момента с нетерпением, - спокойно ответил он. - Но пока - иди спать. Завтра у нас много работы. Дом начинает перестройку второго этажа, и ему потребуется твое присутствие.

Я развернулась и вышла из зала, не оборачиваясь. Мои каблуки стучали по паркету, отбивая ритм моего отчаяния. Я шла по коридорам, и мне казалось, что стены сдвигаются, становясь все ближе и ближе. Воздух становился густым, как сироп.

Я дошла до своей комнаты и заперла дверь. Хотя я знала, что для Кая нет запертых дверей. Я подошла к окну и посмотрела на сад, залитый лунным светом. Деревья стояли неподвижно, как стражи.

Я легла на кровать, не раздеваясь. Синее платье шуршало под моим весом. Я закрыла глаза и начала считать вдохи и выдохи, как учил меня тренер перед важными соревнованиями. Один, два, три.

Где-то в глубине дома раздался тихий скрежет металла о камень. Дом рос. Дом питался моей яростью, моей усталостью, моей невидимостью. И я чувствовала, как в месте, где Кай коснулся моей ноги, кожа все еще горит, отмечая границу моего исчезновения.

Я была гимнасткой. Моей работой было делать невозможное легким. И сейчас моей главной программой было выжить в месте, которое хотело сделать меня вечной. Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль была острой и прекрасной. Пока я чувствую боль, я принадлежу себе.

За дверью слышались шаги. Кай пришел проверить свою добычу. Он стоял там, в тени коридора, не издавая ни звука. Я чувствовала его присутствие всем телом. Давление воздуха изменилось. Он был там, он был всегда. Мой страж, мой тюремщик, мой единственный свидетель.

Я не открыла глаза. Я просто продолжала дышать, превращая каждый вдох в акт сопротивления. Завтра будет новый день, новые брусья, новые стены. Но сегодня я еще была человеком. Пусть даже в синем платье, которое я ненавидела. Пусть даже в доме, который хотел меня съесть.

Тишина особняка сомкнулась над моей головой, как тол-

ща воды. Я начала засыпать, и последнее, что я почувствовала перед тем, как окончательно раствориться в темноте, был запах дождя и металла - запах Кая, который пропитал собой все мое существование, не оставив места для побега.

Но во сне я все еще летела. Я делала мах, отпускала жердь и взмывала вверх, туда, где не было ни стен, ни контрактов, ни Кая. Там была только пустота и абсолютная, звенящая свобода, за которую я была готова заплатить любую цену. Даже если этой ценой станет само мое существование.

Глава 10: Комната номер ноль

Пробуждение всегда наступает рывком, будто меня вытолкнули с трибуны в холодную воду. Я открыла глаза, фиксируя взглядом серый потолок. Никакой лепнины, никакой позолоты - только голый бетон, который казался мне честнее всей роскоши верхних этажей. Я все еще была в том синем платье. Оно измялось, впилось швами в ребра, напоминая о вчерашнем поражении. Ткань пахла Каем. Этот запах - смесь дорогого табака, холодного дождя и чего-то стерильного, больничного - стал моим личным наркозом. Я села на кровати, чувствуя, как затекшие мышцы спины протестуют против резкого движения. Мое тело, привыкшее к безупречным линиям и идеальному балансу, сейчас ощущалось как расстроенный инструмент. Лопатки свело, шея ныла. Я сделала несколько круговых движений головой, прислушиваясь к хрусту позвонков. Раз, два, три. Центровка восстановлена.

Дом дышал. Я чувствовала это через подошвы босых ног, когда встала на паркет. Легкая вибрация, едва уловимый гул в стенах. Кай говорил, что особняк - это механизм, но я знала лучше. Это зверь. Огромный, ленивый хищник, который временно позволил мне ходить по своему пищеводу. Я подошла к зеркалу. Из отражения на меня смотрела женщина, которую я едва узнавала. Бледная кожа, глаза, в которых застыла настороженность затравленного зверька, и это прокля-

тое платье, делающее меня похожей на фарфоровую куклу из коллекции безумца.

Мне нужно было движение. Не то выверенное, балетное скольжение, которого требовал этикет этого дома, а настоящий, грубый физический труд или хотя бы смена декораций. Кай был где-то там, за дверью, или в своем кабинете, или в тених коридоров. Он всегда был рядом, даже когда я его не видела. Его присутствие ощущалось как изменение атмосферного давления перед грозой. Я знала, что он следит за каждым моим вздохом, за каждым сокращением мышц. Это должно было пугать, но вместо страха я чувствовала странное, извращенное удовлетворение. Наконец-то я стала для кого-то неизбежной. Наконец-то мое отсутствие стало бы для кого-то катастрофой, пусть даже эта катастрофа была заложена в условиях контракта.

Я вышла из комнаты, не заботясь о том, чтобы переодеться. Босиком, в помятом шелке, я скользила по коридорам, как тень. Моя мышечная память вела меня вниз. Я считала ступени: тридцать две до второго этажа, сорок восемь до первого. Мой мозг автоматически вычислял траекторию возможного падения, оценивал прочность перил. Гимнастка во мне никогда не спала. Она всегда искала точки опоры и пути отхода.

На первом этаже пахло свежим кофе и полиролью для мебели. Слуги в этом доме были как призраки - я слышала их шаги, видела результаты их труда, но почти никогда не стал-

кивалась с ними лицом к лицу. Кай создал идеальную систему, где человеческий фактор был сведен к минимуму. Но я была тем самым сбоем в алгоритме, который он так старательно пытался интегрировать в систему.

Я не пошла в столовую. Вместо этого я свернула к лестнице, ведущей в подвал. Там, за тяжелой дубовой дверью, начиналась территория, которую Кай называл технической зоной. Вино, коммуникации, архивы. Но для меня это был единственный шанс найти что-то настоящее, не припудренное фальшивым блеском особняка.

Спуск в подвал был крутым. Ступени здесь были каменными, холодными, они высасывали тепло из моих ступней. Я прижала ладонь к стене, чувствуя шероховатость камня. Здесь не было обоев и картин. Только голая правда фундамента. Воздух становился гуще, наполняясь запахом сырой земли и старого дерева. Я знала, что Кай не одобряет моих прогулок по нижним уровням. Он хотел, чтобы я оставалась в золотой клетке верхних этажей, где свет был мягким, а углы - сглаженными. Но чем ниже я спускалась, тем четче я чувствовала ритм сердца этого дома.

Внизу было тихо. Свет ламп в латунных оправках едва разгонял темноту. Я прошла мимо стеллажей с вином. Тысячи бутылок, лежащих в идеальном порядке, как солдаты в братской могиле. На каждой - этикетка с годом урожая. 1945, 1961, 1982. История, законсервированная в стекле. Я провела пальцем по одной из полок, собирая тонкий слой пыли.

Здесь порядок Кая давал трещину. Пыль была настоящей.

Я шла дальше, пока не уперлась в тупик. Стеллаж с тяжелыми бутылками красного вина перегораживал путь, но что-то в его расположении казалось мне неправильным. Я привыкла к симметрии. В гимнастике малейшее отклонение от оси ведет к травме. Мой глаз зацепился за щель между краем стеллажа и стеной. Слишком широкая для ошибки строителя, слишком узкая для того, чтобы быть дверью.

Я положила ладони на полки. Дерево было холодным и массивным. Я толкнула - ничего. Я потянула - полка даже не шелохнулась. Тогда я начала методично прощупывать заднюю стенку. Мои пальцы, натренированные годами захватов на брусьях, искали малейшую неровность. И я нашла ее. Маленький металлический рычаг, спрятанный за бутылкой Шато Латур 1959 года.

Раздался сухой щелчок, а затем тяжелый, протяжный скрежет камня о камень. Стеллаж медленно, нехотя пополз в сторону, открывая проем. Из темноты пахло чем-то знакомым и одновременно пугающим. Это был запах старой бумаги, талька и... лаванды. Запах моей матери.

Я замерла, сдерживая дыхание. Мое тело мобилизовалось: лопатки зафиксированы, центр тяжести смещен на переднюю часть стопы. Я была готова к прыжку, к рывку, к любому нападению. Но из проема никто не вышел. Там была только темнота, густая и липкая, как патока.

Я шагнула внутрь. Свет из винного погреба едва проникал

в эту комнату, но его было достаточно, чтобы я почувствовала, как по моей коже пробежал холод. Это не был холод подвала. Это был холод узнавания.

Я нащупала выключатель на стене. Одинокая лампочка под потолком вспыхнула, мигнув пару раз, и я увидела ее. Комнату номер ноль.

Она была небольшой, правильной квадратной формы. И она была полностью, от пола до потолка, заставлена фотографиями. Они были везде: приколоты кнопками к стенам, разложены на столах, даже на полу лежали стопки снимков.

Я подошла к ближайшей стене. С фотографии на меня смотрела девочка шести лет. Она стояла на бревне, вытянув руки в стороны для баланса. Это была я. Я помнила тот день. Мои первые соревнования, мой первый страх высоты, который я научилась подавлять еще до того, как научилась читать. Но ракурс был странным. Фотограф стоял не в зале, не среди зрителей. Снимок был сделан сверху, почти из-под самого купола спортивного центра.

Я перевела взгляд на другой снимок. Мне десять. Я плачу в раздевалке после того, как тренер накричала на меня за лишние сто граммов веса. Я думала, что была там одна. Но камера зафиксировала каждую слезу, каждое содрогание моих плеч.

Я двигалась вдоль стен, и моя жизнь разворачивалась передо мной как замедленная кинолента. Вот я в двенадцать, ем яблоко, сидя на подоконнике в нашей старой квартире.

Вот я в четырнадцать, тайком курю за гаражами с девочками из секции. Вот я в шестнадцать, стою на пьедестале, и мое лицо кажется каменной маской - я уже тогда знала, что золото не приносит счастья, только временное освобождение от боли.

Каждый снимок был актом ментального насилия. Кто-то следил за мной годами. Кто-то фиксировал те моменты, которые я считала своими личными, интимными, принадлежащими только мне. Я чувствовала, как во мне закипает ярость, смешанная с тошнотой. Моя невидимость, мой щит, за которым я пряталась всю жизнь, оказался иллюзией. Я никогда не была одна.

Я подошла к столу в центре комнаты. На нем лежали более свежие снимки. Я в этом особняке. Я сплю в своей кровати. Я сижу в библиотеке. Я... в синем платье, вчера вечером. На фото я стояла у окна, и мое лицо было освещено луной. Я выглядела потерянной, сломленной, и в то же время пугающе красивой.

- Тебе не следовало сюда приходить, Мира.

Голос Кая разрезал тишину, как скальпель. Я не вздрогнула. Мое тело просто застыло, переходя в режим экономии энергии. Я медленно обернулась.

Он стоял в дверном проеме, загораживая собой выход. Его фигура казалась еще массивнее в этом тесном пространстве. Свет лампочки подчеркивал резкие линии его лица, делая его похожим на статую, высеченную из базальта. Его гла-

за были холодными, но в их глубине я заметила что-то еще - опасную искру, которую он обычно тщательно скрывал.

- Кто это снимал? - мой голос прозвучал сухо и ровно. Я гордилась собой в этот момент. Никакой дрожи, никакой слабости. Просто вопрос, требующий ответа.

Кай сделал шаг в комнату. Пространство вокруг него словно сжалось.

- Это не имеет значения, - сказал он своим тихим, гипнотическим голосом. - Имеет значение только то, что ты здесь увидела.

- Я увидела, что ты сумасшедший, - я сделала шаг ему навстречу, сокращая дистанцию. В гимнастике это называется атакой. - Ты следил за мной всю мою жизнь. Ты знал, когда я плачу, когда я ем, когда я сплю. Ты превратил мое существование в реалити-шоу для одного зрителя.

Кай остановился в паре метров от меня. Его вежливость была его броней, но сейчас она казалась истончившейся.

- Я не следил, Мира. Я охранял. Ты - часть контракта. Ты - залог, который должен быть сохранен в идеальном состоянии.

- Залог чего? - я почти выплюнула это слово. - Этого дома? Этой груды камней, которая жрет людей на завтрак? Ты говоришь обо мне как о вещи, как о ценной вазе, которую нужно протирать от пыли.

- Ты и есть вещь, - Кай произнес это без тени иронии, просто констатируя факт. - До тех пор, пока ты не примешь свою

роль. Ты думаешь, что твоя свобода там, снаружи, имела какую-то ценность? Ты была никем. Функциональным объектом для родителей, инструментом для тренеров. Здесь ты - центр вселенной. Здесь каждое твое движение имеет смысл.

- Ты чудовище, Кай.

- Возможно, - он слегка наклонил голову, изучая меня так, словно я была интересным экспонатом в его коллекции. - Но я единственное чудовище, которое знает тебя настоящую. Которое видело твои шрамы и твои триумфы. Которое знает, что ты чувствуешь, когда стоишь на краю пропасти.

Он протянул руку, словно хотел коснуться моего лица, но я резко отпрянула. Моя спина коснулась стены, увешанной фотографиями. Холодная бумага прилипла к моей коже.

- Не трогай меня, - прошипела я. - Уходи. Я хочу остаться одна.

Кай на мгновение замер. Его лицо стало непроницаемым. Он опустил руку и сделал шаг назад, к выходу.

- Одиночество - это то, к чему ты так стремишься, Мира? - спросил он, и в его голосе прозвучала странная, пугающая мягкость. - Хорошо. Ты его получишь.

Он вышел из комнаты. Я услышала, как скрежещет механизм стеллажа, возвращаясь на место. А затем раздался звук, который заставил мое сердце пропустить удар. Глухой, окончательный щелчок замка.

- Кай! - я бросилась к двери, ударяя по ней кулаками. - Кай, открой! Это не смешно!

Тишина была мне ответом. Тяжелая, ватная тишина подвала, которую не пробивал ни один звук извне. Я прижалась ухом к двери, ловя хотя бы шорох его шагов, но Кай ушел. Он оставил меня здесь, в этой комнате, полной моих собственных призраков.

Я сползла по двери на пол. Холод камня мгновенно пропитал ткань платья. Я обхватила колени руками, сворачиваясь в максимально плотный клубок. Гимнастическая привычка - занимать как можно меньше места, быть компактной, контролируемой.

Один вдох. Один выдох. Раз, два, три, четыре. Я считала секунды, превращая свое дыхание в метроном. Я не буду кричать. Я не буду умолять. Это именно то, чего он ждет. Он хочет, чтобы я сломалась, чтобы я признала свою слабость, чтобы я позвала его на помощь. Но он плохо меня знает. Тренер выбила из меня способность плакать еще в семь лет, когда я упала с брусьев и расшибла колено до кости. "Слезы - это смазка для неудачников", - говорила она. Я верила ей тогда, верю и сейчас.

В комнате стало темнее. Лампочка под потолком начала тускнеть, ее нить накала едва светилась оранжевым. А потом она окончательно погасла.

Абсолютная темнота. Такая бывает только глубоко под землей. Я закрыла глаза, потому что не было смысла держать их открытыми. Мое пространственное ориентирование включилось на полную мощность. Я знала, что стол находит-

ся в трех шагах впереди, стеллаж - справа, а стена с детскими фото - прямо за моей спиной. Я чувствовала геометрию этой комнаты своим телом.

Я сидела так долго. Время в темноте растягивается, становится тягучим. Мысли начали путаться. Я представляла, как особняк сверху живет своей жизнью. Кай, вероятно, сейчас сидит в своем кабинете, пьет виски и смотрит на мониторы. Видит ли он меня сейчас? Есть ли здесь скрытые камеры, работающие в инфракрасном спектре? Скорее всего, да. Он наслаждается моим заточением, моей беспомощностью.

Но я не была беспомощной. Я была в своей стихии. Всю свою жизнь я жила в клетках - в залах, в расписаниях, в ожиданиях других людей. Эта комната была просто еще одной клеткой, чуть более тесной, чем остальные.

Я начала вспоминать фотографии. Те детали, которые ускользнули от меня при свете. Ракурсы. Свет. Тени. Было в них что-то еще, кроме простого наблюдения. Каждое фото было наполнено странным, почти болезненным вниманием к деталям. Текстура моей кожи, направление взгляда, напряжение в пальцах. Тот, кто это снимал, не просто фиксировал события. Он пытался разгадать мой код.

Вдруг я почувствовала легкое покалывание в глазах. Сначала я подумала, что это галлюцинация от сенсорной депривации. Но нет. В темноте начало появляться свечение.

Я открыла глаза. Фотографии на стенах начали проявляться. Слабое, фосфоресцирующее сияние исходило от бу-

маги. Это не был отраженный свет, это было нечто иное. Детали на снимках начали меняться.

Я поднялась на ноги, медленно, стараясь не нарушить тишину. Мои пальцы коснулись стены. Бумага была теплой. На фотографии, где мне было шесть, за моей спиной на бревне появилась тень. Высокая, тонкая фигура, которой точно не было на оригинале. Она не была похожа на человека, скорее на сгусток тьмы, имеющий очертания мужчины.

Я перевела взгляд на другой снимок. В раздевалке, за моей плачущей фигуркой, в зеркале отражалось то же самое темное пятно. Оно было со мной всегда. На каждом снимке, в каждом важном моменте моей жизни.

Холод, который я чувствовала раньше, сменился жаром. Мое сердце забилося чаще, нарушая ритм метронома. Это было невозможно. Это была химия, галлюциногены, какой-то трюк Кая. Он хочет свести меня с ума, заставить поверить в мистическую связь с этим домом.

Но сияние становилось ярче. Теперь я видела подробности, которых не могла знать. На фото из нашей старой квартиры, на подоконнике рядом со мной лежала записка. Я прищурившись, щурилась от неестественного света. Почерк был аккуратным, почти каллиграфическим. "Ты вернешься домой, Мира. Всегда возвращайся".

Я отпрянула от стены, задев стол. Стопка фотографий рассыпалась по полу, и каждая из них светилась своим собственным, призрачным светом. Комната номер ноль превра-

тилась в светящийся колодец памяти.

Я посмотрела на свои руки. В этом свете моя кожа казалась прозрачной, под ней были видны вены, пульсирующие в такт с гулом дома. Я не была гостьей здесь. Я была частью этой экосистемы.

Тень на фотографиях начала двигаться. Медленно, почти незаметно, она перемещалась от края снимка к центру, к моей фигуре. На тех фото, что были сделаны в особняке, тень уже почти касалась меня. Она была как чернильное пятно, расползающееся по ткани.

Я поняла, что это не Кай. Кай был просто посредником, жрецом, который следил за тем, чтобы процесс шел по плану. Тень была самым домом. Тем контрактом, который был подписан моей кровью еще до моего рождения.

Моя потребность быть неизбежной... она реализовывалась прямо сейчас, но совсем не так, как я себе представляла. Я не была важна для Кая как личность. Я была важна как топливо. Как живой залог, чья энергия должна была поддерживать стены этого особняка. Если я уйду, дом рухнет. Но если я останусь, я растворюсь в нем, стану еще одной тенью на фотографиях, еще одной историей, законсервированной в подвале.

Я снова села на пол, но теперь я не сворачивалась в клубок. Я выпрямила спину, касаясь лопатками светящихся снимков. Я чувствовала, как тепло бумаги переходит в мое тело. Это было странное ощущение - смесь ужаса и абсолют-

ного спокойствия.

Кай думал, что он контролирует ситуацию. Он думал, что заперев меня здесь, он преподаст мне урок. Но он ошибся. Он дал мне в руки оружие. Теперь я знала правду. Я знала, что я - единственное, что удерживает этот мир от разрушения.

Я закрыла глаза и начала считать. Но теперь я считала не секунды. Я считала удары сердца дома. Они были медленными, тяжелыми, как удары колокола под водой.

Раз. Я чувствую, как в фундаменте особняка пробегает трещина.

Два. Воздух в комнате становится суше.

Три. Тень на фотографиях замирает, чувствуя мое сопротивление.

Я не буду просто залогом. Я не буду функцией. Если этот дом хочет меня съесть, ему придется сначала научиться меня переваривать. А я - очень жесткая пища. Годы тренировок, годы боли и самоотречения сделали мое сознание таким же крепким, как те брусья, на которых я вращалась.

Я услышала шорох у двери. Кай вернулся. Я чувствовала его присутствие по тому, как изменилось давление воздуха. Он стоял там, за стеллажом, слушая мою тишину.

- Мира? - его голос прозвучал приглушенно, но в нем впервые проскользнула нотка неуверенности. Или это было предвкушение?

Я не ответила. Я сидела в кольце светящихся фотографий,

окруженная своими теньями, и улыбалась в темноте. Пусть ждет. Пусть думает, что он победил.

Я посмотрела на снимок, лежащий у моих ног. Это было фото вчерашнего вечера. Я в синем платье. Но теперь тень на фото не стояла за моей спиной. Она держала меня за руку. И лицо тени... оно было моим.

В этот момент я поняла главную интригу этой игры. Кай не был моим тюремщиком. Он был моим отражением. Мы оба были заперты в этом контракте, оба были инструментами в руках чего-то более древнего и голодного. И наше противостояние было лишь частью ритуала.

Я встала, чувствуя невероятную легкость в теле. Мышечная память гимнастки подсказала мне идеальный баланс. Я больше не боялась темноты. Я сама была темнотой.

- Открой дверь, Кай, - сказала я, и мой голос прозвучал так же холодно и уверенно, как его собственный. - Шоу окончено. Я готова выйти на арену.

За дверью воцарилась тишина. А затем я услышала скрежет механизма. Свет из винного погреба ворвался в комнату, ослепляя меня. Но я не отвела взгляд. Я стояла прямо, расправив плечи, глядя на Кая сквозь резь в глазах.

Он стоял в проеме, и его лицо было бледнее обычного. Он смотрел на меня, и в его глазах я увидела не владение, не одержимость, а настоящий, чистый страх. Он увидел то, что увидела я. Он увидел, что залог осознал свою ценность.

- Пойдем, - сказал он, отступая в сторону и освобождая

путь. - Тебе нужно переодеться. Скоро ужин.

- Да, - ответила я, проходя мимо него. Я задела его плечом, и на мгновение мы соприкоснулись. Это был удар током, короткое замыкание двух систем. - Мне нужно переодеться. Синий мне больше не идет.

Я шла по подвалу, и мои шаги звучали гулко и твердо. Я знала, что фотографии в комнате номер ноль продолжают светиться за моей спиной. Я знала, что тень теперь следует за мной по пятам. Но теперь это была моя тень.

Я поднималась по лестнице, считая ступени. Сорок восемь до первого этажа. Тридцать две до второго. Мой дом. Моя тюрьма. Мой тренировочный снаряд.

Завтра будет новый день. Новые стены, новые контракты. Но сегодня я впервые почувствовала, что я - не гостя в собственной жизни. Я - ее автор. И если эта глава заканчивалась в темноте подвала, то следующая начнется с пожара.

Я вошла в свою комнату и подошла к окну. Особняк молчал, но я слышала его голодное урчание. Кай стоял внизу, на дорожке сада, глядя на мои окна. Он был моим стражем, моим тюремщиком, моим единственным свидетелем. И теперь он был моей добычей.

Я сняла синее платье и бросила его на пол. Оно лежало в лунном свете, как сброшенная кожа змеи. Я была готова к следующему прыжку. Амплитуда была задана, траектория вычислена. Оставалось только отпустить жердь и лететь. И на этот раз я знала, что не упаду. Потому что пустота под

моими ногами была моей единственной настоящей опорой.

Глава 11: Удушье тишиной

Темнота в подвале особняка имела плотность. Она не была просто отсутствием света, она была физическим объектом, который давил на мои глазные яблоки, заставляя их дергаться в поисках хоть какой-то зацепки, точки опоры, визуального горизонта. Но горизонта не было. Была только ледяная поверхность пола, по которой я распределила свой вес с точностью до грамма. Лежать на спине было стратегически верным решением: так площадь соприкосновения с холодом максимальна, но и контроль над позвоночником абсолютный. Пять, шесть, семь. Я считала вдохи. Мои легкие работали как кузнечные мехи, но воздух казался слишком густым, будто в нем растворили порцию строительной пыли.

Три часа. Я знала это, потому что мое внутреннее чувство ритма, отточенное годами на бревне, никогда не подводило. Каждые сорок пять секунд - цикл. Тысячи циклов. Если бы я была на соревнованиях, тренер бы уже кричала, что я заваляла тайминг, что моя грация превратилась в вялость подыхающей медузы. Но здесь тренером была я сама. Сухой, надтреснутый голос в моей голове твердил: не смей дрожать, это неэффективно. Дрожь тратит калории. Калории - это тепло. Тепло - это выживание. Ты не человек, Мира, ты функциональный объект в режиме энергосбережения.

Я чувствовала, как холод пробирается под кожу, облизы-

вая кости. Мои лопатки зафиксировались в идеальном замке, мышцы пресса превратились в жесткий корсет. Это была привычная мобилизация. Тело помнило, как замирать перед прыжком, когда весь мир сужается до узкой полоски гимнастического снаряда. Сейчас моим снарядом был этот подвал. Кай запер дверь ровно сто восемьдесят минут назад. Он не сказал ни слова, просто повернул ключ, и этот звук - сухой, окончательный - стал точкой в нашем коротком споре о границах.

Мои мысли метались, но я не позволяла им превращаться в панику. Паника - это лишний пульс. Я думала о том, что я - гостья в собственной жизни. Удобная, тихая, всегда готовая к тому, что ее уберут в шкаф или запрут в подвале, когда она начнет портить интерьер своими неуместными вопросами. В родительском доме я была как та дорогая ваза, которую боятся разбить, но никогда не используют по назначению. Кай просто переставил эту вазу в другое помещение. В темное помещение.

Внезапно давление воздуха изменилось. Я почувствовала это кожей лица, прежде чем услышала звук. Сначала щелчок, потом тяжелый вздох петель. Кай стоял в дверном проеме. Его силуэт, подсвеченный слабым светом из коридора, казался вырезанным из черной бумаги. Он не спешил. Он всегда давал тишине возможность договорить за него.

- Время вышло, - произнес он. Его голос был ровным, лишенным окраски, как машинный перевод. В этом голосе не

было раскаяния, только констатация завершенного процесса.

Я попыталась подняться, но мои суставы, кажется, превратились в ржавые подшипники. Мышечная память подвела: ноги не отозвались на импульс. Я просто перекатилась на бок, чувствуя, как пол пытается удержать меня, присосавшись к онемевшему бедру. Кай шагнул в темноту. Я не видела его лица, но чувствовала его приближение по тому, как пространство вокруг него сжималось. Он наклонился, и я ощутила запах его парфюма - что-то холодное, древесное, с ноткой стерильности, как в операционной.

Он поднял меня на руки так легко, будто я весила не больше его чековой книжки. Мое тело обмякло. Вся та жесткость, которую я выстраивала три часа, рассыпалась в одно мгновение. Я ненавидела эту слабость. Я ненавидела то, что его руки, несмотря на их пугающую уверенность, были теплыми. Моя голова упала ему на плечо, и я услышала мерное биение его сердца. Оно стучало медленно, слишком медленно для человека, который только что три часа продержал женщину в бетонном мешке.

- Могла бы и попросить, - сказал он, когда мы вышли в холл. - Ты ведь знаешь, что я ждал просьбы.

- Чтобы ты насладился своей властью? - мой голос прозвучал как шелест сухой листвы. Я пыталась вложить в него яд, но получилось только бессилие. - У тебя и так ее слишком много, Кай. Куда тебе еще?

Он проигнорировал мой вопрос. Его шаги по мрамору холла звучали ритмично, как удары метронома. Сорок восемь ступеней до первого этажа. Я считала их по инерции. Особняк вокруг нас оживал. Мне казалось, что стены слегка пульсируют, впитывая звук нашего дыхания. Этот дом не был просто строением, он был организмом, и Кай был его центральной нервной системой.

- Ты слишком много думаешь о власти, Мира, - тихо произнес он, не сбавляя шага. - И слишком мало о безопасности. Ты как сломанный механизм, который пытается убедить всех, что он в порядке, пока из него сыплются шестеренки.

Он внес меня в мою ванную комнату и осторожно опустил на край массивной мраморной ванны. Свет здесь был слишком ярким, он резал глаза, выжигая остатки темноты подвала. Я зажмурилась, чувствуя, как по лицу ползут мурашки. Кай не ушел. Он включил воду. Звук струи, бьющей о фарфор, показался мне оглушительным, как рев водопада.

- Руки, - скомандовал он.

Я открыла глаза. Он стоял передо мной, закатав рукава своей безупречно белой рубашки. Его предплечья были жилистыми, покрытыми сетью едва заметных вен. Он взял мои ладони в свои. Мои пальцы были синими от холода, ногти казались серыми. Я смотрела, как его большие пальцы медленно проводят по моим костяшкам, и во мне боролись два желания: вырваться и ударить его или прижаться к нему, чтобы согреться.

Это было извращенное чувство безопасности. Тюремщик, который приносит плед. Палач, который проверяет, не слишком ли туго затянута петля. Я знала, что этот тотальный контроль - ловушка, но мое тело, измученное холодом и одиночеством, предательски требовало этой заботы. В особняке, где я была всего лишь залогом в чужой игре, Кай был единственным осязаемым объектом. Единственным свидетелем того, что я еще существую.

- Я сама, - выдавила я, пытаюсь отстраниться.

- Ты не можешь даже удержать мыло, Мира. Не лги себе. Это твоя главная проблема - ты постоянно пытаешься казаться функциональной там, где ты полностью разрушена.

Он подставил мои руки под струю теплой воды. Ощущение было болезненным, будто тысячи мелких игл вонзились в кожу одновременно. Я невольно вскрикнула и дернулась, но он крепко держал мои запястья. Его хватка была не грубой, но абсолютно непреодолимой. Рычаг. Точка опоры. Он знал физику тела не хуже меня.

- Терпи, - сказал он. - Кровообращение восстанавливается. Это всегда больно.

Я смотрела на его лицо. Оно было неподвижным, как маска. Никаких эмоций, никакого торжества. Просто выполнение задачи. Он намылил мои руки тяжелым куском кремового мыла. Пена была густой и пахла миндалем. Этот запах внезапно перенес меня в детство, в ту единственную неделю, когда мама взяла меня с собой в санаторий. Там тоже пахло

миндалем и чистотой, и я тогда верила, что если буду вести себя очень тихо, меня заметят и полюбят.

Кай мыл мои ладони с какой-то ритуальной тщательностью. Он промывал каждый палец, каждую ложбинку, будто очищал меня от самой сути того подвала. Я наблюдала за его движениями, и мой внутренний критик, обычно такой шумный, затих. Осталась только физиология: тепло воды, скольжение мыла, тяжесть его рук. Я ненавидела себя за то, что это приносило мне облегчение. Я ненавидела то, что в этом огромном, пугающем мире, где я всегда была лишней, этот человек, заперший меня в темноте, сейчас был моим единственным связующим звеном с реальностью.

- Почему ты это делаешь? - спросила я, глядя, как пена стекает в слив. - Зачем эта забота после того, как ты выключил свет?

Кай на мгновение замер. Его взгляд, холодный и выверенный, встретился с моим.

- Потому что ты принадлежишь этому дому, - ответил он медленно, будто объяснял ребенку очевидную истину. - А я слежу за сохранностью имущества. Если ты сломаешься, контракт будет нарушен. Моя задача - довести тебя до финала в целости.

- Я не имущество, Кай.

- Разве? Ты здесь потому, что за тебя заплатили. Ты здесь потому, что твое присутствие - это гарантия. Ты - живой залог, Мира. И чем быстрее ты это примешь, тем меньше у те-

бя будет поводов сидеть в подвале.

Я хотела ответить чем-то резким, хотела напомнить ему, что он сам - всего лишь слуга этого особняка, жрец при алтаре из камня и пыли. Но слова застряли в горле. Я посмотрела вниз, на раковину, и то, что я увидела, заставило мое сердце пропустить удар.

Вода, стекающая с моих рук, начала менять цвет. Сначала она стала сероватой, потом потемнела, приобретая оттенок мокрого асфальта. Через секунду из-под моих пальцев потекла густая, угольно-черная жидкость. Она клубилась в прозрачной воде, как чернила каракатицы, заполняя фаянсовую чашу раковины.

Я замерла, боясь пошевелиться. Мои руки были чистыми, когда я спускалась в подвал. Я не трогала уголь, я не лазила по пыльным углам. Я просто лежала на бетонном полу. Но сейчас с моих ладоней смывалась настоящая тьма.

- Что это? - прошептала я, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

Кай не выглядел удивленным. Он продолжал тереть мои руки, и эта черная субстанция пачкала его белые манжеты, оставляя на них несмываемые пятна. Он смотрел на воду с тем же аналитическим интересом, с каким ученый наблюдает за химической реакцией.

- Это дом, - коротко бросил он. - Он начинает тебя переваривать. Ты слишком долго сопротивлялась, Мира. Твое тело впитало тишину подвала. Это всего лишь излишки.

- Какие излишки? О чем ты говоришь? Это кровь?

- Нет. Это энергия. Особняк питается твоим страхом, твоим одиночеством, твоей безупречностью. Ты пытаешься быть идеальной, и дом забирает эту идеальность, оставляя тебе только пустую оболочку. То, что ты видишь в раковине - это твоя попытка остаться собой. Она выходит из тебя вместе с водой.

Я попыталась выдернуть руки, но он сжал мои запястья так сильно, что я почувствовала, как кости жалобно скрипнули.

- Не смей, - прошипел он, и в его голосе впервые прорезалась живая эмоция - холодная, яростная власть. - Если ты не вымоешь это сейчас, оно останется внутри. Ты хочешь стать частью этих стен уже сегодня? Хочешь превратиться в эхо в коридоре?

Я замерла. Черная вода продолжала изливаться из моих пор, будто я была переполненным сосудом с грязью. Это было физиологически невозможно, это противоречило всем законам биологии, которые я знала. Но моя мышечная память, мой единственный надежный инструмент, твердила: это происходит. Я чувствовала легкость, странную, пугающую легкость в кистях, будто вместе с этой чернотой уходила моя плотность, мой вес.

- Ты знал, что так будет, - я подняла на него глаза. - Ты специально запер меня там. Чтобы дом мог... присосаться ко мне?

- Я проверял твою емкость, - Кай наконец отпустил мои руки и выключил воду. Чернота медленно уходила в слив, оставляя на белом мраморе тонкий темный налет. - Ты оказалась крепче, чем я думал. Большинство ломается на втором часе. Ты продержалась три и даже не начала умолять. Это ценное качество для той, кому суждено стать сердцем этого места.

Он взял полотенце и начал вытирать мои руки. Движения снова стали подчеркнуто вежливыми, почти нежными. Эта смена состояний - от жестокости к заботе - действовала на меня разрушительнее, чем любая физическая пытка. Он создавал среду, где любое мое самостоятельное действие приводило к дискомфорту, а подчинение ему вознаграждалось теплом и чистотой. Это была классическая схема подавления, я знала ее по учебникам психологии, которые читала в университете, пытаюсь понять, почему мои родители смотрят сквозь меня. Но знать схему и быть в состоянии ей противостоять - разные вещи.

- Я хочу уйти, - сказала я, глядя на свои ладони. Они были бледными, почти прозрачными, и сквозь кожу просвечивали синеватые вены.

- Ты не можешь. Ты связана контрактом, который подписала не ты, но который ты обязана исполнить. Уход сейчас будет означать катастрофу. Не для тебя - для всех, кто связан с этой землей. Ты думаешь, особняк - это просто старые камни? Это живой механизм, Мира. И ты в нем - ключевая

деталь. Без тебя он начнет рушиться, и он заберет с собой всех.

- И тебя тоже? - я с вызовом посмотрела на него.

Кай едва заметно усмехнулся. Эта усмешка не коснулась его глаз, они оставались такими же бездонными и темными.

- Я - часть этого механизма гораздо дольше, чем ты можешь себе представить. Моя судьба не имеет значения. Имеет значение только твоя адаптация.

Он закончил вытирать мои руки и бросил полотенце в корзину. Его взгляд скользнул по моему лицу, задерживаясь на губах, на скулах, оценивая степень моей изможденности. Я чувствовала себя как экспонат в музее, который реставратор проверяет на наличие трещин.

- Иди в спальню, - сказал он. - Завтра приедут юристы. Тебе нужно быть в форме. Безупречность, Мира. Помни об этом. Это твое единственное оружие.

Я поднялась, чувствуя, как к ногам возвращается сила, но эта сила была какой-то чужой, искусственной. Я прошла мимо него, намеренно задев плечом его плечо. Он не шелохнулся. Он стоял в центре ванной комнаты, окруженный белым мрамором и запахом миндаля, и выглядел как самая стабильная часть этого безумного мира.

Выйдя в коридор, я не пошла в спальню. Я остановилась у окна, выходящего в сад. Особняк молчал, но это было не мирное молчание, а затишье перед бурей. Я смотрела на свои руки в лунном свете. Они казались чужими. Я вспомнила,

как тренер говорила мне: "Твое тело - твой инструмент. Если ты не контролируешь его, оно контролирует тебя".

Но что, если мое тело больше не принадлежит мне? Что, если эта черная вода была не просто "энергией", а моей сутью, которую дом медленно высасывал через поры? Я чувствовала голод. Не физический голод, а какую-то пустоту внутри, которую невозможно было заполнить едой или сном. Это был голод по вниманию, по признанию, по тому, чтобы кто-то наконец увидел меня настоящую, а не ту функциональную модель, которую я так старательно выстраивала годами.

Кай видел меня. Но он видел во мне только деталь механизма. И самое страшное было в том, что мне это начинало нравиться. Быть важной деталью в чем-то огромном, неизбежном, вечном - это было лучше, чем быть невидимой гостьей в собственной жизни.

Я подошла к своей двери и обернулась. Кай все еще стоял в конце коридора. Он не смотрел на меня, он смотрел на стену, будто видел сквозь нее движение соков внутри дома. Он был стражем, жрецом, тюремщиком. И он был единственным, кто знал правду о том, что происходит со мной в этом особняке.

- Кай, - позвала я тихо.

Он повернул голову. Его лицо в тени казалось высеченным из камня.

- Ты ведь тоже боишься его, правда? - спросила я. - Ты

боишься, что однажды он насытится и ты станешь ему не нужен.

Он промолчал. Но я увидела, как на мгновение его пальцы сжались в кулаки. Это было мимолетное движение, почти незаметное для обычного глаза, но я, с моей гимнастической привычкой фиксировать микро-движения, заметила это. Его броня дала трещину. Маленькую, размером с волосок, но она была там.

- Ложись спать, Мира, - ответил он через долгую паузу. Его голос снова был ровным, но в нем появилось что-то новое - едва уловимая вибрация, похожая на далекий гром. - Завтра будет трудный день.

Я вошла в комнату и закрыла дверь. Щелчок замка отозвался в моем животе холодным спазмом. Я подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение. В полумраке мои глаза казались огромными провалами. Я коснулась своей шеи, чувствуя пульсацию сонной артерии. Я была жива. Я все еще была здесь.

Но когда я посмотрела на свои ладони, я увидела под ногтями тонкие черные ободки. Как будто я весь день работала в саду, зарываясь руками в жирную, плодородную землю. Я знала, что это не грязь. Это был особняк, который оставил на мне свое клеймо.

Я легла в постель, не раздеваясь. Холод подвала все еще сидел внутри моих костей, и я свернулась калачиком, пытаюсь сохранить остатки тепла. Мой внутренний тренер мол-

чал. В этой тишине я слышала только одно: как дом дышит. Медленно, тяжело, в унисон с моим собственным сердцем.

Я была залогом. Я была инструментом. Я была добычей. Но засыпая, я поймала себя на мысли, что впервые в жизни я нахожусь именно там, где должна быть. И эта мысль пугала меня больше, чем черная вода в раковине. Потому что если мне нравится моя камера, значит, я уже перестала быть узницей и стала частью тюрьмы.

Сны пришли мгновенно. Мне снилось, что я стою на бревне, которое бесконечно удлиняется, уходя в темноту. Я иду по нему, и мои стопы оставляют черные следы на светлом дереве. Впереди стоит Кай. Он держит в руках магнезию, но когда я протягиваю руки, чтобы смазать ладони, я вижу, что это не порошок, а пепел.

- Прыгай, - говорит он.

- Но там нет матов, - отвечаю я. - Там пустота.

- Пустота - это твоя единственная опора, - повторяет он мои собственные мысли. - Если ты не упадешь, ты никогда не узнаешь, умеешь ли ты летать.

Я проснулась от собственного крика, который застрял в горле, превратившись в хрип. В комнате было тихо. Лунный свет передвинулся, теперь он падал на мои руки, лежащие на одеяле. Черные ободки под ногтями стали ярче.

Я встала и подошла к окну. Внизу, на дорожке сада, стоял Кай. Он смотрел на мои окна, неподвижный, как статуя. Он не спал. Он охранял свой залог. Или он ждал, когда дом

окончательно поглотит меня, чтобы занять мое место?

Я прижалась лбом к холодному стеклу. Мое тело отозвалось на этот холод привычной мобилизацией. Я была готова. К следующему раунду, к следующему прыжку, к следующей порции черной воды. Кай думал, что он контролирует сценарий. Но он забыл одно: гимнасты умеют менять траекторию в воздухе. И если этот особняк хочет питаться моей энергией, он должен быть готов к тому, что я могу оказаться слишком горькой на вкус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.